

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ФЕВРАЛЬ.

1878.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СХСV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маріинскихъ мостами, д. № 90-1.

1878.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Восточный вопрос и Задунайская славянина. П. Кулиша.

Свѣдѣнія о жайнахъ и буддистахъ И. П. Минаева.

Русско-византийскіе отрывки В. Г. Васильевского.

О свѣтскихъ фискалахъ и духовныхъ инвенторахъ. Т. Барсова.

Новости иностранной литературы.

О практическихъ занятіяхъ воспитанниковъ учительской семинаріи въ начальномъ училищѣ. А. Баранова.

Четвертый археологическій съѣздъ въ Казани.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній. а) высшія и среднія учебныя заведенія.

Возраженіе г. Радлову В. Смирнова.

Ю. В. Толстой (Неврологъ).

Отдѣлъ классической филологии и Приложение.

(См. на 3-й стр. обертки.)

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ И ЗАДУНАЙСКАЯ СЛАВЯНЩИНА

передъ глазами московскаго царя Михаила Федоровича 1626.

(Посвящается Ольгѣ Платоновнѣ М****).

Борьба Польши съ Москвою, выражала стремленіе Западной Европы подчинить себѣ православный Востокъ. Защищая себя отъ польскихъ вторженій, Московское царство давало устой всему восточному христіанству, въ отособленіи его отъ христіанства западнаго. Въ Москвѣ, можетъ быть, этого и не сознавали, до въ центрахъ западной политики оно чувствовалось. Западная Европа, въ лицѣ своихъ передовыхъ людей — религиантовъ, безпокоилась, видя неподомимую государственную силу, которая возникла на Сѣверѣ изъ невѣдомаго современнѣмъ историкамъ хаоса темныхъ народностей, и возбуждала болѣе или менѣе опредѣленныя надежды — съ одной стороны, въ не добитыхъ католиками Нѣмцами Славянахъ на Западѣ, а съ другой, въ не добѣденныхъ мусульманами Турками, христіанахъ на Востоцѣ. Безпокойство Западной Европы было нѣсколько ослаблено, перевѣсомъ польскаго оружія надъ русскимъ, и успѣхами римской политики, направившей это оружіе для своихъ собственныхъ цѣлей. Совокупная работа военныхъ людей и церковныхъ дипломатовъ, начавшаяся еще въ эпоху Ивана Грознаго, привела, наконецъ, дѣла къ тому, что Московское царство очутилось въ одно и то же время въ рукахъ у Поляковъ и у Шведовъ, у католическихъ Славянъ, и у протестантскихъ Нѣмцевъ. Торжество Запада надъ Востокомъ было близко; наденіе послѣдняго, оплота восточнаго христіанства, казалось неизбѣжнымъ.

Но лучшія силы Русскаго народа, совдателя единовластной Москвы, взяли верхъ надъ силами, извращенными тиранніей Ивана Грознаго,

цареубійствомъ Бориса Годунова, поруганіемъ царскаго достоинства въ эпоху самозванцевъ, — и государство, находившееся въ расприженіи разновѣрныхъ напастниковъ, опять стало принадлежать православному. 1612 годъ изумилъ весь міръ неожиданнымъ переворотомъ дѣлъ въ Московскомъ государствѣ и самому народу Русскому казался работою нечеловѣческаго духа. Съ призваніемъ на царство Романовыхъ началось въ немъ съ новою силою прерванное на время строеніе тѣхъ сочетаній отдѣльныхъ единицъ въ органическое цѣлое по ихъ, природѣ, которымъ выразился самостоятельный характеръ Русскаго народа въ исторіи; и казалось, что Поляки не осмѣлятся вернуться на мѣсто мимоетной славы своей, завершившейся безславіемъ. Но черезъ шесть лѣтъ послѣ голоднаго сидѣнья въ Кремлѣ и позорнаго изгнанія изъ Москвы, исконные соперники русскаго господства въ сѣверной Славянщинѣ еще разъ появились подъ стѣнами русскои столицы.

Въ 1618 г. партія людей миролюбиво осторожныхъ поддалась въ Польшѣ партіи воинственно мечтательной. Живы и здоровы еще были храбрѣе ротмистры, которые разбили войско царя Василия Шуйскаго при Клушинѣ и овладѣли самодержавною Москвою. Живъ былъ еще и герой клушинской битвы; плѣнитель Московскаго царя, Станиславъ Жовковскій¹⁾; Ошибка Сигизмунда III, захотѣвшаго царствовать во время — одно вмѣсто сына, сдѣлалась очевидною и для него самого. Поляки предоставили исправить ее королевицу Владиславу, достигшему совершеннѣйшаго; самъ Жовковскій, отговаривавшій короля отъ его безразсуднаго плана, не противился героическому порыву молодаго поколѣнія; и Владиславъ Жигимонтовичъ, какъ называлъ онъ себя въ прокламаціи, явился оспаривать Мономахову шапку у новаго царя Михаила Федоровича.

Вмѣстѣ съ Поляками поднялись на Россію и ихъ дикіе питомцы, ихъ измѣнчивые союзники, ихъ опасные враги — днѣпровскіе казаки. Подъ предводительствомъ самаго талантливаго изъ своихъ гетмановъ, Петра Конашевича Сагайдачнаго, они повторили въ единовѣрной и единоплеменной имъ странѣ тѣ страшныя подвиги убійства, грабежа и опустошенія, по имени которыхъ предъдущее нашествіе шляхты и

¹⁾ Это червоно-русское имя мы привыкли писать по-польски Жолѣвскій, равно какъ и другія русскія имена, принадлежавшія польскимъ полководцамъ и дѣлителямъ. Во Львовѣ до сихъ поръ существуютъ вѣрота Жовковскія, которыми дѣре и Поляки не называютъ Жолѣвскія.

казакъ прозвано московскимъ развореніемъ. Будущіе творцы Руинъ¹⁾ потрясли еще однажды едва оправившееся государство ради своей добычи, ради своей дикой славы, и заставили его сдѣлать въ Деулинѣ Полякамъ уступки, которыя, въ иномъ положеніи внутреннихъ дѣлъ, могли бы быть названы поворными.

Но четырнадцатилѣтнее Деулинское перемиріе было періодомъ, благотворнѣйшимъ для государственнаго организма Россіи. Въ этотъ періодъ Московское царство стало крѣпчать и приходитъ въ устройство такъ быстро, что русскій Югъ, подвластный беспорядочной Польшѣ, началъ смотрѣть на Россію, какъ на идеально тихую, благоденствующую страну. Къ такому взгляду на возставшее изъ своего упадка государство приводило русскихъ южанъ не столько дѣйствительное благосостояніе державы Романовыхъ, сколько отсутствіе въ ней внутренней распри, постоянно волновавшей русскія области Польской Рѣчи Насполитой. Въ Московскомъ царствѣ была одна вѣра и одна верховная власть. Въ Польшѣ разнорѣчіе раздражало отдѣльные дома и цѣлыя корпораціи противъ королевской партіи, а верховная власть надъ низшими классами раздѣлена была между „великими панамъ“, которыхъ простой народъ и низшая шляхта съ досадою прозвали королями.

Ни одно сословіе не питало къ этому порядку вещей такого отвращенія, какъ православное духовенство, воспитанное своими преданіями въ духѣ единовѣрія и единовластія. Въ то время, когда Поляки разоряли Московское царство, южнорусское духовенство терпѣло подобное же развореніе церкви своей отъ собственныхъ отступниковъ униатовъ, руководимыхъ завзятыми папистами. Торжество русской силы въ Москвѣ надъ польскою было для него торжествомъ христіанства надъ панизмомъ²⁾. Но русская сила колебалась на Сѣверѣ въ

¹⁾ Синонимъ казацко-шляхетскихъ войнъ Богдана Хмельницкаго и его преемниковъ, обратившихъ въ пустыню Киевскую землю, Волынь, Подлію и большую часть Черноярной Руси.

²⁾ Въ борьбѣ за православіе съ униатами и католиками южно-русскіе предки наши называли свою вѣру просто *христіанскою*, не допуская мысли, чтобы кромѣ одного христіанства, существовало какое-либо еще другое. Такъ Іоаннъ Вишнепскій писалъ съ Афона: «Нынь русскіе князья всѣ оеретичались между ляхами и *отступили отъ христіанства*, отъ истинной вѣры» (Ист. Воез. Р., т. I, 296). Такъ Исвія Копинскій называлъ черехъ священника Гедсона въ Москву, что поляки вскорѣ напѣрени «плетуть на *христіанскую труу*» (Матер. для Ист. Воез. Р., т. I, 126). Такъ и безвѣстный составитель бѣлорусской Воркудабовской Хроникѣ писалъ подъ 1588 годомъ: «Явилася промѣжь панамъ

смутное время Московскаго государства не столько подъ напоромъ иноплеменниковъ, то-есть, Поляковъ, польскихъ наемниковъ Нѣмцевъ и польскихъ соперниковъ Шведовъ, дружно съ католиками довершавшихъ разореніе Московіи, сколько отъ тѣхъ Русичей, которые оказались подъ предводительствомъ польскорусской шляхты, выросли въ борьбѣ съ польскою олигархіей до многочисленной военной корпораціи, и привлекаемые легкою добычею въ разоренномъ царствѣ, помогали врагамъ православія рушить Москву, эту послѣднюю надежду томившихся подъ агарянскимъ игомъ христіанъ, этотъ второй Іерусалимъ, какъ величали ее на всемъ пространствѣ отъ Кіевской земли до Аравіи и Египта. Религіозно-интеллигентные предки наши, сидѣвшіе въ кіевскихъ монастыряхъ, не могли этого не знать и не видѣть; но отвлечь днѣпровскихъ добычниковъ отъ союза съ отступниками православія и съ коренными его противниками — русско-польскими дворянами — было немисливо для представителей южнорусскаго духовенства. Ни изъ какихъ историческихъ свидѣтельствъ и источниковъ не видно, чтобы казаки, геройствовавшіе съ Заруцкими, Гонсѣвскими и Струсями въ смутное время Русской земли, или тѣ, что повторили московское разореніе въ 1618 году, находились подъ влияніемъ этого убогаго, разобщеннаго и загнаннаго сословія, — тѣмъ болѣе, что съ 1607 г. оно не имѣло уже въ своемъ составѣ ни одного архіерея, и назидая паству свою, само уподоблялось разсѣянному стаду безъ пастыря¹⁾. Напротивъ, намъ извѣстно, что воинственная

великая немилость (нелюбіе), показалась отщепенство и великое гоненіе у святой вере на церкви Христовы, и наболей на веру католическую, на *оеру христіанскую*» (Тамъ же, стр. 55). Этотъ, по видимому, простодушный взглядъ есть истинно историческій и философскій, усвоенный нашими богословами преемственно отъ апостоловъ первобытнй церкви.

¹⁾ Въ 1607 году умеръ послѣдній изъ протестовавшихъ противъ церковной уніи православныхъ архіереевъ, Гедеонъ Волобанъ. Я не упустилъ здѣсь изъ виду Михаила Перемышльскаго, скончавшагося въ 1612 г.; но это была до того бездѣйственная личность, что даже королевская партія игнорировала его существованіе. Авторъ Борнубовской Хроники (Матер. для Ист. Возр. Р., т. I, 62) приводитъ универсалъ Сигизмунда III отъ 11-го марта 1592 года, въ которомъ король общается свои милости русскимъ епископамъ за принятіе уніи и въ числѣ ихъ не упоминаетъ одного Перемышльскаго. Въ борьбѣ по поводу уніи Михаилъ Перемышльскій не игралъ никакой роли. На мѣсто Гедеона посвященъ Іеремія Тисаровскій, по порученію Константинопольскаго патріарха, Волошскимъ митрополитомъ; но онъ оставался въ сторонѣ отъ Кіева и былъ поглощенъ неотвѣстными дѣлами въ то время, когда дѣло шло о спасеніи южнорусской церкви.

днѣпровская орда, даже въ эпоху славы Сагайдачнаго, считала присутствіе въ своемъ войскѣ священника вредоноснымъ для военнаго счастья ¹⁾. Она попеременно служила то "дьяровитому католику" ²⁾ Сигизмунду III противъ православной Москвы, то императору Фердинанду II противъ чешскихъ уtrakвистовъ ³⁾, — тому Фердинанду, который, будучи еще принцемъ, поклонялся у ногъ папы истреблять иновѣрцевъ по всей своей имперіи и лучше превратить ее въ пустыню, нежели допустить въ ней какое-либо вѣроисповѣданіе, кромѣ римско-католическаго ⁴⁾. Казацкая орда только считалась православною; но православный міръ терпѣлъ отъ нея тѣ же набѣги, грабежи и убійства, что и отъ всякихъ иныхъ добычниковъ. Надобно было совершиться въ русскомъ мірѣ событіямъ чрезвычайнымъ, чтобы приостановить вредоносную для него дѣятельность днѣпровскаго казачества, котораго кадры состояли изъ безпощаднаго въ своей нищетѣ, мстительности и распутствѣ отребія русско-польскаго общества. Такими чрезвычайными событіями были подвиги русскаго духа, возстановившіе государственную силу нація и тѣмъ самымъ положившіе предѣлы стихійному разливу анархической вольницы. Съ возстаніемъ Московскаго царства изъ многолѣтняго упадка началась новая эпоха и въ отношеніяхъ такъ называемаго Запорожскаго войска къ православному міру на русскомъ Сѣверѣ и Югѣ.

Въ силу Деулинскаго договора былъ возвращенъ изъ польскаго плѣна Ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ, отецъ избраннаго въ 1612 г. царя Михаила Феодоровича, и занялъ патриаршій престолъ, остававшійся празднымъ послѣ великаго Гермогена. На это сѣдалище, сдѣлавшееся въ эпоху испытанія Россіи истинно священнымъ, возвелъ его патриархъ Иерусалимскій Теофанъ, пріѣхав-

¹⁾ Археогр. Сб., I, 265. Нельзя при этомъ не вспомнить сочиненія Лютера «Von Kriege wider der Türken», въ которомъ онъ, съ своей точки зрѣнія, говоритъ, что христіане терпѣли поражение въ войнахъ противъ Турокъ отъ Владислава Варнскаго до Людовика Венгерскаго потому, что въ ихъ арміяхъ находились попы (S. 19). Вспомнимъ протестанта Зборовскаго, гетманившаго у казаковъ. Протестантизмъ имѣлъ въ ихъ средѣ много представителей своего отрященія сложившейся отъ вѣковъ церкви и ея священства.

²⁾ Такое названіе даетъ ему одна современная лѣтопись.

³⁾ То-есть, прячавшихся подъ двумя видами, подъ видомъ хлѣба и вина.

⁴⁾ Въ 1620 году казачье войско участвовало въ знаменитомъ пораженіи Чеховъ на Вѣлой Горѣ подъ Прагою (Бумаги Флорент. центр. архива, изд. гр. Бутурлинымъ, II, 212).

смутное время Московскаго государства не столько подъ напоромъ иноплеменниковъ, то-есть, Поляковъ, польскихъ наемниковъ Нѣмцевъ и польскихъ соперниковъ Шведовъ, дружно съ католиками довершавшихъ разореніе Московіи, сколько отъ тѣхъ Русичей, которые оказались подъ предводительствомъ польскорусской шляхты, выросли въ борьбѣ съ польскою олигархіей до многочисленной военной корпораціи, и привлекаемые легкою добычею въ разоренномъ царствѣ, помогали врагамъ православія рушить Москву, эту послѣднюю надежду томившихся подъ агарянскимъ игомъ христіанъ, этотъ второй Іерусалимъ, какъ величали ее на всемъ пространствѣ отъ Кіевской земли до Аравіи и Египта. Религіозно-интеллигентные предки наши, сидѣвшіе въ кіевскихъ монастыряхъ, не могли этого не знать и не видѣть; но отвлечь дѣйпровскихъ добычниковъ отъ союза съ отступниками православія и съ коренными его противниками — русско-польскими дворянами — было немисливо для представителей южнорусскаго духовенства. Ни изъ какихъ историческихъ свидѣтельствъ и источниковъ не видно, чтобы казаки, геройствовавшіе съ Заруцкими, Гонсѣвскими и Струсями въ смутное время Русской земли, или тѣ, что повторили московское разореніе въ 1618 году, находились подъ вліяніемъ этого убогаго, разобщеннаго и загнаннаго сословія, — тѣмъ болѣе, что съ 1607 г. оно не имѣло уже въ своемъ составѣ ни одного архіерея, и назидая паству свою, само уподоблялось разсѣянному стаду безъ пастыря ¹⁾. Напротивъ, намъ извѣстно, что воинственная

ведкая немилость (нелюбие), показалася отщепенство и великое гоненіе у святой вере въ церкви Христовы, и наболей на веру католическую, на *веру христіанскую* (Тамъ же, стр. 55). Этотъ, по видимому, простодушный взглядъ есть истинно историческій и философскій, усвоенный нашими богословами преемственно отъ апостоловъ первобытной церкви.

¹⁾ Въ 1607 году умеръ послѣдній изъ протестовавшихъ противъ церковной уніи православныхъ архіереевъ, Гедеонъ Болобанъ. Я не упустилъ здѣсь изъ виду Михаила Перемишльскаго, скончавшагося въ 1612 г.; но это была до того бездѣйственная личность, что даже королевская партія игнорировала его существованіе. Авторъ Борнубавскаго Хроника (Матер. для Ист. Возр. Р., т. I, 62) приводитъ универсалъ Сигизмунда III отъ 11-го марта 1592 года, въ которомъ король обѣщаетъ свои милости русскимъ епископамъ за принятіе уніи и въ числѣ ихъ не упоминаетъ одного Перемишльскаго. Въ борьбѣ по поводу уніи Михаилъ Перемишльскій не игралъ никакой роли. На мѣсто Гедеона посвященъ Іеремія Тисаровскій, по порученію Константинопольскаго патріарха, Волошскимъ митрополитомъ; но онъ оставался въ сторонѣ отъ Кіева и былъ поглощенъ необъятными дѣлами въ то время, когда дѣло шло о спасеніи южнорусской церкви.

дѣйпроевская орда, даже въ эпоху славы Сагайдачнаго, считала присутствіе въ своемъ войскѣ священника вредоноснымъ для военнаго счастья ¹⁾. Она попеременно служила то «яровитому католику» ²⁾ Сигизмунду III противъ православной Москвы, то императору Фердинанду II противъ чешскихъ уtrakвистовъ ³⁾, — тому Фердинанду, который, будучи еще принцемъ, поклялся у ногъ папы истреблять иновѣрцевъ по всей своей имперіи и лучше превратить ее въ пустыню, нежели допустить въ ней какое-либо вѣроисповѣданіе, кромѣ римско-католическаго ⁴⁾. Казацкая орда только считалась православною; но православный міръ терпѣлъ отъ нея тѣ же набѣги, грабежи и убійства, что и отъ всякихъ иныхъ добычниковъ. Надобно было совершиться въ русскомъ мірѣ событіямъ чрезвычайнымъ, чтобы пріостановить вредоносную для него дѣятельность дѣйпроевскаго казначества, которая кадры состояла изъ безпощаднаго въ своей нищетѣ, мстительности и распутствѣ отребія русско-польскаго общества. Такими чрезвычайными событіями были подвиги русскаго духа, возстановившіе государственную силу націи и тѣмъ самымъ положившіе предѣлы стихійному разливу анархической вольницы. Съ возстаніемъ Московскаго царства изъ многолѣтнаго упадка началась новая эпоха и въ отношеніяхъ такъ называемаго Запорожскаго войска къ православному міру на русскомъ Сѣверѣ и Югѣ.

Въ силу Деулинскаго договора былъ возвращенъ изъ польскаго плѣна Ростовскій митрополитъ Филаретъ Пикитичъ Романовъ, отецъ избраннаго въ 1612 г. царя Михаила Феодоровича, и занялъ патриаршій престолъ, остававшійся празднымъ послѣ великаго Гермогена. На это сѣдалище, сдѣлавшееся въ эпоху испытанія Россіи истинно священнымъ, возвелъ его патриархъ Иерусалимскій Теофанъ, пріѣхав-

¹⁾ Археогр. Сб., I, 265. Нельзя при этомъ не вспомнить сочиненія Лютера «Von Kriege wider der Türker», въ которомъ онъ, съ своей точки зрѣнія, говоритъ, что христіане терпѣли поражение въ войнахъ противъ Турокъ отъ Владислава Варненскаго до Людовика Венгерскаго потому, что въ ихъ арміяхъ находились попы (S. 19). Вспомнимъ протестанта Зборовскаго, гетманившаго у казаковъ. Протестантизмъ имѣлъ въ ихъ средѣ много представителей своего отрицанія сложившейся отъ вѣковъ церкви и ея священства.

²⁾ Такое названіе даетъ ему одна современная лѣтопись.

³⁾ То-есть, причащавшихся подъ двумя видами, подъ видомъ хлѣба и вина.

⁴⁾ Въ 1620 году казачье войско участвовало въ знаменитомъ пораженіи Чеховъ на Вѣлой Горѣ подъ Прагою (Бумаги Флорент. центр. архива, изд. гр. Бутурлинымъ, II, 212).

щій въ Москву за милостынею. Когда такимъ образомъ Россія возстановилась и получила прежнее значеніе державы, крѣпко сплоченной единствомъ церковной и свѣтской власти, казаки Сагайдачнаго вспомнили московскую службу своихъ предводителей въ XVI столѣтіи; и въ свою очередь, постарались заслужить благоволеніе православнаго царя, у котораго недавно пытались вырвать изъ рукъ скипетръ и державу для католическаго королевича ¹⁾.

Пребываніе въ Москвѣ патриарха Феофана и прибытіе туда же представителей Запорожскаго войска знаменуетъ начало весьма важнаго событія въ южно-русскомъ православіи. Но въ виду неточнаго и преувеличеннаго въ нашей литературѣ понятія объ участіи двѣнровскихъ добычниковъ въ дѣлахъ южно-русской церкви, необходимо сперва указать здѣсь на общій характеръ казацкой вольницы

II.

Двѣнровскіе казаки, появившись на исторической сценѣ въ одно и то же время съ казаками татарскими подъ конецъ XV вѣка, держали себя въ началѣ какъ неподвластная никакому государю орда, на манеръ Нагайскихъ, Азовскихъ, Бѣлогородскихъ или Буджацкихъ Татаръ и за дѣньги, за козуки, зипуны, жупаны и военные снаряды, служили христіанскимъ государямъ безразлично противъ ихъ мусульманскихъ непріятелей, а подчасъ и мусульманамъ противъ христіанъ. Въ XVI вѣкѣ они сдѣлались предметомъ вербовки для людей, пытавшихся отразить мусульманскую силу на пограничьяхъ христіанскаго міра, подъ вліяніемъ Римскихъ папъ, постоянно возбуждавшихъ западное рыцарство къ подвигамъ самопожертвованія. XVI вѣкъ былъ послѣднимъ вѣкомъ религіозно-рыцарскаго энтузіазма. Въ то время не перевелись еще люди, отрицавшіеся знатности, богатства и всѣхъ житейскихъ благъ для борьбы съ врагами христіанства. Въ то время часто подъ одеждою война можно было встрѣтить крестоносца-аскета, который вѣровалъ въ силу молитвы болѣе, чѣмъ въ силу оружія, и добровольно, даже преднамѣренно, подвергалъ себя всѣмъ лишениямъ и опасностямъ военнаго быта, чтобы на босвомъ полѣ заслужить небесный вѣнецъ мученика. Таковъ былъ въ древнемъ казац-

¹⁾ Мотивъ похода королевича Владислава, былъ именно, домогательство московскаго престола (см. прокламацію, царя и великаго князя Владислава Жигимонтовича всея Руси въ Московское государство въ Ист. Россіи *Богачева*, IX, 136, изд. 1-е).

комъ рыцарствѣ Предиславъ Ланцкоронскій. Такимъ является намъ въ молдавскомъ походѣ Николай Мелецкій¹⁾. Такимъ изображаетъ геральдикъ XVI вѣка Папроцкій и князя Богдана Рожинскаго. Подобные предводители казацкой вольницы не знали бодѣе сильныхъ побужденій къ войнѣ, какъ желаніе очистить грѣхи юности своей, грѣхи невѣдѣнія своего, и стяжать славу христіанскаго рыцаря. Они были религіозны въ рыцарскомъ значеніи слова и на все казачество, въ глазахъ Европы, набрасывали цвѣтъ христіанскихъ войновъ. Такъ характеризуетъ одного изъ казацкихъ гетмановъ Гамберини, секретарь папскаго нунція при дворѣ Стефана Баторія, и этимъ гетманомъ былъ, какъ надобно думать, извѣстный Япъ Оришовскій, подстаростичъ Чечерскій и Пропойскій. Онъ говорилъ о своемъ рыцарскомъ призваніи съ энтузіазмомъ, сѣтовалъ на короля за жестокое обращеніе съ казаками въ угодность Туркамъ и въ интимныхъ бесѣдахъ съ Итальянцемъ открывалъ ему задушевное желаніе воевать съ невѣрными „во славу Божию и на вѣчную память казацкаго имени“²⁾.

Но среди Ланцкоронскихъ, Мелецкихъ, Рожинскихъ, Оришовскихъ уже и въ первомъ періодѣ казацкихъ подвиговъ былъ возможенъ казакъ Байдѣ, какъ прозывался князь Дмитрій Вишневецкій, который служилъ съ своими Запорожцами сперва Польскому королю, потомъ — Турецкому султану, далѣе — Московскому царю и наконецъ опять Польскому королю. Характеръ вождя давалъ то или другое направленіе казацкой дѣятельности, которая имѣла главною своею цѣлью добычу и соединенную съ добычей боевую славу.

Войны Стефана Баторія и московскаго самозванца размножили казацкія купы, наполнили ихъ разновѣрнымъ сбродомъ и приучили разбойничать во владѣніяхъ православнаго царства безъ всякаго приманія къ его святилищамъ. Баторій, изъ политическихъ расчетовъ, отвлекалъ казаковъ отъ войны съ мусульманами, прогонялъ ихъ со всѣмъ съ днѣпровскаго Низу на донской Низъ; манилъ къ себѣ жалованьемъ, рыцарскою славою въ Московщинѣ и богатою поживою³⁾ у народа запасливаго, наконецъ предоставилъ Запорожскому

¹⁾ Ист. Воев. Р., т. I, 79.

²⁾ Документальныя извѣстія объ этомъ гетманѣ читатель найдетъ въ статьѣ В. В. Макушева: «Восточный вопросъ въ XVI и XVII вѣкѣ», написанной по владѣніямъ итальянскимъ источникамъ (Слав. Об., III).

³⁾ Вотъ слова короля Стефана Баторія, обращенныя къ низовцамъ: «Przedsięwzięcie tho nasze byto, zeszmywasz napostugę nasze przeciw Moskiewskiemu, z którym wojnę zaczynamy, wezwacz, gdzie kazdy z was mógłby miecz płacz y serce

войску въ исключительную собственность городъ Трахтомировъ съ его монастыремъ, въ которомъ казаки могли бы устроить складъ военныхъ запасовъ и давать пристанище своимъ инвалидамъ. Множество низшей шляхты стало тогда казаковать въ видѣ военного промысла, замѣнявшаго ей невѣрное на пограничьи земледѣліе, не говоря уже о тѣхъ шляхтичахъ, которые шли въ казаки, промотавъ батьковщину или утративъ права гражданства; а Сигизмундовское принужденіе мѣщанъ къ уни заставило искать „казацкаго хлѣба“ не только простыхъ мѣщанъ, но и войтовъ, бурмистровъ, райцевъ, лавниковъ, вытѣсненныхъ изъ магистратскихъ лавицъ за сопротивление королевскимъ распоряженіямъ. Всею же больше шло въ казацкія кушмы пляхетской и мѣщанской молодежи, которой въ пограничныхъ, сравнительно убогихъ, воеводствахъ житье было вообще плохое, которую томилъ тогдашняя суровость домашней власти, и которую тѣмъ еще сильнѣе прельщала казацкая добыча вмѣстѣ съ безконтрольною казацкою вольностью: Днѣпровскіе казаки изъ небольшой воспой корпораціи сдѣлались цѣлою частью польско-русскаго населенія юго-восточныхъ окраинъ Рѣчи Посполитой. Они гнѣздились въ пограничныхъ городахъ и мѣстечкахъ отъ похода до похода, отъ поживы до поживы¹⁾ и всегда были къ услугамъ того, кто судилъ имъ деньги на вооруженіе, а въ перспективѣ — богатую добычу съ боевою славою. Эта готовность обошлась Москвѣ очень дорого. Московское разореніе не было бы такъ ужасно, а можетъ быть, и совѣмъ не существовало бы въ исторіи, еслибы польская беззавида не размножила казаковъ и не привела бы ихъ на поживу сперва въ царство Ивана Грознаго, а потомъ въ царство Бориса Годунова и Василия Шуйскаго. Москва и прежде возымѣла о днѣпровскихъ казакахъ не выгодное для нихъ мнѣніе, которое въ 1594 году думные дяки выразили императорскому послушавъ нельзя опредѣлительнѣе. „Это — люди дикіе“, говорили они, — не обузданные, не имѣющіе страха Божія, и на вѣрность ихъ нельзя рассчитывать“²⁾. Послѣ смутнаго времени и тѣхъ подмиговъ,

męskie u dzielność z wczciwszą sławą swą u w lepszym pożytku em, auzili do Wołoch chodząc, pokazasz. (Матер. для Ист. Возв. Р., т. I, 4—5). Онъ зналъ людей, которымъ указывалъ на лучшее попріице славы и добычи, чѣмъ турецкая Волочина, и не ошибся въ своей увѣренности.

¹⁾ Въ казацкой пѣснѣ поется:

Іахтѣ... И день и ночь войны ждемъ,
поживы не маемъ...

²⁾ *Книжце Оби. Ист. и Др. Росс. 1873 г., кн. 2, стр. 269.*

которыми ознаменовали себя казаки Сагайдачнаго въ 1618 году, на нихъ стали въ Москвѣ смотрѣть, какъ на татарскую орду, не имѣющую съ православіемъ ничего общаго ¹⁾). Казаки, съ своей стороны, не симпатизировали Москвѣ. Возстановленные въ тотомъ царствѣ строгости прогоняли къ нимъ отчаянныхъ преступниковъ, а пожалуй и несправедливо обвиняемыхъ въ преступленіяхъ. Отъ этихъ бѣглецовъ казаки слышали одно дурное о московскихъ порядкахъ. Въ лицѣ своихъ предводителей, которыми почти всегда дѣлались поспорившіе съ обществомъ и государствомъ шляхтичи да магистратскіе чиновники, казаки были озлоблены противъ предержавшихъ властей, каковы бы онѣ ни были, и потому сочувствовали мстительности московскихъ бѣглецовъ. Самая дружба Днѣпровскихъ казаковъ съ Донцами, къ которымъ уходило изъ Москвы все буйное и вороватое, отчуждала эту часть южныхъ Русичей отъ Русичей сѣверныхъ. Походъ казаковъ Сагайдачнаго въ 1618 году, сопровождавшійся опустошеніемъ цѣлаго ряда городовъ, пригородовъ, царскихъ, боярскихъ и монастырскихъ имѣній отъ литовскаго рубежа до самой Москвы, казалось, перессорилъ на вѣки днѣпровскихъ добычниковъ съ правительствомъ, которому они служили не разъ противъ Крымцевъ со временъ Ивана Грознаго. Но казаки до того привыкли къ хищничеству и убійствамъ, что совѣтъ не сознавали, какъ позорны поступки ихъ. Черезъ два года по заключеніи Деулинскаго перемирія, тѣ самые люди, которые проторили что называется татарскій шляхъ къ Москвѣ черезъ раззоренные ими города Путивль, Ливны, Елецъ, Лебедянь, прислали въ Путивль 15 своихъ товарищей казаковъ, подъ предводительствомъ атамана Одица, съ поиманными ими подъ самою „Перекопью“ татарскими „языками“, и предлагали царю свои „казацкія услуги по старинѣ, лишь бы царь жаловалъ Запорожское войско своимъ „аспоможеніемъ для войны съ невѣрными“.

Татарскіе языки были нужны царю для развѣдокъ обо всемъ, что дѣлается въ басурманщинѣ; но посланцевъ казацкихъ не захотѣлъ онъ видѣть и послалъ къ пограничнымъ доводамъ указъ — дать имъ царское жалованье, у себя въ Путивлѣ. Казаки между тѣмъ съумѣли такъ подѣйствовать на воеводу, что тѣ, не дождавшись царскаго указа, „отпустили ихъ къ Москвѣ“. Дѣлать было нечего.

¹⁾ Очевидный свидѣтель поддоговъ Сагайдачнаго въ 1618 году отзывался о кнѣзяхъ, какъ о разбойникахъ или раззорителяхъ православныхъ церквей (Ист. Росс. Р., т. III, 81, примѣч.).

Изъ посольскаго приказа въ Путивль написать царскій выговоръ, чтобы впередъ воеводы „такихъ великихъ дѣлъ не дерзали; и своею глупостью царскимъ дѣламъ поруки не чинили“, а посланцевъ Запорожскаго войска принимали въ Москвѣ честию; только подъ предлогомъ великаго поста, который царь употреблялъ на посѣщеніе свитыхъ мѣсть, не были они удостоены царскаго лицезрѣнія.

Казацковъ посѣщеніе Москвы было для думныхъ бояръ тѣмъ не пріятнѣе, что они боялись раздражить головорѣзовъ пренебреженіемъ, должны были подавать имъ при свиданіи руку, должны были выставлять предъ ними для парада стрѣльцовъ; наряженныхъ въ лучшее платье, и даже извиняться, что царь не можетъ видѣть Одица и его товарищей по случаю богомолья. Но за то „Звиорожскіе Черкасы“ своимъ неожиданнымъ поворотомъ на давно оставленную служилую дорогу напомнили имъ о положеніи православной церкви въ польскихъ владѣніяхъ. Въ Москвѣ слѣдили за успѣхами церковной уніи. Въ Москвѣ знали, что въ Киевской митрополіи и подвластныхъ ей владичествахъ архіерействуютъ уніаты; что православные Южноруссы не имѣютъ уже ни одного епископа; что вѣра ихъ держится только монастырями, и что на эти послѣдніе убѣжища древняго русскаго благочестія направлены сеймовыя интриги шляхетноурожденныхъ искателей такъ называемыхъ духовныхъ хлѣбовъ. Во всемъ Россійскомъ государствѣ носился слухъ, что король вознамѣрился подчинить у себя православную церковь окончательно Римскому папѣ и для того мирится съ Турецкимъ султаномъ и Нѣмецкимъ цесаремъ. Москвичи понимали, что обращеніемъ подвластнаго Польшѣ Русскаго народа въ унію и латинство связь между южною и сѣвѣрною Русью была бы расторгнута, и православный міръ значительно сѣзился бы. Того мало: Польша, сдѣлавшись католикоуніатскою, подавила бы у себя протестантовъ, а протестанты, подавленные въ Польшѣ, усилили бы ресурсы папы для подавленія ихъ во всей Европѣ. Послѣ этого Римскому первосвященнику оставалось бы только устремить на Россію такихъ воинственныхъ государей, какимъ былъ Стефанъ Баторій, и господство „единого пастыря“ надъ христіанскимъ міромъ было бы довершено. Не теряя никогда изъ виду политики католическаго міра ¹⁾,

¹⁾ Флетчеръ (въ книгѣ своей *Of the Russe common Wealth*) предполагаетъ, что папа, въ 1588 году подослалъ въ Москву патріарха Константинопольскаго Іеремію для расположенія царя къ подчиненію русской церкви Риму. Такой взглядъ на прибытіе Іереміи изъ Рима въ Москву могъ быть взглядомъ цар-

царскіе совѣтники собирали вѣсти о положеніи дѣлъ за московскимъ рубежемъ чрезъ пограничныхъ воеводъ, чрезъ торговыхъ людей, чрезъ прїѣзжавшихъ за милостынскою южнорусскихъ монаховъ. Они не преминули случая освѣдомиться и у казаковъ Сагайдачнаго, въ какихъ отношеніяхъ находятся эти отважные воины съ латинцами, яко люди, принадлежащіе къ тѣсенной папистами церкви.

III.

Между тѣмъ пребываніе представителей Запорожскаго войска въ Москвѣ сошпало съ пребываніемъ тамъ одного изъ первосвященниковъ восточнаго православія, который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ исполнилъ важное дѣло въ Кіевѣ, именно посвятилъ новыхъ православныхъ архіереевъ на мѣсто тѣхъ, которые, 24 года тому назадъ, присоединились къ римско-католической церкви. Намъ извѣстно, что патріархъ іерусалимскій Теофанъ искалъ и нашелъ въ Москвѣ „людей мудрыхъ, православныхъ богослововъ, которые знали и греческій языкъ“¹⁾. Съ ними онъ, безъ сомнѣнія, бесѣдовалъ о судьбѣ южнорусской церкви, и есть основаніе догадываться, что выѣхалъ онъ изъ Москвы въ Кіевъ уже съ выработаннымъ проектомъ восстановленія здѣсь православной митрополіи. Къ сожалѣнію, статейный списокъ о пребываніи Теофана въ Москвѣ утраченъ; но въ житіи преподобнаго Діонисія, котораго онъ защитилъ отъ церковныхъ обскурантовъ и изъ тюрьмы возвратилъ на Троицкую архимандрію, находимъ нѣсколько строкъ, свидѣтельствующихъ, что Іерусалимскій патріархъ былъ челоуѣкъ слова и дѣла. Тамъ сказано, что четыре восточные патріарха, посовѣтовавшись между собою и со всюю церковью о спасеніи насажденнаго Греками въ Русскомъ народѣ православія отъ напасти и гибели, „избраша воеводѣ крѣпка и сильна, могуща теши путь отъ Востока до Запада, ни оруженосцевъ, ни броней мужескихъ, но токмо едино слово Божіе во устѣхъ имуща, могущее разорити тверди

скихъ совѣтниковъ, сообщеннымъ ими Флетчеру. Известный географъ Маскъ, проживавшій въ Москвѣ во время государственныхъ смутъ по случаю самозванщины, составлялъ свои записки о Московіи по пятиннымъ бесѣдамъ съ московскими боярами. Въ этихъ запискахъ онъ приписываетъ раззореніе Московскаго государства политическимъ махинаціямъ Римскаго папы (Сказанія Маскъ и Германа о смутномъ времени въ Россіи, изд. Археогр. Ком. 1874).

¹⁾ Рукоп. Рум. музея «Палинодія», соч. Захарія Копыстенскаго, л. 377. Драгоцѣнный автографъ этого памятника борьбы съ папизмомъ хранится въ Варшавской библиотекѣ гр. Красинскихъ.

неодолимая, — свѣтлѣйшаго патріарха Теофана, прекраснаго душию и тѣломъ“. Въ томъ же житіи сказано, что Теофанъ дѣйствовалъ въ русской землѣ „созидаи и утверждаеи обои предѣлы“, то-есть, Великую и Малую Россію.

Какъ бы то ни было, только намъ нельзя оставлять безъ вниманія то обстоятельство, что за вѣсколько мѣсяцевъ до возстановленія Киевской митрополіи подъ эгидою Сагайдачнаго, посланцы его были въ Москвѣ одновременно съ Іерусалимскимъ патріархомъ, который въ этомъ великомъ по своимъ послѣдствіямъ актѣ явился главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Вопросъ о томъ, въ какихъ отношеніяхъ находится казаки Сагайдачнаго съ католическимъ правительствомъ, какъ члены тѣснимои папистами церкви, этотъ вопросъ былъ предложенъ представителямъ Запорожскаго войска, и мы должны припомнить себѣ, во первыхъ, какъ именно онъ былъ выраженъ, а во вторыхъ, какъ именно отпеслись къ нему казаки.

Думный дьякъ Иванъ Грамотинъ обратился къ нимъ съ такою рѣчью: „Здѣсь въ Россійскомъ государствѣ пронесся было слухъ, что польскій король заключилъ съ Турками миръ и хочетъ наступить на вашу вѣру. Такъ объявите намъ: какъ стоятъ у короли дѣла съ Турецкимъ султаномъ, съ Римскимъ папою, съ Нѣмецкимъ цесаремъ, и вѣтъ ли отъ нихъ на вашу вѣру какого посяганья?“

Казаки вовсе не были приготовлены къ переговорамъ о подобныхъ предметахъ: они хлопотали только о своемъ казачкомъ промыслѣ и потому отвѣчали, что съ Турецкимъ султаномъ Польскій король въ миру, а на морѣ имъ на турецкихъ людей ходить не запрещено изъ Запорожья, запрещено ходить только изъ малыхъ рѣчекъ, и на Крымъ также ходить имъ не заказано; про цесари и про папу они ничего не знаютъ, потому что земли ихъ отъ цесаря и папы отдалена; а „посяганья на нихъ казаковъ отъ Польскаго короля ни котораго не бывало“¹⁾.

Такимъ образомъ казаки Сагайдачнаго совершенно отстранились отъ вопроса, который въ Москвѣ занималъ вѣрѣе еще Іоанна III. Еще при великомъ „собираетелѣ Русской земли“ Москвичи съ безпкойствомъ узнавали, что въ Литвѣ „все православное хрстіанство хотятъ окрестить“, и Московскій государь наказывалъ своей дочери Еленѣ, бывшей замужемъ за Александромъ Литовскимъ, „чтобъ она

¹⁾ Подробности досодѣства Сагайдачнаго см. въ 1 томѣ Матер. для Ист. Воев. Р., 89—99.

пострадала до крови и до смерти, а вѣры греческой не оставляла*. Москва, стало быть, раскидывала умомъ широко, если ей самодержецъ жертвовалъ дочьрью въ интересахъ православія тому пазадѣ болѣе ста лѣтъ. Не могли члены московскаго государственнаго совѣта теперь, по возвращеніи царскаго отца, своего архипастыря, изъ польскаго плѣненія, не воспользоваться такою случайностью, какъ одновременное пребываніе у нихъ въ гостяхъ представителя восточной церкви и посланцевъ Запорожской республики, которой оружіе такъ вредоносно направлялось католиками на православное Русское царство.

Мысль эта подтверждается внезапною, ни чѣмъ другимъ не объяснимою переменою въ отношеніяхъ Днѣпровскихъ казаковъ къ передовымъ борцамъ за православную вѣру и русскую народность, къ руководителямъ церковныхъ братствъ и мѣщанской стойкости въ вѣрѣ отцовъ своихъ — ученымъ монахамъ.

Съ появленія казачества въ средѣ мѣстной шляхты и мѣстнаго мѣщанства, лѣтописи православныхъ священниковъ¹⁾, монастырскіе акты²⁾ и жалобы городского духовенства³⁾, говорятъ намъ только о хищничествѣ казаковъ, не щадившемъ ни церквей, ни высшихъ лицъ духовнаго званія⁴⁾. Это хищничество не исключаетъ возможности пожертвованія въкоторыми изъ добычниковъ части добычи своей на церковь, не исключаетъ возможности даже вступленія въ монахи наздняковъ, покаявшихся въ тяжкихъ грѣхахъ своихъ. Примеры того и другаго бывали во всѣхъ странахъ, подвергавшихся ужасамъ вооруженнаго влгопльства. Но мимо Днѣпровскихъ казаковъ прошли, безъ ихъ участія, такіа событія исторіи русской церкви, какъ основаніе церковныхъ братствъ и синоды духовныхъ и свѣтскихъ ревнителей древняго русскаго благочестія въ противодѣйствіе махнаціямъ римской курии. Возникшая по поводу церковной убіи полемика проходитъ казаковъ молчаніемъ, но безпрестанно говоритъ объ энергической защитѣ церкви и православія мѣщанами и духовенствомъ. Самые паллисты, бросавшіе въ православную общину такими брошюрами, какъ „Воскресшій Наливайко“, не могли предста-

1) Боргулабовская хроника (Матер. для Ист. Возв. Р., т. I).

2) Акты Межигорскаго мон., хран. въ Кіевской дух. акад.

3) Жалоба православныхъ священниковъ города Могилева Сигизмунду III на претерпѣнное ихъ церквами и ими самими разореніе отъ казаковъ Наливайки.

4) Въ актахъ Межигорскаго монастыря описана тиранія казаковъ Косинскаго надъ игуменомъ Господомъ Копотемъ (см. Описание Кіева, Захревскаго).

вить ни одного факта, который свидѣтельствовалъ бы о солидарности нашихъ борцовъ за вѣру и народность не только съ массою казаковъ, но и съ ихъ предводителями. Такъ шли казацкія дѣла отдѣльно отъ церковныхъ дѣлъ до опустошенія казаками Сагайдачнаго московскихъ областей въ 1618 году и до появленія передъ царскими боярами посланцавъ его въ 1620 году. На вопросъ думцаго дѣака Грамотина представители Запорожскаго войска отозвались равнодушно о томъ, что приносила въ Москву молва на счетъ католической политики Польскаго короля. Въ Москвѣ казакамъ не было дѣла ни до папы, ни до его сотрудниковъ по распространенію въ Европѣ католичества. Но когда вслѣдъ за тѣмъ Іерусалимскій патріархъ Теофанъ прибылъ въ Малороссію, они привѣтствовали его подъ Прилукою въ Густынскомъ монастырѣ, конвоировали до Кіева, оберегали въ Кіевѣ, проводили до турецкой границы и, во время его пребыванія въ Кіевѣ доставили ему возможность посвятить Іова Боренскаго на митрополию, которую законнымъ порядкомъ король прѣдоставилъ уніату Іосифу Вениамину Рутскому.

При этомъ обращаетъ на себя наше вниманіе въ особенности то обстоятельство, что Теофанъ снялъ съ Конаперича Сагайдачнаго великій грѣхъ вторженія съ казаками во единовѣрное царство. Едва ли почиъ этого дѣла принадлежалъ самому Сагайдачному. До 1620 года мы знаемъ его только наѣздникомъ, который одинаково относился и къ мусульманскимъ, и къ христіанскимъ городамъ. До 1620 года Сагайдачный является передъ нами такимъ же шляхтичемъ среди предводимыхъ имъ добычниковъ, какими были протестантъ Зборовскій, латинецъ Косинскій, православный Лобода; а въ его казакахъ мы видимъ людей, которымъ не было никакого дѣла ни до епископскихъ кафедръ, ни до церковныхъ братствъ. Самый способъ войны его въ Московскомъ государствѣ, описанный очевидцемъ¹⁾, показываетъ, какъ онъ былъ далекъ отъ раскапыванія въ подвигахъ казацкаго ремесла своего. Въ 1618 году, наступая „съ цѣмечками хитростями“.

¹⁾ Описаніе очевидца начинается слѣдующими словами: «Въ лѣто 7126 (1618) король польскій и литовскій Жигимонтъ посла сына своего Владислава со многими людьми и вои подѣ царствующій градъ Москву, а на Украину (разумѣется польская Украина Московскаго государства) посла гетмана, именемъ Петра Конашевича Сагайдачнаго, и съ нимъ за пороги до двадесяти тысячъ. Который, яко начальникъ сему пагубному воровству и разорителю Московскаго государства, ввезаву приде съ вои своими на Христова стадо и, яко зліи и лютіи волцы хивинцы, нападоша на градъ Ливны и т. д.

(то-есть, съ иноземною тактикою) на единовѣрцевъ своихъ, заиранившихся въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, Сагайдачный кричалъ бывало осажденнымъ: „Не блазняйтеся о вашей силѣ: городъ вашъ, какъ оптицу, рукою моею возьму, жилища ваши на пожаръ пушу, а всѣмъ жителямъ, великому и малому; руку и ногу отсѣчь и псамъ повергнуть повелю!“ А въ 1620 тотъ же Сагайдачный почувствовалъ потребность покаянія и искупилъ свои грѣхи служеніемъ церковнымъ интересамъ. Эту перемѣну въ его попятіяхъ и чувствахъ надобно приписать скорѣе всего тому, кого въ Москвѣ изображали, яко „воеводу крѣпка и сильна, могуща тещи путь отъ Востока до Запада, ни оруженосцевъ, ни броней мужескихъ, но токмо едино слово Божіе во устѣхъ имуща, могущее разорити тверди неодолимаема“. Покоряясь могуществу Божіа слова, непобѣдимый наѣздникъ перешелъ изъ одной крайности въ другую. Онъ принялъ на свою отвѣтственность передъ королемъ возстановленіе въ Кіевѣ православной митрополіи и вписался въ число церковныхъ братчиковъ „со всѣмъ Запорожскимъ войскомъ“: слова въ его устахъ не пустыя, такъ какъ его военное счастье имѣло магическую силу надъ умами добычниковъ; и гдѣ былъ Сагайдачный, тамъ была и казацкая сила. Онъ зналъ о громадныхъ приготовленіяхъ Османа II къ походу въ Польшу; зналъ и безсиліе Польши отразить нападеніе; зналъ и то, что одинъ онъ былъ способенъ соединить подъ свой бунчукъ всѣ казацкія ватаги; и что за эту услугу король готовъ сдѣлать ему какія угодно уступки. Въ Кіевѣ, подъ эгидой вождя готовыхъ на все наѣздниковъ, совершилось непримѣрное въ лѣтописяхъ Польши дѣло: въ виду митрополіи, подвластной Римскому папѣ, возстановлена митрополія; подчинявшаяся Константинопольскому патриарху и своимъ цѣлѣніемъ среди христіанскаго міра; избличавшая Польскаго короля въ подлогѣ. Но грозное движеніе Османа отъ Дуная къ Днѣпру заставило королевскую партію смириться передъ популярнымъ защитникомъ схизмы (то-есть, раскола), какъ называла она православіе.

Такъ появились казаки на новомъ, чуждомъ имъ дотолѣ поприщѣ. Для правильнаго пониманія казацкой дѣятельности въ интересахъ православія, читатель долженъ имѣть въ виду, что казаки скоро вернулись къ прежней своей роли опустошителей православнаго царства подъ польскими знаменами, и что даже въ 1620 году, когда одни казаки, въ лицѣ Сагайдачнаго, защищали православіе въ Кіевѣ, другіе подъ предводительствомъ невидомыхъ исторіи атамановъ, побивали Чеховъ на Бѣлой Горѣ съ императоромъ Фердинандомъ II. Иерусалимскій

патріархъ, очевидно, привелъ къ раскаянію только немногихъ казаковъ, подобныхъ Сагайдачному. Прочіе, какъ въ Москвѣ Одинецъ, не дѣлали даже различія между людьми, утверждавшими христіанъ въ православіи только силою слова. Вождя, и тѣми людьми, которые свидѣтельствовали о праведности католичества пылающими кострами.¹⁾

О возвращеніи казаковъ къ завоеванію Москвы въ пользу Польши снашемъ обстоятельнѣе въ своемъ мѣстѣ. Теперь прослѣдуемъ казацкія дѣянія по отношенію къ королевской партіи съ одной стороны, къ православнымъ Южноруссамъ съ другой и къ московскому правительству съ третьей, такъ какъ этими дѣяніями, ничтожными въ своей отдѣльности, выжутся событія продолжающія вліять на насъ и въ настоящее время.

На православную іерархію, возставшую изъ своего небытія въ тревожное время Хотинской войны, накинута паписты, лишь только къ королевскую раду пришло извѣстіе о неожиданномъ для нея подвигѣ Іерусалимскаго патріарха. Король подписалъ повесенные ему универсалы къ мѣстнымъ властямъ объ изловленіи Іова Борецкаго и его товарищей, яко самозванныхъ архіереевъ, возмутителей общественнаго спокойствія; но вслѣдъ затѣмъ эти мандаты были отменены, такъ какъ Сагайдачный объявилъ королевскимъ посланцъ къ Запорожскому войску, что казаки не дойдутъ къ Хотину, если повстанцы Теофаномъ архіерей не будутъ оставлены въ покоѣ. Тѣмъ не менѣе, по минованіи опасности, схизматическую іерархію стали тѣснить, во имя закона, всевозможными беззаконіями. Знаменитый казацкій гетманъ скончался весной 1622 года отъ полученныхъ осенью 1621 года ранъ, а казаки, безъ Сагайдачнаго, были не надежною защитой православныхъ архіереевъ, и даже то обстоятельство, что все Запорожское войско фигурировало въ братскомъ „уписѣ“²⁾

¹⁾ О разорителѣ Кодака Сулима литовскій кавалеръ Альбрехтъ-Станиславъ Радзивиль, въ своемъ дневникѣ, пишетъ, что онъ служилъ усердно папѣ Павлу IV и получилъ отъ святаго отца золотую медаль съ его портретомъ, что передъ своею казнью Сулима принялъ католичество и просилъ положить къ себѣ въ гробъ изображеніе папы, какъ свидѣтельство о своихъ рыцарскихъ подвигахъ (Pap. Albr. Stan. Radziwilla, I, 289). Нельзя не обратить вниманія на странное обстоятельство, что со времени изданія дневника Радзивиля протекло 38 лѣтъ, что о Сулимѣ было писано въ эти годы не менѣе 38 разъ, и что историографія ни разу не упомянула характеристической черты казацкаго рыцаря.

²⁾ Собственно говоря, въ братскомъ „уписѣ“ фигурировало только имя Сагайдачнаго, въ обыкновенномъ придаточномъ словѣ, что вѣдѣтъ войскомъ, Запорожскимъ.

оказалось бесполезною для Киевскаго братства демонстраціей Сагайдачнаго ¹⁾. Казаки подѣлились опять на купы, враждебныя одна другой ²⁾, и дальновидѣйшіе изъ нихъ стали помышлять о томъ, куда имъ дѣваться въ случаѣ столкновенія съ королевскими ополченіями.

Столкновеніе было неизбежно. Король, отразивъ Османа съ помощію казаковъ, желалъ заключить съ Турками такъ называемый вѣчный миръ; а казаки не могли существовать безъ пиратства на Черномъ морѣ и своими разбоями въ турецкихъ владѣніяхъ не давали Польшѣ обезопасить юго-восточную границу. Королю, какъ усердному слугѣ Рима, надобно было направить свои силы противъ ревностнаго протестанта Густава-Адольфа; а казаки, вооружая противъ него Турокъ, заставляли коронныхъ гетмановъ обращаться лицомъ въ противоположную сторону. Съ своей стороны, пограничныя землевладѣльцы, испытывая на себѣ всѣ неудобства постоянного размноженія казачества, давно уже настаивали на повтореніи расправы, какую совершилъ надъ казаками Жовковскій въ 1596 году, и эта рѣшительная мѣра къ освобожденію края отъ чужаднаго пролетаріата была отстрапима только искусствомъ и личнымъ значеніемъ Сагайдачнаго, который, по словамъ украинской лѣтописи, жилъ съ панами въ миру. Теперь „бачнѣйшіе“ казаки, не находя способа обуздать казацкую „голоту“ ³⁾ и предвидя повтореніе кровавой грозы, все чаще и чаще обра-

¹⁾ Казаковъ было подъ Хотиномъ въ 1621 году болѣе 30,000 (а всѣхъ ихъ насчитывали до 60,000). Еслибы Запорожское войско было членами братства, то однимъ взносомъ назначенной при вступленіи въ братство лепты оно составило бы значительную сумму денегъ. Между тѣмъ намъ извѣстно, что Киевское братство исчисляло свои средства сотнями и десятками золотыхъ.

²⁾ И при Сагайдачномъ были бунты однихъ казацкихъ купъ противъ другихъ; но онъ умѣлъ господствовать надъ казаками такъ, что своевольному ихъ гетману Воронавкѣ заставилъ самихъ казаковъ отрубить голову въ полномъ сборѣ Запорожскаго войска. Передъ выступленіемъ Сагайдачнаго къ Хотину, «киевскіе обыватели», вписавшіеся въ казаки, просили его не обращать вниманія «на престацкіе бунты молодыхъ необачныхъ» (Археогр. Сб., I, 265).

³⁾ Подъ именемъ казацкой голоты у насъ весьма часто подразумеваютъ мужиковъ, ободранныхъ панами и наполнившихъ казацкія купы. Между тѣмъ *Voluntaria Legum* называютъ голотою шляхтичей, утратившихъ недвижимую собственность. Этотъ классъ (*golota, odartus impressessionatus*) подлежалъ городскому, а не земскому суду, не имѣлъ права занимать государственныя должности и участвовать въ сеймахъ. Одартусы или оборвыши, *impressessionati*, обыкновенно гнѣсились въ городахъ подъ именемъ бруквой шляхты, пользовались вся-

щали взоры свои на Московское царство, представлявшее разительную противоположность безпокойному и безсудному Польскому королевству; наконецъ сошлись въ мысляхъ своихъ съ гонимыми архіереями.

Архіереи были безопасны въ своихъ убогихъ убѣжищахъ лишь до тѣхъ поръ, пока правительство не управится съ днѣпровскою вольницею. Лишь только Запорожское войско будетъ приведено къ опредѣленному закономъ числу 6000 реестровныхъ казаковъ, лишь только перестанетъ оно быть опаснымъ въ глазахъ дерзкой и трусливой королевской партіи,—православные іерархи останутся при однихъ мѣщанахъ да чернецахъ; а въ польскорусскихъ областяхъ было уже много примѣровъ безсилія торговаго класса и малодушія монашескихъ обществъ. Высшему малорусскому духовенству, такъ точно и „лучшимъ людямъ“ въ казацкомъ войскѣ, грозили различныя стѣсненія, даже серьезныя опасности, въ виду объединенія въ Польшѣ народностей, о которомъ постоянно хлопоталъ „Сигизмундъ Шведъ“, руководимый римскою куріей. Какого рода могли быть эти стѣсненія, эти серьезныя опасности? Если повторять молву, которую постоянно распускали въ народъ монахи, попы и казаки съ одной стороны, и которую царскіе вѣстовщики, большею частью люди торговые, постоянно ловили съ другой, то пришлось бы и намъ, по примѣру нѣкоторыхъ историковъ, говорить о наступленіи Поляковъ на православную вѣру. Но дѣло состояло въ томъ, что королевская партія, отдѣльно отъ польскаго общества, работала въ русскихъ городахъ и монастыряхъ надъ образованіемъ большинства голосовъ въ пользу папизма и этимъ, только этимъ способомъ угрожала православію весьма серьезно. Съ образованіемъ въ православной средѣ большинства склонныхъ къ признанію главенства Римскаго папы, православіе съ каждымъ годомъ таяло, какъ отъ внутренняго недуга, на всемъ пространствѣ отъ Вислы до Сулы, и никакая самозащита не могла остановить этого таянія, этой чахотки въ нравственномъ организмѣ націи. Большинство членовъ православной церкви, совращенное въ унию или въ католичество ренегатами русской народности, представляло въ самомъ дѣлѣ наступленіе на православную вѣру, котораго въ буквальномъ смыслѣ слова Поляки никонимъ образомъ не могли предпринять въ обще-

кой вербовкой для куска хлѣба и чаще всего «приставали въ казаки». Вотъ настоящіе кадры казацкаго войска, сильно вліявшіе на его нравственность. Историкъ, представляющіе казачество выраженіемъ жизни малорусскаго хлѣбороба, въ однихъ случаяхъ возвышаютъ мужика до понятій, ему не свойственныхъ, а въ другихъ—унижаютъ его сравнительно добрыя нравы.

ствѣ, ультра-свободномъ относительно вѣры, чести, имущества и жизни¹⁾. Законъ, въ строгомъ значеніи своемъ, каковъ онъ былъ въ Польшѣ; не могъ запретить шляхтичу Борецкому и шляхтичамъ товарищамъ его по іерархіи принять на себя духовный санъ отъ восточнаго патріарха, все равно какъ не могъ онъ запретить диссиденту сдѣлаться пасторомъ и суперинтендентомъ. Но тотъ же законъ и по однимъ и тѣмъ же причинамъ не могъ утвердить за самозванцемъ того сана, который утверждёнъ имъ отъ имени конституціоннаго большинства за лицомъ, признающимъ церковную унію. Онъ попускалъ схизматикамъ владѣть монастырями и нѣкоторыми монастырскими землями, но не по принципу, а единственно потому, что въ шляхетской республикѣ недоставало единодушія къ прекращенію владѣнія незаконнаго. Это была одна изъ безчисленныхъ экзорбитанцій, которыя шляхта терпѣла вопреки установленному ею же самою праву. Точно такъ не было у польскаго закона возможности запретить шляхтичамъ и жѣцанамъ-магдебургцамъ составлять военнопромышленное товарищество. Запрещеніе казаковать простиралось только на обыкновенныхъ королевскихъ и панскихъ подданныхъ. Но никогда не утверждалъ законъ числа казаковъ свыше 6000 реестровыхъ, и потому всѣхъ пешляхетныхъ членовъ казацкаго товарищества объявлялъ своевольниками, подлежащими не войсковому, а старостинскому и панскому присуду у Экзорбитанція казачества, благодаря шляхетской безурядицѣ, довела число Запорожскаго войска до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Вожди этого войска не хотѣли принизиться до значенія предводителей небольшихъ отрядовъ и естественно обращались къ своимъ исповѣдникамъ архіереямъ за совѣтомъ, что дѣлать имъ въ случаѣ наступленія на нихъ короннаго и панскаго ополченія, какъ силы, посредствомъ которой правительство останавливало разливъ казачества на счетъ мирныхъ занятій и вгоняло его въ нормальное, безопасное для общества число 6000 реестровиковъ. Естественно было и противозаконнымъ архіереямъ указывать своей воинственной паствѣ тотъ путь спасенія отъ облегающихъ золь, которымъ, въ случаѣ крайности, они были готовы слѣдовать сами. Москва не должна отвергнуть ставлен-

¹⁾ Употребляю здѣсь эти слова потому, что они фигурируютъ въ заглавіи, данномъ Археогрѣическою Комиссіей апокрифическому универсалу Богдана Хмельницкаго (Документы, объяс. ист. Западвор: крал, стр. 312). Этотъ универсалъ составляетъ одинъ изъ краугольныхъ камней, на которыхъ покоится авантюристическое зданіе исторіи Малороссіи.

никовъ Іерусалимскаго патріарха, который посвятилъ и для нея достойнаго преемника Гермогена. Москва для гонимыхъ иновѣрницъ кородемъ архіереевъ дѣлалась истиннымъ отечествомъ. Москва, казалось имъ, должна отворить настежь ворота и для угрожающихъ избиеніемъ православныхъ вонновъ.

IV.

Вслѣдствіе такого совпаденія нужды и мыслей, въ декабрѣ 1622 года, къ пограничнымъ воеводамъ въ Путивль прибылъ отъ одного изъ православныхъ архіереевъ посолъ съ предложеніемъ необыкновеннымъ. Посломъ этимъ былъ священникъ Мгарскаго монастыря, что подъ Лубнами, по имени Гедеонъ. Когда воеводы остались съ нимъ безъ свидѣтелей въ сѣвжей избѣ, онъ объявилъ, что прислалъ его Сѣверскій архіепископъ Исаія Копинскій, строитель нѣсколькихъ монастырей на лѣвой сторонѣ Днѣпра, съ просьбою къ царю о поддержкѣ его въ „церковномъ строеніи“, и разказалъ о наступленіи Поляковъ на христіанскую вѣру.

Въ переводѣ на языкъ исторіи наступленіе Поляковъ состояло въ работѣ королевской партіи надъ приведеніемъ православныхъ подъ главенство Римскаго папы тѣми способами, которые можно было прикрыть законностью. Раздача дигнитарствъ зависѣла самимъ законнымъ образомъ отъ короля, и Сигизмундъ III, стремясь къ объединенію вѣроисповѣданій въ своемъ государствѣ, такъ искусно привлекалъ пановъ къ вѣроисповѣданію господствующему, что, заставши сенатъ состоящимъ изъ иновѣрцевъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ католиковъ, подъ конецъ своего царствованія имѣлъ удовольствіе засѣдать въ сенатѣ, заключавшемъ въ себѣ не болѣе столбыхъ же разновѣрныхъ членовъ. Та же объединительная политика была принята имъ съ одинаковымъ успѣхомъ и къ второстепеннымъ дигнитарствамъ для уменьшенія, въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, какъ православныхъ, такъ и другихъ иновѣрныхъ дворянъ. Но и помимо королевской партіи, работавшей надъ разрушеніемъ всѣхъ иновѣрческихъ церквей для созданія въ Польшѣ одной римско-католической церкви, господствующей надъ общественною совѣстью нераздѣльно, — крупные и мелкіе землевладѣльцы, преимущественно же люди Русскіе, оставляли вѣру отцовъ своихъ для лютеранства, кальвинства, аріанства, и когда разочаровывались въ новой вѣрѣ, не возвращались уже въ старую, а дѣлались членами церкви римской. Мѣщане тѣмъ же порядкомъ, за магистратскія должности свои, зависѣвшія

отъ короля, принимали латинство и унию; а церковныя стѣсненія въ торговлѣ, „горькая волокита по судамъ“, устраняемая клерикалами во имя общественнаго польскаго права, соблазны, лести, наконецъ—подкупъ ¹⁾ выработывали то въ одномъ, то въ другомъ городѣ большинство папистовъ, съ которыми мѣщанамъ—православникамъ было несравненно труднѣе бороться, чѣмъ съ преобладающею католическою властью.

При такихъ обстоятельствахъ положеніе православныхъ архіереевъ, безъ всякаго преслѣдованія со стороны правительственныхъ чиновниковъ, сдѣлалось крайне бѣдственнымъ. Члены королевской партіи вытѣсняли ихъ законнымъ порядкомъ изъ владычествъ и архимандрій, пользованіе которыми было предоставлено униатской іерархіи государственнымъ правомъ. Съ своей стороны, совратившееся въ унию духовенство обороняло отъ нихъ, съ помощью мѣстныхъ властей, свои пребенды и бенефиціи, какъ духовныя хлѣбы, купленные отступничествомъ; а мѣщане—униаты отстранялись отъ представителей покинутой по волѣ и по неволѣ церкви изъ опасенія ссоры съ новымъ духовенствомъ своимъ, состоявшимъ подъ покровительствомъ короля и сената. Наконецъ диссиденты, называя православное духовенство дѣтскими Веліала, равно какъ и католическое, тѣснили нашихъ архіереевъ въ монастырскихъ убѣжищахъ на столько, на сколько были сильны, какъ землевладѣльцы. Посвященные Іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ въ 1620 году іерархи считались у короля и его сената, какъ вельзя естественнѣе, дерзкими наушниками черни, нарушителями общественнаго спокойствія, ловившими рыбу въ мутной водѣ, словомъ—людьми зловредными, которые пользуются невѣжествомъ украинныхъ жителей для своей антигосударственной пропаганды. Ихъ чуждались даже и тѣ изъ великихъ пановъ, которые держались еще русскаго православія. Имъ не было мѣста пигдѣ, кромѣ пограничной Кіевской земли, то-есть, Кіевщины, Черкащины, Переяславщины. Но этотъ край стоялъ въ то время

¹⁾ Съ самаго начала римской реакціи распространявшемуся въ Польшѣ протестантизму, католическіе синоды доносили въ Римъ, что всего успѣшнѣе возможно увеличить католическую паству раздачею денегъ мирянамъ: *Si clerus bene viveret, si saeculares in suis paupertas adjuvaret, si filios illorum in studiorum disciplinis fovaret, si eorum filias, quo honeste nubere possint, aliqua elemosina solaretur, ut prisca patres nostri facere consueverant, facile raucor et inhiatio ista tolli posset, nihil enim magis infensorum odium placat, quam liberalitas, elemosina et clarigatio.* (Relacye Nuncyuszów Apost. I, 51).

почти сплошною пустыцею; народъ былъ въ немъ вообще бѣденъ, Татары не давали въ немъ простора ни сельскому хозяйству, ни городскимъ промысламъ, ни торговлѣ. Житіе гонимымъ и отвергаемымъ сверху архіереямъ было здѣсь крайне плохое. Они питались весьма скудною милостыней, а ихъ монашескія общежитія держались только работой собственныхъ рукъ.

Представивъ путивльскимъ воеводамъ, съ своей точки зрѣнія, такое положеніе православной церкви на русскомъ подвластномъ Полѣвѣ югѣ, мгарскій священникъ Гедеонъ просилъ донести царю, что архіепископъ Исая Копинскій жаждетъ перейти въ Московское царство со всею братіей своею, которой будетъ человекъ полтора, такъ какъ Поляки вскорѣ намѣрены наступить на „христіанскую вѣру“, а духовнымъ людямъ „отъ ихъ гоненья негдѣ преклонить головы“. „Да и всѣ здѣсь православные христіане (наказывалъ Копинскій) и Запорожскіе казаки, въ случаѣ притѣсненія отъ Поляковъ, хотятъ многіе переселиться въ Московское царство“.

У Московскаго правительства былъ обычай—просителей милостыни, не заслуживающихъ особеннаго вниманія, снабжать царскимъ подаеніемъ въ самомъ Путивлѣ, и только избранныхъ требовать въ Москву. Посла Копинскаго повелѣно было „отпустить къ Москвѣ“ съ приставомъ на ямскихъ подводахъ, съ тѣмъ чтобы въ дорогѣ никто съ нимъ ни подъ какимъ предлогомъ не разговаривалъ.

До насъ не дошли извѣстія о пребываніи священника Гедеона въ Москвѣ; но то, что могъ онъ сообщить царскимъ боярамъ и думнымъ дьякамъ о готовности Запорожскихъ казаковъ переселиться съ королевской на царскую землю, не должно было пройти въ государственномъ совѣтѣ безъ обсужденія. Казаки Сагайдачнаго въ 1620 году просили царя только пособія для войны съ басурманами; а тѣ, которыхъ интересы заявилъ въ 1622 году священникъ Гедеонъ, тѣ присоединяли свой голоса къ голосамъ гонимыхъ архіереевъ, и вмѣстѣ со „всѣми православными христіанами“ выражали готовность переселиться въ Московское царство „въ случаѣ притѣсненія отъ Поляковъ“.

Выше уже сказано, что, съ утратой Сагайдачнаго, казаки, въ сознаніи войсковою неурядацы своей, стали бояться, что ихъ обычное самоуправство вызоветъ наконецъ со стороны правительства строгія мѣры, которыя, въ глазахъ казацкаго большинства, были ничто иное, какъ „притѣсненія“. О положеніи православной церкви заботились

немногіе изъ казаковъ, какъ это всего лучше доказываютъ намъ нищенскіи средства церковныхъ братствъ и самого митрополита Іона Борецкаго ¹⁾. Въ такъ называемыхъ казацкихъ городкахъ Васильковѣ, Стайкахъ, Трипольѣ, Каневѣ, Корсунѣ, Трахтомпровѣ, Крыловѣ, Перелславѣ, Нѣжинѣ, Придукѣ, словомъ—во всѣхъ пустынныхъ, коекакъ державшихся укрѣпленныхъ пунктахъ польско-татарскаго и польско-московскаго пограничья, гдѣ казаки были терпимы по волѣ и по неволѣ, посяганья на православіе никогда не было и даже не могло быть. Но зная, чѣмъ интересовалась благочестивая Москва, казаки, въ одно слово съ монахами, твердили о намѣреніи Поляковъ наступить на христіанскую вѣру. Прошло только два года съ того времени, какъ посланцы Сагайдачнаго заявили въ Москвѣ, что посяганья на ихъ вѣру отъ Польскаго короля ни котораго не бывало,—и казаки являются ревностными приверженцами православной церкви. Но въ этомъ они были вѣрны своему характеру,—характеру политической измѣчивости. Въ 1622—1625 годахъ они вошли въ Москвѣ о приплѣтіи ихъ съ Божіими церквами подъ высокую царскую руку; въ 1633—1634 годахъ они помогли королю Владиславу IV отвоевать у Москвы нѣсколько древнихъ удѣльныхъ княжествъ ²⁾, а съ 1648 года снова начали вопіять къ Москвѣ, что Поляки побиваютъ ихъ за вѣру и выставляли знамя вѣры до тѣхъ поръ, пока въ 1658 году не побили московскаго войска подъ Конотопомъ въ пользу Поляковъ.

Было бы странно со стороны наблюдательныхъ собирателей Русской земли придавать казакамъ Сагайдачнаго значеніе представите-

¹⁾ Во все свое игуменство и архіерейство Іовъ Борецкій не могъ собрать и столько денегъ, чтобы построить въ Михайловскомъ монастырѣ, своей резиденціи, каменную колокольню. (см. его духовное завѣщаніе въ *Киевск. Еп. Вид.* 1863 г., № 21).

²⁾ Участіе казаковъ въ походѣ короля Владислава оправдываютъ тѣмъ, что они, будучи побиты Конецпольскимъ въ 1625 и въ 1630 годахъ, пошли де съ Поляками въ походъ на своихъ единовѣрцевъ, яко люди подначальные. Но по закону, только 6,000 казаковъ было вписано въ реестръ, а воевать единовѣрную Москву вышло 15,000, и притомъ казаки сражались вовсе не такъ, какъ это дѣлали бы по принужденію. Литовскій канцлеръ Альбрехтъ-Станиславъ Радзивилъ, въ нѣкоторыхъ своихъ запискахъ, ставитъ ихъ отвѣгъ въ примѣръ коронному войску (Рам. Albr. Stan. Radziwilla, I, 172, 174). О пламенномъ рвеніи казаковъ къ битвамъ съ войскомъ воеводы Шенна свидѣтельствуетъ также авторъ современнаго мемуара, напечатаннаго въ I томѣ Русской исторической бібліотеки (см. стр. 735).

лей Малорусскаго народа. Москва не высказывалась даже и передъ покровительствуемымъ ею духовенствомъ малорусскимъ относительно своей завѣтной мысли воссоединить расторгнутую Русь подъ рукою своего самодержца. Но поворотъ казацкаго флигера къ сѣверу не могъ быть въ ея глазахъ явленіемъ, не заслуживающимъ вниманія. Она знала, что покойный Сагайдачный, изъ уваженія къ Борецкому, и можетъ быть, по внушенію Теофана, ходатайствовалъ на сеймѣ о православной іерархіи отъ имени всего „войска Запорожскаго“. Она радовалась, когда ей доносили, что польскіе панисты, въ своихъ замыслахъ противъ православія, „оглядываются на казаковъ“. Приятно ей было пугать католическую Польшу тою самою силою, которую Польша съ такимъ успѣхомъ направляла на разореніе московскихъ областей. И однакожь, принять къ себѣ бѣглецовъ изъ сосѣдняго государства Москва отнюдь не желала. Это прервало бы заключенное съ Польшею на 14 лѣтъ перемиріе и вовлекло бы царя въ новую войну, когда его только что возставшему изъ запустѣнія царству было всего нужнѣе спокойствіе.

Тѣмъ не менѣе съ 1622 года мы замѣчаемъ въ ея обращеніи съ представителями Малой Россіи, духовными лицами, ято-то новое. Словесный наказъ, данный Исаіей Копинскимъ священнику Гедеону, прошелъ въ боярской думѣ какъ бы не замѣченнымъ. Царскіе бояре ограничились только выдчей ему пособія на церковное строеніе; по обычнымъ сношеніямъ Москвы съ Кіевомъ по предмету благочестивой поддержки древнихъ русскихъ церквей участвовали. Царь и его отецъ, патриархъ Московскій и всел Россіи, очевидно, предпочитали Исаіи Копинскому Іова Борецкаго, какъ человека съ болѣе широкимъ кругомъ, и притомъ отличеннаго патриархомъ Теофаномъ верховника Южнорусской церкви. Борецкій, по званію Кіевскаго митрополита, имѣлъ сношенія со всѣми мѣстностями Малой, Бѣлой и Червонной Россіи. Онъ доставлялъ царю извѣстія о положеніи дѣлъ въ Рѣчи Посполитой и посылалъ въ Москву „за милостынею на церковное строеніе“ такихъ людей, черезъ которыхъ можно было передавать и то, что не вѣрялось бумагѣ. Между Іовомъ Борецкимъ съ одной стороны и московскимъ правительствомъ съ другой началась теперь частная „ссылка“, на которую правительство польское смотрѣло съ тревожною подозрительностью. Въ лицѣ разобщенныхъ, какъ водилось у него, членовъ своихъ, оно высказывало ясно, къ чему клонится дѣло, и можетъ быть, только заступничество князя Христо-

фора Радзивила спасало Борецкаго отъ судебного допроса на сеймѣ относительно его сношеній съ врагами отечества¹⁾).

Въ благосклонности, оказываемой царемъ Михаиломъ Теодоровичемъ Кіевскому митрополиту, принималось въ расчетъ и казачество-Казакамъ въ Кіевской землѣ все болѣе и болѣе грозило такъ называемое ими притѣсненіе отъ Поляковъ. Казаки видѣли благоволеніе „восточнаго царя“ къ Борецкому и льнули къ нему, яко къ ходатаю за нихъ у великаго самодержца. Еслибы Москва и не дала въ 1620 году почина общенію казацкихъ предводителей съ передовиками православнаго движенія въ Малороссіи, то и въ такомъ случаѣ это общеніе было бы ей пріятно. Беззащитное на Югѣ православіе пріобрѣтало въ казацкихъ вождяхъ хоть какую-нибудь защиту, и—съ другой стороны — хищная предпримчивость казачества могла быть отвращаема православными архіереями отъ единовѣрной Москвы въ случаѣ возобновленія войны съ Польшею. На счетъ послѣдняго пункта московскіе дипломаты, какъ мы уже знаемъ, ошиблись. Раскаленіе Сагайдачнаго не могло быть общимъ чувствомъ его сподвижниковъ. Съ его смертію Московское царство должно было снова представляться большинству запорожскихъ атамановъ ареною легкой добычи и громкой боевой славы, какою сдѣлалось оно для казаковъ по указанію Стефана Баторія, и весьма можетъ быть, что въ то самое время, когда одни казацкіе вожди, подобные православному Сагайдачному, искали у царя прибѣжища отъ наступившей на нихъ правительственной грозы, другіе, подобные протестанту Зборовскому, ждали

¹⁾ Священникъ Филиппъ, приближенный Борецкаго, въ 1626 году сообщалъ царскимъ людямъ во Мценскѣ, что паны угрожаютъ пѣзвать Борецкаго на сеймъ къ отвѣту въ его политическихъ поступкахъ (Матер. для Ист. Росс. Р.; т. I, 259, 262). Когда, въ 1630 году, Іовъ Борецкій отправилъ къ царю на службу своего младшаго сына и племянника, это возбудило новыя безпокойства въ королевской партіи. Пограничные воеводы московскіе, со словъ Путивльца Василия Новикова, доносили царю слѣдующее: «Приказывалъ дѣ ему въ Києво Кіевской митрополитъ Іевъ Борѣцкой: какъ дѣ, по твоему, государь, указу, повѣдетъ къ нему изъ Путивля въ Києвъ Путивлецъ Григорей Гладкой, и онъ бы дѣ дорого влалъ бережно, и приехавъ въ Києвъ, ему митрополиту явился тайно: потому что вѣдомо дѣ въ Києве про него митрополита, что приезжаетъ дѣ къ нему въ Києвъ онъ Григорей Гладкой, и что онъ митрополитъ Іевъ Борѣцкой отпустилъ къ тебѣ, государю, сына своего и племянника на твое государево имя. А вѣдомо дѣ про то въ Києве учинилось въ Свинскіе ярмонки, какъ изъ Києва литовскіе люди съ товары приезжали для торгу въ Свинскъ». (Гл. арх. инв. пп. д., дѣла малор., св. 2-я).

только случая для вторженія по татарски въ его владѣнія ¹⁾. Такой именно случай и представился съ истеченіемъ 14-лѣтняго Деулинскаго перемирія. Въ 1633—1634 году казаки помогли Полякамъ въ торжествѣ надъ Русскими еще существеннѣе, чѣмъ въ 1618 году. Но пока былъ живъ Іовъ Борецкій, казаки казались опасными больше для Польши, чѣмъ для Россіи, и вопросъ о перевѣсѣ одного государства надъ другимъ зависѣлъ, по видимому, отъ того, на чьей сторонѣ будетъ стоять Запорожское войско.

V.

Вопросъ между тѣмъ состоялъ собственно въ томъ: кто дикую силу казачества сумѣетъ обратить въ силу рабочую для строенія государства. Въ первой четверти XVII вѣка эта задача занимала не только Польшу и Москву, но даже и Западную Европу.

Европейскія боевыя общества были полны молвой о нашемъ степенномъ рыцарствѣ ужь и тогда, когда Днѣпровскіе казаки были почти исключительно войскомъ сухопутнымъ. Слава ихъ возросла быстро съ упадкомъ Оттоманской имперіи послѣ блистательнаго и несчастнаго царствованія убійцы своихъ сыновей и внуковъ Солимана Великолѣпнаго. Неспособность его преемниковъ и начавшееся еще при немъ владычество серала надъ войскомъ и флотомъ благопріятствовали развитію въ Турціи анархическаго элемента на счетъ правительственнаго полномасштаба. Послѣ истребленія турецкаго флота въ Левантскомъ заливѣ (1571 г.), на Черномъ морѣ появились дерзкіе пираты-райзы, а на сухопутьѣ—безнравственные перебѣжчики. Ренегаты христіанскіе дѣлались въ развращенной Турціи ренегатами мусульманскими, перебѣгали съ Босфора на Днѣпръ и водили казацкія флотиліи къ турецкимъ плохо снабженнымъ военною силою кораблямъ, къ турецкимъ кое-какъ защищеннымъ пристанямъ и базарамъ. Черноморская торговля страдала отъ казаковъ такъ точно, какъ и караваны, ходившіе „битымъ Бѣлгородскимъ шляхомъ“ ²⁾ черезъ приморскія Очаковскія степи въ Москву и Астрахань. Удачныя разбои казацкой вольницы, отирававшіеся на днѣпровскій и донской низъ,

¹⁾ Самуилъ Зборовскій, какъ извѣстно, предпринялъ свое плаваніе по Днѣпру съ цѣлью вторгнуться съ казаками въ московскіе предѣлы (Ист. Возв. Руси. т. I, 114).

²⁾ Сарницкій, описывавшій казацкія походы на этомъ торговомъ пути въ концѣ XVI вѣка, называетъ его *via trita et celebris*.

дѣлали Запорожское войско, въ глазахъ иноземныхъ политиковъ, зародышемъ новаго политическаго тѣла съ великою будущностію. Уже во времена Стефана Ваторія, въ Венеціи и Римѣ составляли проекты „союза съ казаками“ на случай войны съ Турціей. Казацкія становища за Порогами были предметомъ особеннаго любопытства людей, заинтересованныхъ стратегическою обстановкою Турціи. Итальянцы знали такія подробности о казакахъ, которыя не дошли до насъ путемъ польской и русской письменности. Имъ было извѣстно, что казаки, зимую на днѣпровскихъ островахъ, окружали себя ледяными крѣпостями, укрѣпляли острова дубовыми засѣками, изрѣзывали траншеями и т. п. Казаковъ заискивали, казаковъ ласкали, казаковъ превозносили и католики, и протестанты; но все это дѣлалось въ томъ смыслѣ, что ихъ можно употребить, какъ истребительное орудіе противъ любого непріятеля. Когда же приходилось имѣть съ ними дѣло, оказывалось, что они столь же опасны для своихъ союзниковъ, какъ и для тѣхъ, противъ кого ихъ направляли.

Служили казаки Турецкому султану Солиману Великолѣвному, подъ предводительствомъ князя Димитрія Вишневецкаго, и разошлись такими съ нимъ врагами, что, когда спустя десять лѣтъ Вишневецкій очутился въ Стамбулѣ военнопленнымъ, его сбросили съ башни на желѣзныя крючья ¹⁾.

Служили они съ тѣмъ же княземъ Вишневецкимъ Московскому царю Ивану Грозному, но и съ русскимъ самодержцемъ Вишневецкій разстался не лучше, чѣмъ съ Турецкимъ султаномъ. „Пришелъ какъ несть, и ушелъ какъ несть“: вотъ что написалъ объ немъ Иванъ Грозный Сигизмунду-Августу.

Служилъ Косинскій съ нивовцами князю Острожскому въ качествѣ охранителя его владѣній, но кончилъ тѣмъ, что изъ охранителя

¹⁾ О турецкой службѣ князя Димитрія Вишневецкаго Сигизмундъ-Августъ писалъ отъ 15-го іюня 1553 года къ Радзивилу Черному: «А ziechal ze wszystkim rotą swą, to iest, s tym wszystkim kozactwem a chłopotwem, ktore około siebie bawiel». Скоромъ съ султаномъ объясняется жестокая казнь Вишневецкаго, какой не подвергали Турки ни одного казацкаго предводителя. Преданіе говоритъ, что Вишневецкому предлагали ренегатство, или по казацки—потурничество (отъ слова *потурчитисъ*). Это весьма вѣроятно. Ренегатство предлагали Турки всѣмъ военнымъ пѣвникамъ, въ томъ числѣ и знаменитому Станиславу Конецпольскому (1620 г.). Смертью казнили только тѣхъ, кто пытался уклониться отъ окупа бѣгствомъ или измѣняя клятвѣ. Но и тутъ еще можно было купить у Турокъ пощаду уплатою значительной суммы денегъ.

сдѣлался опустошителемъ, и отъ культиваторовъ дикаго края перешелъ на сторону враговъ гражданственности.

Служилъ Наливайко съ казацкою дружиною своею Нѣмецкому императору Рудольфу II, но оказался такимъ ужаснымъ для его подданныхъ постояльцемъ, что Нѣмцы выпроводили его за границу своихъ земель по добру по здорovu.

Побитые въ 1596 году подъ Лубнами, казаки, вмѣстѣ съ своими побѣдителями, поддерживали московскую самозванщину въ теченіе длиннаго ряда годовъ, и общими подвигами выработали въ несчастномъ царствѣ Шуйскаго такой типъ казака подъ именемъ лисовчиковъ, который сдѣлался синонимомъ отрицанія не только всего общественнаго, но и всего человѣчнаго. Польша, своевольная и безсудная Польша единодушнымъ приговоромъ своего сейма извергла прочь это ужасное олицетвореніе польскаго своевольства и польской безсудности. Она изгнала казаковъ Лисовскаго изъ отечества въ качествѣ лишенныхъ чести банитовъ (*odsadzonych czci banitów*), и рыцари московскаго раззоренія нашли по себѣ службу только у императора, который изъ католическаго фанатизма готовъ былъ обратитъ свою имперію въ пустыню.

Но и тѣ Днѣпровскіе казаки, которые не годились въ лисовчики по своему плохому вооруженію ¹⁾, тѣмъ не менѣе усвоили себѣ ихъ знаменитую манеру войны. „*Theatrum Euroraeum*“, замѣнявшій въ свое время газету, подъ 1620 годомъ описываетъ вторженіе въ Австрію и Моравію днѣпровскихъ хищниковъ совершенно такъ, какъ московскіе живописцы изображали опустошителей Россіи въ смутное время.

Всѣ заискивали казаковъ для военнаго дѣла, и ни одно государство не могло выносить ихъ посреди мирныхъ жителей. Но Западная Европа продолжала дивиться казацкою отвагѣ и выносливостію. Морскіе походы Сагайдачнаго, страшные для черноморской торговли,

¹⁾ Выше, въ одномъ изъ примѣчаній къ гл. I, сказано, что Запорожцы, не переставая считаться товарищами низоваго войска, входили въ составъ лисовчиковъ. Это, безъ сомнѣнія, былъ цвѣтъ днѣпровскаго казачества. Изъ переписки объ Александрѣ Ахизъ (Матер. для Ист. Возс. Р., т. I. 212, 215) извѣстно, что рядовые лисовчики нанимались къ нему въ службу за 8 еемиковъ въ мѣсяць, а Запорожцы—конные за 6, пѣшіе за 4 еемика. Татары представляли еще низшую степень казачества, и именно по своему плохому вооруженію. Въ 1579 году Степанъ Ваторій двумя тысячами Валгородской орды за два мѣсяца службы обмѣнялъ 2,000 талеровъ (Тамъ же, стр. 16).

обратили на днѣпровское казачество вниманіе всего католическаго міра; а когда Османъ II былъ отраженъ подъ Хотиномъ и вернулся въ свою столицу съ позоромъ, римскіе политики стали предполагать возможнымъ распаденіе Турецкой имперіи, которымъ казаки и подобные имъ охотники до войны могли бы, подъ предводительствомъ королевича Владислава, завоевать въ Турціи отдѣльное царство ¹⁾. Въ Западной Европѣ пораженіе Турокъ въ Левантскомъ заливѣ сдѣлало восточный вопросъ, возбужденный еще папою Львомъ X ²⁾, самымъ живымъ изъ всѣхъ политическихъ вопросовъ. Это событіе сопровождалось вѣдшими восторгами торжества надъ мусульманами и внутреннимъ сознаніемъ величайшей оплошности, въ какой когда-либо упрекало себя христіанское воинство. Истребленіе турецкаго флота произвело въ оттоманской столицѣ такую панику, что еслибы союзный христіанскій флотъ тотчасъ же послѣ побѣды двинулся впередъ, то всѣ Турки бѣжали бы изъ Константинополя ³⁾. Другаго случая овладѣть этимъ ключемъ отъ обоихъ береговъ Босфора никогда уже не представилось; но разъ увидѣвъ быстрый переходъ оттоманскаго могущества въ полное безсиліе, западные государи постоянно бредили восточнымъ вопросомъ.

Изгнаніе Турокъ изъ Европы лежало на совѣсти у Римскихъ папъ и католическихъ государей. Турки были обязаны успѣхами въ Малой Азіи и Европѣ всего больше нравственному превосходству своихъ воеводъ и полководцевъ надъ Европейцами ⁴⁾. Наконецъ и они обратились подобно европейскимъ правительственнымъ обществамъ; и они сдѣлались подкупны и лживы, какъ презираемые ими гяуры. Когда Солиманъ Великолѣпный, подобно Ивану Грозному, превратился изъ героя и мудреца въ игральщике самыхъ безпутныхъ наущ-

¹⁾ Римская курія, отправляя въ 1622 году папскаго нунція въ Польшу, дала ему инструкцію — внушать королю, чтобъ онъ дозволилъ казакамъ и другимъ охотникамъ помогать королевичу Владиславу основать себѣ въ распадающейся Турціи отдѣльное царство (*Relacye Nuncyuzów Apostolskich*, II, 175).

²⁾ См. у *Цимкейсена*, *Gesch. des osm. Reiches*, II, 580 и слѣд.

³⁾ Слова Джона Лотрона Мотлея въ III т. его сочиненія: «*The Rise of the DuchRepublic*».

⁴⁾ Въ XV столѣтіи одинъ изъ польскихъ шляхтичей былъ отуреченъ и служилъ въ янычарахъ. Его записки, извѣстныя подъ именемъ *Ramiętniká Janszaga Polaka*, показываютъ намъ, чѣмъ собственно взяли турецкіе завоеватели въ борьбѣ съ христіанскими войсками. Въ сочиненіи Лотера: «*Vom Kriege wider den Türken*» находимъ сознаніе безпутства европейскихъ ополченій, выраженное представителемъ нѣмецкой интеллигенціи.

никовъ, европейскіе политики почували возможность побороть Турцію, и еще при жизни этого губителя оттоманскаго могущества стали составлять проекты изгнанія Турокъ изъ Европы и Малой Азіи. Одинъ изъ такихъ проектовъ, представленный папѣ Пію V, особенно замѣчательнъ. „Всѣ христіанскіе государи (сказано въ его заглавіи) должны помышлять объ этомъ днемъ и ночью: ибо такимъ образомъ объединилась бы наша святая христіанская вѣра“¹⁾. Эти слова весьма выразительно объясняются въ текстѣ. Авторъ проекта совѣтуетъ крестоносцамъ взять съ собою хорошихъ проповѣдниковъ для скорѣйшаго обращенія еретиковъ (то-есть, православныхъ) въ католическую вѣру.

Дѣло въ томъ, что турецкая война для католическихъ политиковъ была войною религіозною въ смыслѣ господства Римскаго папы надъ христіанскимъ населеніемъ Турціи. Съ этою собственно цѣлью и христіанскіе союзники, король Испанскій, императоръ Германскій, государства италіанскія послали въ Левантскому заливу свои флоты подъ предводительствомъ Донъ-Жуана Австрійскаго. Съ этою цѣлью, спустя нѣсколько лѣтъ, и энергическій Сикстъ V благословилъ Стефана Баторія на войну противъ Москвы. Сперва сама Москва должна была оставить свой расколъ (схизму) ради католичества; потомъ Турція, завоеванная соединенными силами Польши и подвластной ей Московіи, должна была открыть просторъ для римской вѣры, отвергнутой восточною церковью. Сикстъ V собралъ было громадный по тому времени капиталъ для довершенія фантастическаго предпріятія Стефана Баторія. Когда Стефанъ Баторій умеръ въ цвѣтѣ воинственныхъ надеждъ, образовался союзъ противъ султана изъ Трапильванскаго князя Сигизмунда Баторія, господарей Молдавіи и Валахій Аарона и Михаила, императора Рудольфа II и нѣсколькихъ италіанскихъ и нѣмецкихъ князей. Этотъ союзъ рушился, не смотря на всѣ усилія и жертвы Римскаго папы. Но мысль подчиненія восточнаго христіанства намѣстнику Христа продолжала дѣйствовать на Западѣ съ тою же неуклонностью, что и прежде. Римская курія, не успѣвъ ничего сдѣлать на Югѣ, перенесла свои надежды снова на Сѣверъ. Въ покинутомъ Годуновымъ у Рюриковичей царствѣ, по

¹⁾ Этотъ важный документъ открытъ въ одномъ изъ италіанскихъ архивовъ В. В. Магушевнымъ (Слав. Сб. т. III, ст. 1-я). Характеристика его въ подлинникѣ такова: «Al che notte et giorno si doveria attendere da tutti li principi christiani, perche con tal mezo si riunirebbe et ancora s'ampiarebbe la nostra religione et fede di nostro Signor Giesu Christo».

ея очевидному, хотя документально и утаенному проекту, явился самозванецъ. Воспитанный въ традиціонной политикѣ Западной Европы, измысленный ею Димитрій бредилъ турецкою войною подобно записнымъ апостоламъ всемірнаго владычества папы ¹⁾. Его внезапная гибель открыла намѣченный Баторіемъ путь королевичу Владиславу, и хотя Владиславъ былъ принужденъ оставить свои покушенія на овладѣніе Москвою, но католическая Европа не теряла надежды — такъ или иначе подчинить русскій міръ, а съ нимъ вмѣстѣ и все восточное христіанство Римскому папѣ.

VI.

Три однородные, хоть и окольные, пути вели ее къ этой завѣтной цѣли. Первымъ путемъ было торжество польскаго оружія надъ московскимъ; вторымъ — слияніе безразлично въ польскій народъ русскаго населенія Рѣчи Посполитой, составлявшаго въ ней громадное большинство; третьимъ — возбужденіе Грековъ и Задунайскихъ Славянъ противъ Турціи.

Что расчеты на подчиненіе себѣ Московскаго царства чрезъ посредство Польши не были праздною мечтою со стороны Римской куріи, это мы знаемъ по унизительному для русскаго оружія походу короля Владислава IV къ Смоленску въ 1633 году и горестному для Москвы Поляновскому миру 1634 года. Такъ названное „вѣчное докончанье“ стараго спора сѣверныхъ Славянъ между собою, означенное уступкою Польшѣ древнѣйшихъ русскихъ владѣній, было тѣмъ знаменательнѣе на политическихъ вѣсахъ подвластной Риму Европы, что генералитетъ Владислава состоялъ изъ людей русскихъ, обращенныхъ въ католичество весьма недавно, а энергическою, побѣдоносною силою въ польскомъ войскѣ были тѣ самые казаки, которые, въ лицѣ Сагайдачнаго, предложили свои услуги Московскому царю по старинѣ, потомъ сложили съ себя грѣхъ братоубійства въ руки Іерусалимскаго патріарха и наконецъ отпугнули королевскую фракцію отъ возстановленной въ Кіевѣ митрополи. Въ этомъ, какъ и въ другихъ польскихъ походахъ на Россію, довершались, можно ска-

¹⁾ Нигдѣ такъ выразительно не высказалась римская курія, до какой степени турецкая война была необходима для ея цѣлей, какъ въ инструкціи, данной въ 1622 году нунцію Ланчелотти, отправлявшемуся ко двору Сигизмунда III. Существованіе Польши является въ этомъ документѣ важнымъ для нея лишь настолько, насколько Польша заключала въ себѣ элементы для разрушенія Турціи (Rel. Nunc. Apost., II).

зять, усобицы сѣверныхъ Русичей съ южными Русичами, изъ которыхъ одни были ослѣплены лукавою римскою вѣрою, другіе—дикою боевою славой, третьи—разбойною поживою. Натравливая южныхъ Русичей на сѣверныхъ, вожди католичества торжествовали надъ православіемъ одну изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ своихъ.

Не былъ праздною мечтою со стороны Римской курии и расчетъ на ополяченіе тѣхъ Русскихъ, которые все еще сознавали въ Польшѣ свою народность, могучимъ дѣйствіемъ церковныхъ преданій. Только пять-шесть церквей въ столицѣ русскаго православія Кіевѣ¹⁾, да нѣсколько церквей, разбросанныхъ по отдаленнымъ отъ нея бѣлорусскимъ, волынскимъ и червоннорусскимъ городамъ, да немногіе убогіе монастыри и церкви въ пустынной подлѣпровской Украинѣ, выдерживали, покамѣстъ, неравную борьбу съ тѣми ресурсами, которыми располагала Римская курия. Вся стойкость православія въ отторгнутыхъ отъ русскаго міра земляхъ опиралась на привязанность мѣщанъ и темной шляхты къ старинѣ да на энергію немногихъ личностей между православными иноками. Эти пророки русской народности только недавно привлекли къ себѣ, путемъ покаянія, вождей казачества, безнравственнаго въ своей религіозности и безсмысленнаго въ своей политикѣ. Съ помощію Іерусалимскаго патріарха, они овладѣли умами разбойничьихъ атамановъ лишь на нѣкоторое время, и отвлекали хищныя казачія купы отъ православной Москвы только до смерти Іова Борецкаго, какъ это показали событія 1633 — 1634 года, въ которыхъ казаки выполняли программу католичества вмѣстѣ съ отступниками вѣры отцовъ своихъ. Русская шляхта давно уже начала гордиться польскимъ именемъ, а русское торговое сословіе обнаруживало слабость именно съ той стороны, которая въ XVI столѣтіи дала ему силу для образованія церковныхъ братствъ,—со стороны зажиточности. Руководители уніи были мѣщанъ по карману съ очевиднымъ для cadaго и грознымъ для русской будущности успѣхомъ. Этотъ второй путь въ подчиненію русскаго міра римской политикѣ представлялся еще болѣе надежнымъ, чѣмъ первый. Сливъ во-едино вѣроисповѣданія и народности Рѣчи Посполитой, Поляки оттѣснили бы Русскихъ дальше Смоленска съ одного края и Путивля

¹⁾ По свидѣтельству Кальнооейскаго, напечатавшаго свою «Тератургину» въ 1637 году, въ Кіевѣ считалось только 13 церквей. До Петра Могилы, возставившаго св. Софію, Десятинную церковь и другіе православныя храмы, ихъ было гораздо меньше.

съ другаго, заключили бы Москву въ ея мѣстныя области, и можетъ быть, сдѣлали бы ее вѣчною данницею рыцарствующей Польши.

Но третій путь къ торжеству христіанскаго Запада надъ христіанскимъ Востокомъ, по своей логической послѣдовательности, былъ еще вредоноснѣе для русской независимости. Онъ долженствовалъ расторгнуть связь Московскаго царства съ православнымъ Востокомъ. Отъ ближайшихъ христіанскихъ частей Турецкой имперіи до самаго Іерусалима, еще со временъ Палеологовъ, разсѣяны были по всему Востоку факторы Римскаго папы, не переставшія работать по римски надъ соединеніемъ церквей. Между тѣмъ въ Италиі, особенно въ Неаполитанскомъ королевствѣ и въ Маркѣ Анконской, было много греко-славянскихъ колоній, сохранявшихъ еще въ XVII вѣкѣ свой языкъ и родственныя связи съ турецкими подданными ¹⁾. Въ рукахъ римскихъ католиковъ, италіанскіе Греки и Славяне были наилучшими пропагандистами папизма въ покоренной Турками Византии, которымъ Римская курія не переставала внушать, что турецкое иго было божественная кара, ниспосланная на Восточную имперію за ея расколъ, устроенный отступникомъ Фотіемъ. Кромѣ того, папа содержалъ при своемъ дворѣ греческихъ архіереевъ и архимандритовъ, которые по наружности принадлежали къ православной церкви, но въ сущности были проповѣдниками римскаго вѣроученія и предназначались для обработки православныхъ, появившихся въ Римѣ по политическимъ, торговымъ или научнымъ надобностямъ ²⁾. Все вмѣстѣ составляло духовныя мрежи, закинутыя намѣстникомъ Иисуса Христа отъ Люблина, Вильны и Кіева до Царьграда и Іерусалима. Оставалось только ихъ бережно вытаскать на римскую почву; таѣе чтобъ онѣ не порвались отъ слишкомъ обильнаго улова. Единственною помѣхой тому были протестанты, отвлекавшіе, съ 1619 года, главныя силы католическихъ государей для начавшейся въ Чехіи войны, которой суждено было продолжаться цѣлые три десятиа лѣтъ. Но Франція и Польша ободряли вождей католичества и съ этой

¹⁾ См. Monum. Histor. Slav. meridion., изд. В. В. Макушевскіи и его же статью о Славянахъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ въ *Зап. Акад. Наукъ* 1870 г. Италіанскіе источники для изученія колонизаціи пустынныхъ мѣстностей Аппенинскаго полуострова Албанцами указаны въ статьѣ того же профессора Макушева: «Вост. Вопросъ въ XVI и XVII вѣкѣ», напечатанной въ т. III *Слав. Сборника*.

²⁾ Объ этомъ разказывалъ и Александръ Ахія во время своего пребыванія въ Мценскѣ (Матер. для Ист. Вост. Р., т. I, 205).

стороны: въ той и другой странѣ богатѣйшіе и образованнѣйшіе люди, изъ любви къ утонченнымъ нравамъ и соединенному съ ними просвѣщенію, оставляли враждебный Риму лагерь и возвращались на лоно единой спасающей церкви. Реформація, по видимому, дѣлалась достояніемъ одного бюргерства, котораго борьба съ высшимъ сословіемъ находилась еще въ сомнительномъ положеніи. Вѣнценосные демагоги, какъ Вильгельмъ Нидерландскій, Генрихъ III и Генрихъ IV Французскіе, падали отъ разбойничьяго оружія, направляемаго фанатиками истинной вѣры; сама Елизавета Англійская не была отъ него безопасна¹⁾; а ужасающая инквизиція съ одной стороны и увлекательное апостольство іезуитовъ съ другой—объщали въ недалекомъ будущемъ обезопасить главенство Римскаго первосвященника во всей вселенной.

Судя по всѣмъ видимостямъ, старинный идеалъ всемірнаго господства долженъ былъ осуществиться скоро въ видѣ единаго стада и единаго пастыря. Другими словами: Россія, побывавшая въ рукахъ у польскихъ интригановъ и подъ копытами у польскихъ наѣздниковъ, рано или поздно должна была оправдать замыселъ Сикста V и Стефана Баторія; побѣдоносныя силы Польши, набравшіяся преимущественно изъ Русскаго племени, должны были окончательно потерять сознаніе своего происхожденія; а надежды турецкихъ христіанъ, опиравшіяся до сихъ поръ на Русскаго царя, должны были перенесены на главу католическаго міра. Что касается до міра протестантскаго, то повсемѣстный перевѣсъ католичества надъ православіемъ рѣшалъ судьбу его если не въ близкомъ, то въ отдаленномъ будущемъ. Всемірному господству новыхъ азычниковъ, возродившихся въ христіанскомъ Римѣ какъ фениксъ изъ пепла, не представлялось никакихъ препятствій.

Впрочемъ, протестантская часть Западной Европы, при всемъ своемъ антагонизмѣ съ католическою, представляла нѣчто единое и нераздѣльное съ нею по отношенію къ вопросу о вѣрствѣ Запада

¹⁾ Сэръ Эдуардъ Стаффордъ, англійскій посланникъ въ Парижѣ, увѣдомлялъ свое правительство, что по мнѣнію у него свидѣній, добытымъ въ испанскомъ министерствѣ, у католиковъ заготовлены уже люди для умерщвленія королевы Елизаветы. Въ то же время Вильямъ Герль писалъ изъ Голландіи объ убійцахъ, посланныхъ съ тою же самою цѣлью въ Англію изъ католической семинаріи въ Діенпъ. Эти убійцы должны были дѣйствовать подъ руководствомъ прокрадывшихся туда же іезуитовъ (*Motley, History of the United Netherlands, 1860, I, 5*).

надъ Востокомъ. Западная Европа получила младенческое и юношеское воспитаніе свое отъ Рима. Въѣсть съ возрожденнымъ гуманизмомъ классическихъ язычниковъ и восторжествовавшими надъ теологическою наукою опытыми знаніями, она усвоила отъ своего духовнаго отца, отъ своего пѣстуна и дядьки тотъ взглядъ на международныя отношенія, который выработанъ средневѣковою Италіею, а приведенъ въ систему нравственныхъ убѣжденій Макиавелли и Лойлою. Такимъ образомъ, начала новой цивилизаціи получены западнымъ міромъ изъ Италіи съ началами паденія въ человѣческомъ сознаніи чистаго чувства правды и добра. Не смотря на ссору протестантовъ съ папою за чистоту евангельскаго ученія, они въ политической жизни не отдѣляли того; что мы разумѣемъ подъ именемъ католичества, отъ того, что слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ христіанства, такъ опредѣлительно, какъ это сдѣлало, въ простотѣ своихъ воззрѣній на правду и добро, древнее русское благочестіе^а. По крайней мѣрѣ относительно русскаго міра западно-европейскій міръ оставался все тѣмъ же католическимъ міромъ и тамъ, гдѣ мѣсто преемниковъ Льва X вступили преемники Лютера и Кальвина. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ исторія враждебныхъ отношеній европейскаго Запада къ Россіи. Еще наши отцы были свидѣтелями наступленія на Россію двадцати западныхъ народовъ, среди которыхъ протестанты не отличались отъ католиковъ пощадю русскихъ святылицъ и уваженіемъ русскаго народнаго чувства. Наши прадѣды видѣли протестантскую армію Карла XII, готовую разорвать Россію на куски не хуже католиковъ. Наши еще болѣе отдаленные предки, въ смутное время Московскаго царства, можно сказать — уже въ лежачемъ положеніи, ждали послѣдняго удара разомъ и отъ Поляковъ, и отъ Шведовъ. Не честолюбіе завоевателей и не заботы иностранныхъ дворовъ о политическомъ уравниженіи Европы были главными двигателями этихъ великихъ покушеній на уничтоженіе русской силы, на подавленіе русской государственности: вся политическая пресса Западной Европы свидѣтельствуетъ, что различныя вѣры и вѣковныя соперничества Романскихъ и Германскихъ народовъ мирялись всего легче тогда, когда въ нихъ оживала надежда вытѣснить Россію изъ ея широкаго займища. Никогда война противъ Турціи не связывала въ тѣсный союзъ Англичанина съ Французомъ, Шведа съ Полякомъ, римскаго католика съ лютераниномъ и кальвинистомъ. Только твердыня восточнаго христіанства; Россія, внушала разновѣрнымъ представителямъ христіанства западнаго едино-

душное убѣжденіе, что изъ-за разрушенія этой твердыни общими силами надобно позабыть распаденіе католическаго міра на части и возвратиться къ былому, грозному для Грековъ и православныхъ Славянъ единенію перессоренныхъ Лютеромъ и Кальвиномъ народовъ.

Переживая въ наши дни новое шатаніе языковъ и газетное поученіе людей тщетному, мы не безъ гордости оглядываемся на тѣ великія жертвы, которыми Русскій народъ столько разъ искупилъ свою государственную независимость. Но эти жертвы были только видимымъ выраженіемъ народнаго темперамента, который истинно великія дѣла совершаетъ въ незримомъ для большинства круга гражданственныхъ представителей своихъ. Такимъ кругомъ было избранное общество перваго царя Романова, энергически строившее вновь изъ развалинъ Русское государство среди обыкновенной у народа, въ повседневной жизни его, беззаботности о цѣломъ и привязанности къ интересамъ исключительнымъ. Изысканія слѣдовъ тихой дѣятельности этихъ богатырей государственнаго строительства приводятъ насъ иногда къ высокой оцѣнкѣ того общества, которое было во всей Европѣ признано если не звѣрски-свирѣпымъ, то раболѣпно-варварскимъ. Иначе было бы даже не понятно, когда и какъ успѣло образоваться въ Русскомъ народѣ столько людей дѣйствительно русскихъ, что всѣ крайности иностранствующихъ представителей правительства и общества въ Россіи оставались до нашихъ дней безсильными поколебать основы національной самобытности. Русское варварство, въ великую по своимъ строительнымъ подвигамъ эпоху царя Михаила Федоровича, представляло разительную противоположность просвѣщенію Западной Европы здоровою стойкостью въ нравственномъ отособленіи католическо-протестантскаго міра и неспособностью руководиться хитрыми правилами политики вмѣсто внушеній простосердечно понимаемой религіи. Это—образъ нашего настоящаго, помѣченный основными чертами въ отдаленномъ отъ насъ прошедшемъ. Два съ половиною столѣтія нашей и не нашей жизни ушли въ Европѣ какъ будто только на то, чтобы подготовительный набросокъ этого образа явился въ видѣ доконченной картины несогласнаго контраста. Въ то время, какъ и въ наше, Турція была ареною, на которой такъ или иначе долженъ былъ разыгратъ заключительный актъ то явной, то глухой борьбы западнаго христіанства съ христіанствомъ восточнымъ; только иная была обстановка громадной сцены дѣйствія, и мины употреблялись орудія для подчиненія одного христіанскаго міра другому. Для большей выравнительности древняго

русскаго лика, затемненнаго въ нашемъ сознаниі усвоенными отъ иноземцевъ идеалами народной жизни; мы должны возобновить въ нашей памяти и тогдашнюю сцену международной борьбы за существованіе, и характеры подвизавшихся на ней дѣятелей.

VII.

Турки начали воевать съ Византійскими императорами со второй половины XI столѣтія и дѣлались все болѣе и болѣе могучимъ народомъ по мѣрѣ того, какъ христіанскій міръ ослабѣвалъ отъ внутреннихъ несогласій своихъ.

Первою причиною несогласій христіанъ съ христіанами была взаимная вражда послѣдователей греческаго и римскаго вѣроученія, зародившаяся во времена патріарха Фотія (862 г.) и достигшая крайняго своего развитія въ періодъ существованія основанной крестоносцами на Босфорѣ Латинской имперіи (1204—1261 гг.). Фраза: „лучше покориться Туркамъ, чѣмъ Латинцамъ“, это часто встрѣчаемая въ устахъ у болгарскихъ, сербскихъ, македонскихъ и морейскихъ предводителей фраза весьма стара на христіанскомъ Востокѣ. Даже въ то время, когда Магометъ II осаждалъ Царьградъ, патріархъ Геннадій, бывший сторонникъ Флорентинской уніи, говорилъ, что ему отраднѣе видѣть въ греческой столицѣ турецкую чалму, чѣмъ папскую тиару ¹⁾.

При такомъ расположеніи умовъ стѣсненнаго въ осажденной столицѣ греческаго общества, Магомету II могли помогать въ овладѣніи имперіей Палеологовъ не одиѣ военныя, но и политическія способности. Еще больше помогло Туркамъ въ завоеваніи малоазіатскихъ и европейскіхъ частей бывшей Восточной Римской имперіи то обстоятельство, что между ними продолжались начавшіяся издавна мелкія войны за господство земли надъ землею, племени надъ племенемъ. Взаимныя набѣги полуварваровъ, сопровождаемые тиранией наследственной вражды, придавали иногда могущественнымъ завоевателямъ враждующихъ значеніе не только верховныхъ судей, но и защитниковъ. Западное рыцарство, пытавшееся вытѣснить Турокъ изъ Балканскаго полуострова, обнаруживало передъ ними, въ свою очередь, тотъ же недостатокъ единоклюбія, которымъ они пользовались въ Сербіи, Бол-

¹⁾ Ducae Michaelis Ducae Nepotis Historia Bysantina. Venetis, 1729, p. 119.

гаріи, Македоніи, и вмѣсто торжества надъ невѣрными открывало имъ доступъ во внутренность Европы.

Но ни воинственность, ни умѣнье пользоваться антагонизмомъ раздраженныхъ другъ противъ друга христіанъ не были столь сильными дѣятелями въ быстромъ распространеніи предѣловъ Оттоманской имперіи, какъ общее торжество религіозной правственности тогдашнихъ мусульманъ надъ испорченностію, которую Римъ и Византія, каждый по своему, разливали въ образѣ мыслей и общежитіи зависѣвшихъ отъ нихъ народовъ. Торжество это состояло прежде всего въ строгой соподчиненности всѣхъ членовъ государства, отъ рядового воина до великаго визиря, отъ мелкаго торгаша и земледѣльца до верховнаго муфтія. Потомъ оно выражалось искреннею преданностію подданныхъ своему государю, готовностію умереть за отечество, настойчивостію въ трудахъ, неустрашимостію въ опасностяхъ, простотой жизни и нравовъ, общею воинственностію націи и необыкновенною любовью къ славѣ.

Эти отличительныя свойства завоевателей Византіи поражали наблюдательныхъ Европейцевъ именно потому, что въ христіанскихъ государствахъ они являлись только рѣдкими исключеніями. Нашествіе Турокъ вовсе не было нашествіемъ разрушителей гражданскаго благоустройства: это было появленіе людей порядка и самообладанія среди общей безсудности и продажности, среди повсемѣстной тиранніи сверху, лѣни и подлой угодливости снизу. Каково бы ни было воззрѣніе мусульманской массы на христіанство, какъ на религію, мы достовѣрно знаемъ, что предводители этой массы, подобныя Магомету II, черпали свой завоевательный энтузіазмъ больше всего въ негодованіи на тѣ пороки, которые прикрывали божественнымъ именемъ Иисуса Христа. Коварная политика христіанскихъ правительствъ и лицемѣрная святость христіанскаго духовенства возмущали до глубины души коронованнаго преемника Пророка, который честное слово и честное дѣло клалъ въ основаніе новаго общества, созданнаго имъ среди язычниковъ. Въ пламенной ревности къ правдѣ Магометъ II не отличалъ нисколько живыхъ послѣдователей „сына Маріи“ отъ идолопоклонниковъ, столь ненавистныхъ основателю новаго ученія о единомъ Богѣ. На другой годъ по взятіи Турками Царьграда, ученый венеціанскій дипломатъ Сангудино доносилъ оттуда королю Обѣихъ Сицилій, что Магометъ II „бредитъ истребленіемъ христіанскихъ государей“, что онъ „пылаетъ и му-

чится ненавистью къ христіанскому имени¹⁾. Этого 23-лѣтняго султана Сангудино изображаетъ подобіемъ Александра Македонскаго. По его разказу, Магометъ II время, которое другіе проводили въ сладострастіи, чревоугодіи, охотѣ, забавахъ плясунами, пѣвцами и скоморохами, употреблялъ на бесѣды съ людьми, хорошо знающими латинскую и греческую литературу, въ томъ числѣ и съ Константинопольскимъ патріархомъ Геннадіемъ. Онъ постоянно былъ занятъ чѣмъ-нибудь изъ того, что было имъ предположено, и предавался трудамъ съ невѣроятною настойчивостью. Когда дѣло шло о чести, о пользѣ царства, о славѣ, не боялся онъ ни трудности дороги, ни дурной погоды, ни наводненія, ни неприступныхъ горъ; переносилъ жаръ, стужу, голодъ, жажду. „Мало сказать: онъ бѣгаетъ“, писалъ Сангудино, — „вѣрнѣе сказать: онъ летаетъ“. При этомъ венеціанскій дипломатъ распространяется о челоуѣколюбіи и любезности просвѣщеннаго Турка, качествахъ тѣмъ болѣе замѣчательныхъ, что Магометъ II вовсе не составлялъ благороднаго исключенія въ своемъ роду, о чемъ распространяется здѣсь не мѣсто, по что извѣстно изъ современныхъ отзывовъ христіанскихъ наблюдателей Турціи при отцѣ Магомета, Амуратѣ II, при его наслѣдникѣ Баязетѣ II и Селимѣ II, отцѣ Солимана Великолѣпнаго. Отзывъ Венеціанца Сангудино о завоевателѣ Царьграда оправдывается и другими письменными извѣстіями, по свидѣтельству которыхъ этотъ султанъ, кромѣ родного, хорошо зналъ пять языковъ: греческій, латинскій, арабскій, халдейскій и персидскій. Ученый, вѣчно жаждавшій дѣятельности и стремившійся къ господству надъ изолгавшимися народами, повелитель нравовѣрныхъ, по словамъ ближайшихъ его наблюдателей, „направлялъ всѣ свои дѣйствія къ униженію святаго креста“²⁾, и подобно какому-то демону, не дѣлалъ никому уступки въ томъ, что было имъ опредѣлено³⁾. Когда люди опытные въ дѣлахъ войны и политики отклоняли его отъ намѣренія завоевать Италію, онъ (по словамъ Сангудино) называлъ ихъ совѣтъ старческимъ малодушіемъ (*verba angusti et senilis animi*) и съ непоколебимою твердостью постановилъ

¹⁾ Посланіе Николая Сангудино найдено В. В. Макушевымъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ XV вѣка, принадлежащемъ муниципальной библіотекѣ въ Болоннѣ.

²⁾ *Et tutte cose fa contra lo honore di santa croce*, (Анонимная записка: *Copia de la nove recevute de Constantinopoli*, найденная В. В. Макушевымъ въ Миланскомъ архивѣ. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1872, октябрь, стр. 300).

³⁾ *Questi è uno dimonio et vole ogni cosa a suo modo* (Тамъ же).

рѣшить мечемъ вопросъ: кому владѣть міромъ—христіанамъ, или магометанамъ.

Но „цылая и мучась ненавистью къ христіанскому имени“, первые обладатели береговъ Босфора были далеки отъ нетерпимости въ подвластныхъ имъ христіанскихъ странахъ. Всѣ они были подражатели величайшаго изъ завоевателей, всемірнаго героя, народныхъ и книжныхъ легендъ, славнаго до нынѣ по всему Востоку Искандера Македонскаго. Другъ послѣдняго Византійскаго императора, Георгій Франца, свидѣтельствуетъ, что Магометъ II усидчиво занимался чтеніемъ жизнеописаній и дѣяній Александра Великаго и другихъ знаменитыхъ мужей древности, изыскивая и изслѣдуя способы, которыми могъ бы превзойти ихъ въ государственной мудрости. Если по всему Балканскому полуострову и по всей Моревъ повторялись досадныя для западнаго христіанства слова: „Лучше покориться Туркамъ, чѣмъ латинцамъ“,—то ихъ въ значительной мѣрѣ надобно приписать благоразумной политикѣ турецкихъ завоевателей. Не только не тѣснили они своихъ иновѣрныхъ подданныхъ изъ религіозной нетерпимости; напротивъ, привлекали ихъ къ господству надъ сосѣдними странами вмѣстѣ съ правовѣрными. Христіане служили и въ янычарахъ, и въ наемныхъ войскахъ султана; а когда являлась надобность въ поголовномъ ополченіи края, они, наравнѣ съ мусульманами, были обязаны идти на войну. Въ такихъ случаяхъ султанъ объявлялъ по всему царству, что христіане, вступившіе въ военную службу, получатъ отъ него хорошее жалованье, будутъ у всѣхъ въ почетѣ, и каждому, кто приведетъ съ собою 20 человекъ, онъ дастъ подъ начальство 30, и такъ далѣе, соответственно приводимымъ отрядамъ. Кромѣ того, всѣ христіанскіе добровольцы будутъ освобождены отъ всякаго рода преступленій, даже и такихъ, какъ убіеніе турка. Такое извѣстіе о дружелюбномъ общеніи Турокъ съ христіанами сообщилъ своему правительству современный Мурату II миланскій посолъ въ Венеціи, Леонардо Ботта. Съ этимъ согласуется разказъ полу-Русса и полу-Поляка Стрыйковскаго, что онъ слушалъ народныя рыцарскія пѣсни турецкихъ и славянскихъ менестрелей на цареградскихъ улицахъ и базарахъ. Торжество турецкаго оружія надъ европейскими арміями не было исключительно магометанскимъ праздникомъ. „Когда въ 1574 году“, говоритъ Стрыйковскій,—„взяты были въ Африкѣ у Испанцевъ Тунисъ и Голета, всюду по улицамъ распѣвались прекрасныя пѣсни на турецкомъ и на славянскомъ языкахъ; нищіе пѣли ихъ въ гостинницахъ и въ домахъ крикливымъ голосомъ, прославляя под-

виги янычаръ и высокія доблести башей, санджаконъ; чаушей, спяховъ". Правительство поощряло бродячую уличную музу, и по словамъ того же Стрыйковскаго, содержало на счетъ казны записныхъ слагателей героическихъ пѣсень ¹⁾.

Такъ какъ у Турокъ не было ничего подобнаго европейскому потомственному дворянству, и люди возвышались надъ престою народною массою только вознагражденіемъ личныхъ заслугъ своихъ, то можно себѣ вообразить, какъ были сближены между собою всѣ классы общества. Основатели Турецкой имперіи были проникнуты демократическими понятіями о человѣкѣ и въ исполненіи своего правосудія не взирали на лица. Не было у нихъ также различія на судѣ между мусульманскими и христіанскими подданными. Европейцы, побывавшіе въ турецкой неволѣ, поражали слушателей своихъ разказами о чрезвычайной справедливости и удивительномъ управленіи султановъ. Венеціанцы называли эти разказы *cose stupende della summa giustizia et mirando governo in tutte la cosa* ²⁾; а Поляки не могли надивиться, что въ Турціи переходы войскъ не причиняли жителямъ никакого убытка. Извѣстный въ исторіи польской литературы янычаръ Полякъ, писавшій свои воспоминанія въ концѣ XV вѣка, приводитъ одинъ случай янычарскаго грабежа, состоявшаго въ томъ, что одинъ изъ янычаровъ не заплатилъ поселянкѣ денегъ за выпитый имъ кувшинъ молока. Потребованный передъ султана, онъ былъ уличенъ въ своемъ обманѣ тѣмъ, что ему тутъ же распороли брюхо. Грубое подражаніе правосудію царя Соломона правилось не далеко ушедшимъ въ гуманности турецкимъ христіанамъ. Въ 1455 году герцогу Миланскому доносили официально, что Албанцы весьма преданы Турецкому султану по причинѣ его хорошаго и человѣчнаго управленія (*sono molto affetti al Turco, el quale gli fa una bona e humana Signoria*); а Дубровчанинъ Павелъ Джорджичъ, пробывшій въ Турціи 15 лѣтъ и извѣдившій ее по всѣмъ направленіямъ, свидѣтельствуетъ, что еще въ 1580 году состояніе турецкихъ христіанъ было самое счастливое: они пользовались свободою, были богаты, Турки ихъ не притѣсняли, судъ былъ справедливъ ³⁾. Сербы, пожалуй, пѣли о своемъ Коссовомъ полѣ,

¹⁾ Kron. Polska, Litewska etc., poświęconie.

²⁾ Изумительными случаями совершенной справедливости и удивительнаго во всемъ управленія.

³⁾ В. В. Махушевъ, по рукописямъ Миланскаго архива и Амвросіанской бібліотеки (*Ж. М. Н. Пр.* 1872, окт., стр. 311).

Болгары вспоминали о славі государей своихъ, а Македоняне, Албанцы и Морейцы—о политической свободѣ; но то были дикіе порывы героической фантазіи, неспособной возсоздать старину со всѣми ужасами ея воинственности. Турецкіе султаны не имѣли ни возможности, ниже надобности подавлять мѣстный патриотизмъ Славянъ и Грековъ, а христіанскую религію охраняли они отъ энтузіастовъ ислама изъ политическихъ видовъ своихъ. Если горные гайдуки да неженатые юнаки и занимались набѣгами на турецкія колоніи, подобно нашимъ казакамъ, то ни свѣтскіе главари, ни духовныя власти отнюдь не были причастны къ ихъ похищеніямъ. Напротивъ, имѣя въ памяти племенную вражду Славянъ со Славянами и внутреннія распри во Фракіи, Албаніи, Морей, лучшіе представители каждой народности видѣли ясно, что только подъ турецкимъ единоначаліемъ оправились ихъ области отъ тѣхъ потрясеній, которыя производили онѣ одна въ другой во время мнимой независимости. Разсудительныя главы народовъ и народцевъ, населяющихъ два смежныя полуострова не имѣли достаточныхъ основаній даже для ропота на завоевательный разбой турецкихъ государей: эти народцы сами, подобно Туркамъ, посягали на независимость другъ друга; только не имѣли ни силы, ни ума, съ которыми мусульмане наложили руку на борющихся между собою братій,—братій если не по племени, то по вѣрѣ. Что касается до свободы христіанской совѣсти, то подвластные султану Греки и Славяне, глядя издали на пылавшіе въ католическихъ земляхъ костры и слушая разказы объ ужасахъ инквизиціонныхъ судилищъ, могли только благословлять судьбу, укrywшую ихъ подъ широкою властью султана отъ жадности и тираниі латинцевъ.

Западная Европа очень хорошо, какъ мы видимъ, знала, что задунайская Славянщина, равно какъ и всѣ православныя Востока, пребывала подъ оттоманскимъ владычествомъ въ мирѣ и благоденствіи; которые для нихъ были невозможны и немыслимы во времена оны. Но миръ и благоденствіе православнаго населенія нигдѣ и никогда не были предметомъ попеченій романско-нѣмецкой политики. Миръ и благоденствіе восточнаго христіанства представляли для христіанства западнаго невозможность вмѣшаться во внутреннее и вѣшнее устройство своихъ о Христвѣ братій, а это было для него крайне неприятно. Вмѣшательство въ дѣла восточнаго христіанства у руководителей христіанства западнаго съ незапамятныхъ временъ прикрывалось желаніемъ распространить блага высшаго просвѣщенія на христіанъ низшей культуры; но въ сущности оно выражало стремленіе

къ обогащенію на счетъ недорослей цивилизаціи. Когда Турки стали торжествовать надъ европейскими арміями по мѣрѣ своего нравственнаго превосходства, Европа напрасно прибѣгала къ мужеству и самопожертвованію для подавленія мусульманской силы: эти чувства были въ ней такою рѣдкостью, что Сервантесъ олицетворилъ ихъ наконецъ въ полусумасшедшемъ Донъ-Кихотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, попытки изгнать изъ Европы Турокъ, блестящія по своимъ замысламъ и ничтожныя по выполненію, были внушаемы мечтательнымъ умамъ Западной Европы тѣмъ энтузіазмомъ, который заставлялъ великодушнаго рыцаря Ламанчи держать голову выше окружавшей его дѣйствительности. Въ числѣ націй, увлекавшихся надеждами наложить снова загребистую руку на Царьградъ, какъ въ XIII вѣкѣ, — Венеціанская республика была сперва самою пылкою. Одинъ изъ ея знаменитыхъ воиновъ, Франческо Бальби, представилъ сенату въ присутствіи дожа такое средство для одолѣнія мусульманъ, чтобъ издать законъ, опредѣляющій смертную казнь тому, кто сталъ бы говорить о мирѣ съ Турками, пока они не будутъ изгнаны изъ Европы. Но подобныхъ энтузіастовъ между синьоріею св. Марка было мало: въ ней преобладалъ тотъ сортъ людей, котораго правила жизни нашли себѣ выраженіе въ Макиавелли. Нація ловкихъ эксплуататоровъ чужаго добра, съ свойственною ей дальновидностью, приняла относительно Турціи политику развращенія мусульманскаго правительства. Въ то время, когда другія государства тратили деньги на защиту своихъ владѣній отъ Азіятцевъ посредствомъ крѣпостей и армій, Венеція откупалась отъ ихъ вторженій щедрыми подарками самому султану, визирямъ и башамъ. Этимъ способомъ она развивала въ послѣдователяхъ воздержнаго Пророка страсть къ роскоши съ тѣмъ губительнымъ успѣхомъ, которымъ въ исторіи гражданскихъ обществъ всегда отличался расчетъ на низшія свойства человеческой природы: Роскошь вела за собою продажность, а новыя потребности мусульманскаго быта понуждали цѣлую массу начальствующихъ людей выжимать изъ христіанскаго населенія Турціи деньги, которыхъ не было возможности ни заслужить, ни заработать, ни добыть въ военныхъ походахъ. Лишь только Турки дали христіанамъ почувствовать, что они терпятъ притѣсненія, какъ иновѣрцы; религіозность Грековъ и Славянъ соединилась у нихъ съ чувствомъ національности; и къ этому-то времени надобно отнести народныя пѣсни, изображающія въ преувеличенномъ видѣ доблести предковъ и свирѣпость ихъ поработителей. Чувства преданности, которыми главари и духовныя власти Славянъ и Грековъ

были преисполнены къ правосуднымъ султанамъ своимъ, были заглушены тайною и явною враждою къ врагамъ святаго креста. Съ своей стороны Турки, встрѣчая въ христіанахъ ненависть и мстительность за свои насилія, тѣмъ еще болѣе считали себя въ правѣ тѣснить гауровъ. Взаимная недовѣрчивость положила конецъ участію христіанъ въ турецкихъ ополченіяхъ. Турки изъ судей, защитниковъ и миротворцевъ христіанскихъ народовъ и народцевъ сдѣлались пришельцами, разсѣянными по обширнымъ владѣніямъ своимъ, и въ то время, когда внутри имперіи они должны были прибѣгать, ради своей безопасности, къ новымъ и новымъ мѣрамъ тиранніи, извнѣ имъ грозили возобновляемыя покушенія христіанъ вытѣснить ихъ изъ Европы.

Еслибы Западная Европа въ этотъ опасный для Турціи моментъ была способна дѣйствовать единомысленно, имперія Магомета II, Селима I и Солimana Великолѣпнаго распалась бы скорѣе, чѣмъ она создавалась изъ примиренныхъ завоевателями частей своихъ. Но разединяя новый міръ, созданный политикою магометанъ на Востокѣ, деморализуя Турокъ съ одной стороны и подучивая христіанъ къ бунтамъ съ другой, европейскіе народы продолжали внутреннюю между собою борьбу, которой успѣхъ зависѣлъ у нихъ не столько отъ личныхъ доблестей вовлеченныхъ въ эту борьбу единицъ, сколько отъ политическихъ ковней руководящихъ ими правительствъ. Западные государи, пося титло христіаннѣйшихъ, прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ для грабежа однихъ христіанъ руками другихъ, а когда домашнихъ средствъ было для того недостаточно, они стали обращаться за помощью другъ противъ друга къ врагамъ святаго креста, объ изгнаніи которыхъ, во времена папы Пія V ¹⁾, католическіе политики внушали всѣмъ христіанскимъ государямъ „помышлять днемъ и ночью“. Видя ожесточенную борьбу западныхъ христіанъ съ христіанами и поддерживая между ними равновѣсіе, Турки были успокоены на счетъ возстановленія у себя дома иновѣрцевъ противъ магометанъ; а зло, вкоренившееся въ мусульманскомъ правительствѣ отъ пріятельскихъ споненій съ республикою св. Марка, продолжало между тѣмъ дѣйствовать. Питомцы макиавеллизма слѣдили за его развитіемъ, какъ отравитель слѣдитъ за дѣйствіемъ медленнаго, но смертельнаго яда, и не упускали случая пользоваться начинавшимся разложеніемъ государственнаго организма Турціи. Пока турецкіе христіане благоденствовали подъ мусульманскимъ правленіемъ, они были

¹⁾ Визъ папою съ 1566 по 1571 годъ.

недоступны для политическихъ ·получиваній со стороны папистовъ. Теперь имъ стали подсказывать революціонные замыслы, стали поощрять къ возстанію денежными пособіями и манили перспективой политической свободы за возвращеніе къ церковному единству съ католичествомъ. Эти внушенія были тѣмъ дѣйствительнѣе, что состояніе Турецкой имперіи съ каждымъ новымъ царствованіемъ ухудшалось, и возможность ея покоренія латинцами представлялась туземнымъ христіанамъ все живѣе и живѣе; Лепантская побѣда 1571 года, не смотря на свою бесплодность для европейской военной ассоціаціи, произвела сильное впечатлѣніе не только на Грековъ и Славянъ, подвластныхъ Турціи, но и на самихъ Турокъ. Неспособность цѣлаго ряда правителей вмѣстѣ съ подкупностью, вошедшею въ нравы членовъ дивана и всего сераля, въ теченіе полустолѣтія низвели правобѣрныхъ до того, что ихъ стала побуждать наконецъ и беспорядочная польская шляхта, вспомошествоваемая еще болѣе беспорядочными казаками. Походъ Османа II къ берегамъ Днѣстра подъ Хотинъ въ 1621 году раскрылъ глаза всей Европѣ на слабость турецкаго единовластія и на разстройство еще недавно могущественной имперіи. Польскій посолъ доносилъ своему правительству изъ Царьграда, что грозные яничары и спахи суть не что иное, какъ привилегированные разбойники, опустошающіе провинціи собственнаго отечества; что турецкій флотъ состоитъ всего изъ нѣсколькихъ ветхихъ галеръ съ трусливыми и неспособными къ морскому дѣлу матросами; что земледѣліе и скотоводство находятся въ крайнемъ упадкѣ, и что, еслибы транспортнымъ судамъ запереть устья Дуная и Дарданеллы, то жители столицы умирали бы съ голоду ¹⁾).

Свидѣтельству этого очевидца вторятъ современный англійскій посланникъ въ Царьградѣ Рое и Дубровчанинъ Градичъ, хорошо знавшій Турцію по своимъ сношеніямъ съ мѣстными купцами и слышавшійся о ней отъ своего дѣда Петра Бенеси, секретаря папы Урбана VIII. Въ противоположность Николаю Сангудино и его современникамъ, описывавшимъ благосостояніе Турціи, Градичъ изображаетъ ее слѣдующими словами: „Мѣсто прежней справедливости къ покореннымъ народамъ и воздержности заступили алчность и гордость. Не уважается польза ни государственная, ни частная; господствуетъ полнѣйшій произволъ владыкъ надъ рабами; дворъ продаженъ, законами торгуютъ; почести приобрѣтаются куплею; продается право совер-

¹⁾ Матер. для Ист. Возе. Р., т. I.

шать преступленія; истощенныя народныя богатства не удовлетворяютъ корыстолюбію башей и санджаковъ. Вслѣдствіе того обширныя и плодосныя поля остаются не воздѣланными; большіе города опустѣли; все пришло въ разрушеніе. Военное искусство въ упадкѣ. Лучшія земли заняли спахи; но теперь они уже не отличаются воинственностью, силою, терпѣливостью, скромностью, какъ прежде: теперь они сдѣлались презрѣнны, вялы, робки, сладострастны и за деньги поставляютъ за себя наемниковъ, большею частью христіанъ, чему весьма способствуетъ корыстолюбіе башей и продажность чиновниковъ. Что же сказать о янычарахъ? Многочисленность этой сволочи поглощаетъ всѣ государственные налоги. Непокорные, лѣнныя, гнусныя, вовсе не воинственные, эти презрѣнныя выродки способны только къ грабёжамъ; ихъ своеволие перешло предѣлы⁴⁾.

Такое положеніе дѣлъ въ Турціи оживило надежды католической Европы на подчиненіе римскому папѣ русскаго міра, а съ нимъ и всего восточнаго христіанства. Хотя въ Москвѣ и не удалась ей тѣ замыслы, которые она соединяла съ выработанною въ своихъ тайникахъ самозванщиною; но отъ происшедшихъ по этому поводу столкновеній между двумя половинами сѣверной Славянщины получился результатъ весьма важный. Потомки древнихъ Русичей, подъ католическими знаменами, потрясли до основанія государственную независимость своихъ московскихъ братій; а сбродныя дружины казаковъ, считавшихся въ Римѣ яростными защитниками греческой схизмы, оказались такими же беспощадными добычниками въ ея убѣжищѣ — Россіи, какъ и въ самой Турціи. Выдѣлка изъ Русскихъ людей разрушительныхъ для русской самобытности орудій, съ этой стороны, удалась панистамъ какъ нельзя лучше. Съ такимъ же успѣхомъ подвизались на другомъ поприщѣ другаго сорта Русскіе люди, передѣланные въ истребителей отеческихъ преданій посредствомъ церковной уніи. Если Жовковскіе съ дворянами, а Сагайдачныя съ казаками сдѣлали важный починъ въ крушеніи великой твердыни православія въ одномъ отношеніи, то Рутскіе и Кунцевичи настойчиво продолжали еще болѣе зловѣщее дѣло — въ другомъ. Теперь настала очередь подрыва православной силы чрезъ посредство христіанъ, подвластныхъ Турціи.

⁴⁾ Ж. М. Н. Пр. 1872 г., окт., стр. 314.

Въ то время, когда имперія Палеологовъ, въ силу ея политико-религіознаго значенія, стала переходить на русскій Сѣверъ, и свѣжая народными силами Москва сдѣлалась еще болѣе надежнымъ центромъ восточнаго христіанства, чѣмъ была зараженная наслѣдственными пороками античнаго міра и развращенная въ добавокъ латинцами Византія. Все, что было въ этой имперіи сохранено отъ нравственной гибели евангельскимъ ученіемъ, все истинно, а не номинально "православное," стало въ ней смотрѣть съ родственнымъ чувствомъ на христіанское общество Москвы, хотя и въ ней было не безъ лукавыхъ Византійцевъ.

Въ особенности же расположились къ ней соплеменные русскимъ Болгары и Сербы, у которыхъ съ Москвою не было кровавыхъ счетовъ, какъ съ Византіей. Помимо строгой власти мусульманъ, успокоившей Славянъ и Грековъ отъ областныхъ разбоевъ, во всемъ христіанскомъ населеніи Турціи распространилась тихая, озабоченная политическими надеждами будущаго власть православной Москвы, восторжествовавшей надъ своими поработителями Татарами. Христіанскій авторитетъ пребывалъ уже не въ городѣ Константина Великаго и даже не на Аѳонѣ какъ прежде, а въ свободномъ отъ иновѣрной власти московскомъ обществѣ. Влеченіе къ Москвѣ было такъ сильно, довѣріе такъ велико, что даже люди, подобные Максиму Греку, обогатясь познаніями въ западныхъ университетахъ, искали въ ней поприща для распространенія среди православныхъ свѣта всемірной науки. Этѣхъ людей постигла въ Москвѣ иногда участь Вруно и Галилея, но ихъ неизмѣнная привязанность къ русскому элементу свидѣтельствуетъ, что въ ихъ глазахъ онъ имѣлъ много высокихъ представителей.

Дальновиднѣйшее изъ наблюдавшихъ Турцію государствъ, республика венеціанскихъ нобилей, прежде всѣхъ обратила вниманіе на знаменательную связь, установившуюся между двумя половинами восточно-христіанскаго міра. Венеціанскій посланникъ при Амуратѣ III доносилъ въ 1576 году своему правительству, что всѣ народы Болгаріи, Сербіи, Босніи, Морей и Греціи весьма преданы Московскому царю по единовѣрью и готовы возстать доголовно противъ Турокъ, чтобы подчиниться его власти. Около того же времени и эмиссаръ Донъ-Жуана Австрійскаго писалъ къ нему изъ Царьграда, что восточные христіане надѣются быть освобожденными отъ турецкаго раб-

ства не кѣмъ инымъ, какъ Русскими. Еще рѣшительнѣе выразилъ ту же мысль неизвѣстный авторъ описанія Турціи въ 1594 году. Онъ говорилъ, что Турокъ страшно боится русской силы, которая, состоя изъ удивительныхъ воиновъ, безъ труда можетъ проникнуть въ Черное море и угрожать Константинополю ¹⁾).

Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ Іоаннъ IV продолжалъ внутреннюю политику Сильвестра и Адашева, а во вѣшной выдержалъ до конца характеръ завоевателя Казани и Астрахани,—Восточный вопросъ могъ бы потребовать отъ него разрѣшенія такъ настоятельно, какъ оно требуется отъ Россіи въ нынѣшнее царствованіе. Но пламенный духъ Іоанна, не поддержанный его ближайшею средою, перешелъ въ политическое безуміе, и Россіи, по видимому, готовилась участь имперіи Сольмана Великолѣпнаго. Люди, подобные Поссевину, какъ будто только и ждали, чтобы стойкій и въ своемъ малодушіи поборникъ православія сошелъ съ политической сцены. Іоаннъ умеръ въ 1584 году, а къ 1595 году созрѣла на русскомъ Югѣ церковная унія, долженствовавшая разлучить его на вѣки съ русскимъ Сѣверомъ. Событія польско-русской жизни въ началѣ XVII столѣтія должны были возымѣть сильное вліяніе на Болгарію и Сербію, равно какъ и на весь православный Востокъ. Съ одной стороны Кіевская митрополія, устами своихъ архіереевъ—Ипатія, Потѣя и Кирилла Термецкаго признала въ Римѣ главенство папы и очутилась во власти отступниковъ православія, а съ другой Московскій народъ возмутился противъ своего царя въ пользу гангштвеннаго царевича, воспитаннаго среди католиковъ. Наконецъ, католическія знамена стали развѣваться въ самомъ центрѣ православнаго міра, и польскій королевичъ провозглашенъ Русскимъ царемъ. Всѣ эти событія слѣдовали быстро одно за другимъ. Благопріятная для римской политики молва о нихъ усердно повторялась римскими факторіями и ходила вокругъ Средиземнаго моря съ его Архипелагомъ, съ его греческими, малоазіатскими, сирійскими и африканскими берегами, по всѣмъ стезямъ первыхъ апостоловъ православія. Латинская пропаганда дѣлала всюду завоеванія на счетъ истины и, привела дѣло къ тому, что турецкіе христіане перестали связывать судьбу свою съ судьбой русскаго міра. Имъ указанъ былъ

¹⁾ Интересныя извлеченія по этому предмету изъ италіанскихъ архивовъ напечатаны В. В. Макушевскимъ при его статьѣ о Болгаріи въ *Ж. М. Н. Пр.* 1872 г., окт.; у Цинкейзена, въ его *Gesch. des osm. Reiches*, см. т. III, стр. 529.

ной центр тяготѣнія. Россія осталась какъ бы за предѣлами христіанской системы.

Когда такимъ образомъ царство Гюриковичей, не подававшееся папѣ со временъ Владиміра Равноапостольнаго, испытало на себѣ могучее дѣйствіе латинской политики, когда оно, по программѣ Римской курии, было принижено къ землѣ передъ глазами всего свѣта, — католичество сдѣлало большіе успѣхи въ Задунайской Славяницѣ, и папа выигралъ во мнѣніи турецкихъ христіанъ на столько, на сколько потерялъ своего значенія царь, которому единодушный голосъ православнаго міра далъ знаменательный титулъ Восточнаго Царя. Албанія, ближайшая къ католическимъ берегамъ страна, сдѣлалась операціоннымъ базисомъ политической пропаганды въ извѣстномъ направленіи и первая заговорила о низверженіи турецкаго ига. Латинство такъ густо засѣло въ православномъ населеніи Албаніи, что въ числѣ воиновъ, готовыхъ ополчиться на Турокъ, однихъ католиковъ считалось въ этой странѣ 40,000. Отсюда агитація противъ господства мусульманъ перешла въ Сербію, Босну и Болгарію, такъ что въ 1595 году папскому кліенту Сигизмунду Баторію Семиградскому Дубровчанинъ Павелъ Джорджичъ представилъ Болгаръ и живущихъ среди нихъ Албанцевъ готовыми къ восстанію, лишь бы снабдили ихъ оружіемъ. Только двуличная, основанная на подкупѣ, политика нобилей св. Марка задержала движеніе революціи, подготовленной Римомъ на Балканскомъ полуостровѣ. Тѣмъ не менѣе искусно раздаваемая славянскимъ главарямъ деньги изъ сокровищницы св. Петра соединяли всѣ умы тою мыслью, что спасенія отъ агарянской неволи надобно ждать изъ Рима.

Этотъ поворотъ общественныхъ убѣжденій Задунайской Славяницы въ пользу католичества былъ уже самъ по себѣ торжествомъ латинства надъ православіемъ. Но мы видѣли на русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой, что Римскій папа, подобно Турецкому султану, не довольствовался однимъ отступничествомъ своихъ приверженцевъ: онъ устремлялъ ренегатовъ православія на то дѣло, котораго не въ силахъ были сдѣлать старые кліенты его; онъ Русскими людьми побивалъ русскую стойкость въ отеческихъ преданіяхъ и этимъ полагалъ вѣчную преграду къ воссоединенію совращенныхъ въ папизмъ членовъ православной церкви. Ту самую политику совращенія въ латинство и вѣчной разлуки съ отеческими преданіями мы видимъ и въ пропагандѣ папизма на Балканскомъ полуостровѣ. Когда въ ухахъ славянскихъ и греческихъ главарей было выработано убѣжденіе въ

возможности поколебать и даже уничтожить съ помощью Рима, могущество Турокъ, главнымъ дѣятелемъ католической политики среди Славянъ и Грековъ явился православный Болгарскій патріархъ Аѳанасій. Этотъ необыкновенный по своей дѣятельности чело-вѣкъ выступилъ на сцену въ 1596 году, именно вслѣдъ затѣмъ, какъ Южнорусская церковь подчинилась папѣ. По сказанію венеціанскаго адмирала, имѣвшаго съ Аѳанасіемъ свиданіа въ Алба-ніи, ему было тогда 36 лѣтъ; онъ имѣлъ пріятную наружность и от-личался столько же умомъ, сколько и скромностью. Семнадцать епи-скоповъ находились отъ него въ зависимости и относились къ нему съ большимъ уваженіемъ. Патріархъ Аѳанасій предпочиталъ сперва имѣть дѣло въ республикой св. Марка; наконецъ ея уклончивость заставила его перенести свои надежды на могущественнѣйшаго въ то время изъ католическихъ монарховъ, на короля Испанскаго. Все-таки еще и въ 1602 году Албанцы предлагали въ распоряженіе Ве-неціи 100,000 отважныхъ воиновъ, на половину Сербовъ, съ надеж-дою на всеобщее возстаніе Задунайской Славянщины и съ готовностью идти на Царьградъ подъ знаменемъ св. Марка. Но Венеція прово-дила ихъ отсрочками и неопредѣленными обѣщаніями цѣлыхъ двѣ-надцать лѣтъ. Въ теченіе этого времени Болгарскій патріархъ не переставалъ работать надъ своимъ планомъ изгнанія Турокъ изъ Ев-ропы. Онъ обошелъ всю Сербію, Босну, Далмацію, Албанію, верхнюю и нижнюю Македонію, Грецію, Фракію, Болгарію, Архипелагъ, сло-вомъ—всю турецкія владѣнія въ Европѣ; и его вездѣ поражило то обстоятельство, что христіане составляютъ огромное большинство на-селенія, занимаютъ горные проходы, владѣютъ даже нѣкоторыми зам-ками; что турецкіе правители непослушны Портѣ; что повсюду цар-ствуютъ несправедливость, жестокость, грабежъ; что разбойники дѣ-лятся добычей съ властями и этою цѣною покупаютъ себѣ безнаказан-ность; наконецъ, что войско утратило привычку подчиненности, от-выкло отъ правильныхъ походовъ и если не грабитъ христіанъ, то занимается торговлей, а военную службу отбываетъ наемниками. Изу-чивъ Оттоманскую имперію этнографически и статистически, Аѳанасій организовалъ въ ней повсемѣстно возстаніе черезъ посредство своихъ архіепископовъ, епископовъ и священниковъ, которые на исповѣди подготавливали воинственныхъ людей къ святому дѣлу, обзывая ихъ клятвою къ молчанію. Необходимость обращать очистительное таин-ство вѣры для цѣлей политическихъ Аѳанасій объяснялъ тѣмъ, что иначе—Греки, Албанцы, Болгары и Валахи, будучи людьми честолю-

бывшими, гордыми и злостными, могли измѣнить общему предпріятію во всякое время и погубить одни другихъ своими усобицами; но по пріемамъ Болгарскаго патріарха нельзя не видѣть въ немъ питомца католическихъ прелатовъ, которые столь часто дозволяли себѣ pro bono publico жертвовать достоинствомъ своего сана и святостью религіи. Аванасій зналъ, что всѣ Славяне проникнуты одинаковою ненавистью къ Туркамъ, и не сомнѣвался, что подчиненные его патріархату Дукачины, Клементы и Пастровичане возстанутъ поголовно на первый призывъ къ войнѣ. Въ этихъ областяхъ было уже частное возстаніе; мѣстные жители изрубили въ куски всѣхъ водворенныхъ между ними Турокъ, и съ того времени Турки не покушались больше господствовать надъ ними. На островахъ Архипелага исчислено было Аванасіемъ 70,000 христіанъ, способныхъ къ войнѣ. Большую часть этихъ острововъ посѣтилъ Аванасій лично, а на другіе посылалъ надежныхъ людей и уговорился съ мѣстными главарями. Островъ Митиленъ представлялъ ему наилучшій операціонный базисъ для овладѣнія Царьградомъ. Находясь въ 80 миляхъ отъ столицы и имѣя въ окружности 360 миль, этотъ плодородный островъ заключалъ въ себѣ обширный портъ, не защищенный турецкими укрѣпленіями и окруженный христіанскими селами. Овладѣвъ Митиленомъ, имѣющимъ всего одну полуразрушенную крѣпостцу, да еще двумя столь же удобными къ занятію и выгодными въ стратегическомъ отношеніи островами, Тенедосомъ и Милосомъ, и пользуясь венеціанскимъ островомъ Кандіей, готовымъ выставить 25,000 вооруженныхъ добровольцевъ, Болгарскій патріархъ не сомнѣвался, что весь Архипелагъ поднимается противъ Турокъ. Онъ выработалъ даже проектъ поджога Царьграда съ четырехъ, если не съ шести сторонъ, считывая на деревянные дома столичныхъ предмѣстій. Общее возстаніе христіанъ и пожаръ въ столицѣ, которымъ Аванасій предполагалъ управлять лично, должны были произвести напикъ подобную той, которая овладѣла было Турками въ 1571 году при вѣсти о Лепантскомъ погромѣ¹⁾, и возвратитъ оттоманскую столицу въ руки христіанъ, то-есть, латинцевъ.

Составивъ такой планъ дѣйствія, предприимчивый Болгаринъ напелъ чловѣка, довольно энергическаго и довольно сильнаго для его

¹⁾ Планъ болгарскаго патріарха извѣстенъ изъ его записки, поданной Неаполтанскому королю 1615 года и найденной В. В. Макушевымъ въ архивѣ города Палермо: *Real Segnetaria (Слав. Сборникъ, III, 20)*.

выполненіи, въ особѣ герцога д'Оссуна, неаполитанскаго вице-короля. Это была одна изъ тѣхъ личностей, которыя миряты историка съ классомъ людей, существующимъ какъ будто только для интригъ, пороковъ и преступленій. Опираясь на свои связи при дворѣ Филиппа III, герцогъ д'Оссуна распоряжался королевствомъ Обѣихъ Сицилій самовластно, но диктатуру свою направлялъ противъ сильныхъ и богатыхъ злодѣевъ, противъ разбойниковъ и корсаровъ на пользу торговли, промышленности и народнаго благосостоянія. Увеличенный имъ флотъ возмѣлялъ такое превосходство надъ флотомъ турецкимъ, что онъ и безъ патріарха Аванасія чертилъ уже планы завоеванія нѣкоторыхъ турецкихъ областей. Майноты, обитатели гористой оконечности Морен, вооруженные герцогомъ д'Оссуна, помогали ему захватывать турецкіе корабли съ дорогими грузами. Планъ Аванасія окрылилъ его предпримчивость. Даже случайныя неудачи въ походахъ на Турокъ способствовали воодушевленію талантливаго и славлюбиваго вице-короля. Въ 1619 году составилъ онъ лигу противъ Турціи изъ папы, великаго герцога Тосканскаго и Мальтійскихъ рыцарей. Война готова была получить значеніе, рѣшающее судьбу Востока. Но въ то время, когда героическія натуры стремились къ великому, люди низменные подкатывались подъ нихъ для удовлетворенія своего пустого честолюбія. Оглеветанный передъ королемъ, герцогъ д'Оссуна былъ арестованъ, отправленъ въ Испанію и умеръ отъ яду въ 1621 году, то-есть, какъ разъ въ то время, когда Османъ II своимъ гибельнымъ походомъ на Поляковъ представлялъ ему дорогой случай для овладѣнія Царьградомъ.

Такъ рушилось одно изъ самыхъ сложныхъ предпріятій западной политики, обнаруживъ въ ней недостатокъ былаго единства дѣйствій, надъ восстановленіемъ котораго трудился разсѣянный по всей Европѣ орденъ іезуитовъ.

II. Кулишъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МАРТЪ.

1878.

196
1878

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СХСѢІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1878.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

- Восточный вопрос и Задунайская славянина (Окончаніе) П. Кулиша.
- Марія Владиміровна и Магнусъ Датскій . . Д. Цветаева.
- Жизнь Патрика Гордона и его дневникъ.
(Продолженіе.) А. Г. Брикнера.
- Русско-византійскіе отрывки В. Г. Васильевскаго.
- Наша педагогическая литература Н. Колумбуса.
- Отчетъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ за 1877 годъ.
- Четвертый археологическій съѣздъ въ Казани (Окончаніе).
- О государственныхъ экзаменахъ въ Германіи и Австріи (Продолженіе.) А. И. Георгіевскаго.
- Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ И ПРИЛОЖЕНІЕ.

(См. на 3-й стр. обертки.)

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ И ЗАДУНАЙСКАЯ СЛАВЯНЩИНА

передъ глазами московскаго царя Михаила Ѳеодоровича. 1626 ¹⁾.

(Посвящается Ольгѣ Платоновнѣ М***.)

IX.

Между тѣмъ какъ подвластные Турціи христіане теряли вѣру въ могущество Московіи и въ стойкость православія, борющагося съ унией, сѣверная Славянщина продолжала древній свой споръ подъ знаменами русской народности съ одной стороны, и польской—съ другой. Въ то самое время, когда Болгарскій патріархъ Аванасій, воображая, что судьбы христіанства находятся въ рукахъ у Римскаго папы, готовъ былъ вѣрить ему не далекій уже, какъ ему казалось, отъ завоеванія Царьградъ, Московское царство, возставшее изъ своего упадка послѣднимъ напряженіемъ силъ своихъ, обновляло свое разшатанное строеніе съ быстротой непримѣрною и своимъ свѣжимъ дыханіемъ оживило дѣятельность русскаго элемента въ землѣ Владимира Мономаха. Возстановленіе православной митрополіи въ Кіевѣ было естественнымъ послѣдствіемъ возстановленія государственной силы въ Москвѣ, хотя отъ насъ и скрыты приготовительныя работы этого великаго дѣйствія. Скрыты отъ насъ и тѣ пути, которыми католическая политика овладѣла передовыми умами въ православномъ населеніи Турціи; но характеръ выслѣженныхъ исторіей явленій говорить о неизвѣстныхъ ей antecedентахъ. Православный Востокъ, подобно православному Сѣверу, въ своей исторической жизни, постоянно вырабатывалъ двѣ партіи: одна склоняла его къ уступкамъ преобладающей силѣ, какова бы ни была эта сила; другая крѣпко держа-

¹⁾ *Окончаніе.* См. февральскую книжку *Журн. Мин. Народн. Просв.* за текущій годъ.

лась предаціи церкви и народности въ самомъ бѣдственномъ, отчаянномъ, почти уже погибельномъ положеніи. Мы видимъ въ исторіи Сѣверной Руси дивное торжество этой партіи, постоянно животоврившей народъ свой. Исторія Южной Руси представляетъ намъ еще болѣе дивное зрѣлище. Уничужденные и ничего незначащіе въ политическомъ мірѣ, иноки Аѳонской горы и созданныхъ подъ ихъ вліяніемъ Кіевскихъ обителей положили преграду распространенію папизма, который на Западѣ былъ остановленъ только гибелью непобѣдимыхъ армій и тридцатилѣтними кровопролитіями отъ края до края европейскаго материка. Западные политики, способные провидѣть государственныя смуты еще въ правленіе богомольнаго сына Ивана Грознаго ¹⁾, предупреждать развитіе здоровой философіи посредствомъ іезуитской педагогикки и систематически развращать общество восточныхъ пуританъ продуктами псевдохристіанской культуры, не могло не предусматривать, что можетъ произойти въ расторгнутыхъ положеніяхъ русскаго міра отъ возгорѣвшейся искры народнои самобытности. Ихъ безпокойство о нашей отособленной будущности сказывается намъ въ историческихъ явленіяхъ, которые напоминаютъ намъ длинный рядъ попытокъ втянуть въ свою систему передовиковъ русской дѣятельности, начиная съ того важнаго момента, когда Кіевскій Владиміръ Святославичъ отвѣчалъ посланъ нѣмецкихъ католиковъ: „Идите обратно: отцы наши не принимали вѣры отъ папы“. Къ этому ряду не удававшихся, но съ удивительнымъ постоянствомъ возобновляемыхъ попытокъ мы причисляемъ и неизвѣстное доселѣ путешествіе Болгарскаго патріарха Аѳанасія въ Кіевъ и за Пороги съ цѣлью поднять воинственное населеніе Кіевской земли на войну съ Турками ²⁾. Аѳанасій могъ предпринять это путешествіе, какъ предста-

¹⁾ Англійскій посланникъ Флетчеръ, проведеній въ Москвѣ около полугода, въ 1588 году, по возвращеніи въ Лондонъ, подалъ англійскому министерству донесеніе, въ которомъ предсказываетъ будущія происшествія въ Россіи по смерти царя Федора Ивановича, на основаніи сдѣланныхъ имъ наблюденій.

²⁾ О дѣятельности Аѳанасія Болгарскаго за предѣлами Русской земли мы знаемъ изъ документальной статьи В. В. Макушева: «Восточный вопросъ въ XVI и XVII вѣкѣ» (*Слав. Сб.*, III). Со смертью герцога д'Оссунн профессоръ Макушевъ теряетъ Аѳанасія изъ виду. Но Аѳанасій является передъ нами въ перспектѣ, возникшей между московскимъ центральнымъ управленіемъ и его чиновниками на окраинахъ государства по поводу прѣзда въ Московское царство претендента на Цареградскій престолъ, Александра Ахіи. (Она напечатана въ I т. *Матеріаловъ для Исторіи Восточн. Руси*). На этой перспектѣ основано дальнѣйшее наше повѣствованіе.

витель православныхъ подданныхъ Турецкаго султана, обратившихся къ братьямъ своимъ по вѣроисповѣданію съ мольбой о помощи. Но онъ слишкомъ долго былъ орудіемъ католическихъ видовъ на христіанскій Востокъ. Судя по приемамъ его дѣятельности, онъ, должно быть, получилъ воспитаніе не отъ афонскихъ, а отъ римскихъ богослововъ. Въ этихъ приемахъ онъ расходился, какъ и самыя латинцы, съ кievскими вождями православнаго движенія, которые вписывались въ церковныя братства съ готовностью „пролить и кровь свою“, которые постановили себѣ правиломъ „приготовлять самихъ себя и сердца народа къ святому мученичеству“, но никогда не являлись въ той роли, какую опредѣлили себѣ Аванасій Болгарскій. Ему цужно было только изгнать изъ Европы Турокъ, а передача Константинополя во власть латинцевъ не ужасала его, тогда какъ въ умахъ кievскихъ руководителей народной совѣсти торжество надъ Агарянами было неразлучно съ возстановленіемъ на берегахъ Восточнаго Босфора царства православнаго. Не будучи отступникомъ религіознымъ, Аванасій Болгарскій былъ тѣмъ не менѣе отступникомъ политическимъ. Спасая своихъ единовѣрцевъ отъ ига мусульманъ, онъ былъ готовъ подчинить ихъ испытанію уже въ XIII вѣкѣ господству палистовъ ¹⁾. Онъ домогался освобожденія православныхъ отъ деспотизма, который угнеталъ ихъ ради користи средствами обыкновенными, и подчинялъ тому деспотизму, который производилъ свои грабежи съ помощію инквизиціи.

Къ войнамъ, находившимся, какъ слышно было въ католическихъ совѣтахъ, въ распоряженіи православныхъ архіереевъ, вели Аванасія

¹⁾ Напоминимъ читателю, какими ужасами сопровождалось основаніе Латинской имперіи на берегахъ Босфора. Когда крестоносцы вломились въ Царьградъ, ничто не было ими пощажено, ни цѣломудріе, ни лѣта, ни святость церквей и гробницъ. Одна изъ войсковыхъ проститутокъ поучала съ каедръ св. Софіи. Нагруженные награбленною въ церквахъ добычею мулы оскверняли алтари текущею изъ ихъ ранъ кровью. Въ священныхъ сосудахъ крестоносцы варили свое любимое кушанье—позвоночныя части говядины съ бобами и лукомъ. Памятники, которыми Константинъ Великій и его преемники обогатили городъ, были разрушены или опустошены. Кромѣ драгоценныхъ камней, металловъ и тканей, крестоносцы жадно нажились на религіи, сопровождая грабежъ убійствами, и вскоре вся Западная Европа сдѣлалась рынкомъ продажи и перепродажи реликвій не только святыхъ, но и самого Іисуса Христа. Но всего позорнѣе для христіанства было то, что крестоносцы, окончивъ несмысленное разграбленіе и оскверненіе христіанскихъ церквей, правдновали въ завоеванномъ Царьградѣ паску съ самою церемониальною набожностью.

поборники распространившагося по южной Руси папизма, и именно тотъ домъ, который изъ мнимой опоры православія сдѣлался явнымъ редутомъ католичества, домъ князей Острожскихъ, былъ на Руси операционнымъ базисомъ таинственной дѣятельности Болгарскаго патріарха. Въ городѣ Острогѣ Аванасій нашелъ такой пріемъ, что, заблѣвъ на обратномъ пути, испустилъ тамъ духъ, напутствуемый въ вѣчную жизнь, конечно, отступниками православія. Его внезапная смерть покрыла непроницаемою доселѣ тайною бесѣды его съ Іовомъ Борецкимъ и товарищемъ Борецкаго по архіерейству, Іосифомъ Курцевичемъ, котораго впоследствии царь Михаилъ Ѳеодоровичъ перевелъ въ Московское государство на Суздальскую архіепископію. Знаемъ только, что Запорожское войско не отказалось воевать подъ знаменемъ, выставленнымъ Аванасіемъ Болгарскимъ, и не отвергло денегъ, которыя получены имъ для найма казаковъ, само собою разумѣется, не изъ тѣхъ рукъ, которыя нуждались въ оружіи для возстанія противъ Турокъ, а изъ тѣхъ, которыми зажигались инквизиціонныя костры.

Еслибы дѣятельность Болгарскаго патріарха въ Малороссіи была направлена только къ тому, чтобы турецкимъ христіанамъ возвратить ихъ независимость, еслибы католической политикѣ Запада не было дѣла до его путешествія въ „разсадникъ ядовитыхъ растений и пастбище драконовъ“, какъ называлась въ папскихъ буллахъ наша Кіевщина,—то она окончилась бы съ его смертію, какъ обыкновенно оканчиваются начинанія отдѣльныхъ лицъ или недолговѣчныхъ партій. Но глубокое и пространное море политической жизни народовъ появилось передъ нами еще одного пловца, столь же подозрительнаго по своимъ ресурсамъ и по своимъ тайнымъ связямъ, какъ и неутомимый Болгаринъ.

Нѣкто, выдававшій себя за сына султана Магомета III и титуловавшійся султаномъ Ахіей или Александромъ Оттоманусомъ, проживалъ въ 1615—1616 годахъ въ Парижѣ на счетъ князя Неверскаго Константина, происходившаго по женской линіи отъ Палеологовъ. Тотъ и другой были питомцами дворовъ, заинтригованныхъ турецкими дѣлами; тотъ и другой заявляли свое право на Цареградскій престолъ: Александръ Оттоманусъ—какъ наслѣдникъ мусульманъ завоевателей, крещенный въ православную вѣру, а князь Неверскій—какъ потомокъ низвергнутой ими православной династіи, обращенный въ католичество. Первый расчитывалъ на сочувствіе къ нему мѣстнаго христіанскаго населенія, второй—на помощь католическихъ государей. Они, такимъ образомъ, стремились каждый инымъ путемъ къ овладѣнію

однимъ и тѣмъ же престоломъ; и однакожь между ними, какъ видно, существовалъ какой-то компромисъ: потому что потомокъ Палеологовъ платилъ долги Александра Оттомануса и снабжалъ его агентовъ паспортами и рекомендательными письмами. Изслѣдованіе сношеній обоихъ этихъ интригановъ съ европейскими дворами по документамъ, хранящимся въ италіанскихъ архивахъ, должно еще рельефнѣе опредѣлить характеръ тогдашней политики католическихъ правительствъ. Покажѣсть мы имѣемъ только возможность показать, какъ отнеслась не образованная Россія къ европейскому проходимцу, пользовавшемуся довѣріемъ во Франціи, Савойѣ, Флоренціи, Римѣ, Венеціи, и безъ сомнѣнія, обработанному, для особенной цѣли, тѣми же искусниками, которые создали, въ предшествовавшемъ поколѣніи, сына Ивана Грознаго.

Дорога, которою невѣдомые намъ дѣятели или случайности привели Александра Оттомануса сперва въ Малороссію, а потомъ въ Россію, оправдываетъ крайнюю осторожность, съ какою отнеслось къ нему правительство царя Михаила Федоровича. Въ загадочныхъ поступкахъ этого проходимца, умѣвшаго держать себя вкрадчиво и въ толпѣ французскихъ, испанскихъ, австрійскихъ, италіанскихъ политиковъ, и въ кельѣ кіевскаго аскета, и среди запорожской вольницы, и въ бесѣдахъ съ довѣренными лицами Московскаго царя, болѣе нежели что-либо другое, обращаетъ на себя наше вниманіе то обстоятельство, что самозванецъ турецкій не могъ обойтись безъ казаковъ такъ точно, какъ всѣ волошскіе и московскіе самозванцы,—такъ точно, какъ и агентъ римской политики, Аванасій Болгарскій.

Нелюбовъ казаковъ къ письменамъ скрыла отъ насъ біографическій элементъ ихъ исторіи; но общій характеръ казацкой военно-промышленной жизни напоминаетъ нынѣшнихъ азіатскихъ іезидовъ, которые считаютъ себя въ правѣ дѣлать все, что осуждается законами божескими и человѣческими. Онъ говоритъ намъ ясно, что руководителями запорожской вольницы были люди, поссорившіеся съ родными, сосѣдами, властями, а иногда и съ цѣлымъ краемъ. Эти люди отвергались міра гражданственныихъ отношеній, устраивали себѣ въ днѣпровскихъ тущобахъ родъ своеобразнаго скита и предавались въ немъ, если можно такъ выразиться, хищному, кровавому, безпощадному иночеству. Общій характеръ дѣяній Запорожца своимъ широкимъ нигилизмомъ объясняетъ намъ еще одну черту днѣпровскаго казачества, доселѣ не замѣченную исторіей, именно:—что въ которую бы сторону эта орда ни направила путь свой, къ Солиману ли

Великолѣпному, или къ Ивану Грозному, къ Нѣмецкому ли императору, или къ Персидскому шаху,—всюду она шла вѣрною ногой, точно по своимъ роднымъ пустынямъ. Причиной этого непонятнаго въ мужицкомъ, какъ обыкновенно думаютъ, скопищѣ запорожской вольницы были, очевидно, ихъ разноплеменность и отсутствие въ ихъ средѣ единовѣрія. Недаромъ казаковъ называли весьма компетентные ихъ наблюдатели сбродомъ людей со всего свѣта. Недаромъ казаки съ одинаковою охотой нанимались воевать Нѣмцевъ и Русскихъ, Турокъ и православныхъ. Недаромъ сановники Московскаго царя говорили о нихъ, что это люди, не имѣющіе страха Божія, а сановники Польскаго короля твердили, что это народъ religionis nullius ¹⁾. Въ казацкую вольницу принимались безразлично пришельцы всевозможныхъ вѣроученій, не исключая ни жидовъ, ни мусульманъ. По духу полной терпимости и ничѣмъ не связанной вольности казацкой, запорожское войско состояло изъ представителей различныхъ религій, племенъ и состояній. Всѣ они относились одинаково къ покинутому ими обществу, какъ его отверженцы, и въ какую бы сторону ни направилъ Двѣпровская орда походъ свой, всюду вели ее на добычу туземные мстители. Мы знаемъ, что бѣжавшіе къ Татарамъ и Туркамъ польскіе шляхтичи дѣлались ихъ проводниками на грабежъ и опустошеніе родныхъ мѣстностей. То же самое побужденіе заставляло и бѣжавшихъ въ казацкія купы указывать своимъ хищнымъ товарищамъ путь въ тѣ страны, гдѣ эти бѣглецы страдали такъ или иначе отъ богатыхъ и сильныхъ, и гдѣ всѣ зажиточные жители съ ихъ обстановкою были имъ хорошо извѣстны. Кто больше представлялъ ручательствъ легкости и безнаказанности набѣга, тотъ и увлекалъ казацкое товарищество въ свою родную сторону на добычу. Лица, являвшіяся въ казацкой средѣ представителями православныхъ, католическихъ, протестантскихъ, магометанскихъ, языческихъ народовъ и инородцевъ, были своего рода нитями, протянутыми по различнымъ радіусамъ изъ притона крайней вольницы въ притоны всякаго рода деспотизма, которымъ управлялся тогда весь христіанскій и магометанскій міръ. Въ этомъ отношеніи Запорожье представляло въ тогдѣшнемъ челоуѣществѣ одну крайность, а римская курія—другую. Исторія московской самозванщины свидѣтельствуетъ, что если нужно было найти людей безнравственныхъ и безбожныхъ для того, чтобы за-

¹⁾ Отзывъ православнаго Адама Киселя въ оенціальному донесенію о переговорахъ съ казаками.

тѣять рѣзню и опустошеніе въ мирной странѣ во имя отчаяннаго обманщика, то за этимъ обращались или туда, гдѣ всего меньше, или туда, гдѣ всего больше говорили о нравственности и религіи. По совпаденію крайностей Запорожская Сѣчь и римскій конклавъ являлись недовѣдомыми, но заподозрѣнными исторіей дѣятелями одного и того же предпріятія, хотя паписты и казаки часто позорили другъ друга, одни—во имя своего наглаго присвоенія себѣ господства надъ человѣчествомъ, другіе—во имя дикаго отрицанія всякаго присуда, кромѣ своего казацкаго.

И для каждаго предпріятія, каково бы оно ни было, въ томъ числѣ и для войны за христіанскую вѣру, въ смѣшанной средѣ низовыхъ добычниковъ находились подходящія личности, понимавшія рыцарство и христіанство не лучше и не хуже воинственныхъ и христіолобивыхъ демагоговъ своего желѣзнаго вѣка. Но каково бы ни было предпріятіе, во всякомъ случаѣ дѣло, обсуждаемое въ маломъ кругу избранныхъ людей съ извѣстными прецедентами, рѣшалось окончательно бурными рядами неизменно мыслившаго большинства, а общая рѣшимость полудикой массы зависѣла, во первыхъ, отъ того, кто вышвался вести казаковъ на добычу, вторыхъ, обладалъ ли онъ достаточными средствами для запомогі казацкой голоты, и третьихъ, въ такой ли степени былъ безпомощенъ край, предназначенный для казацкихъ походовъ, чтобъ ожидаемая добыча досталась не слишкомъ дорогою цѣною. По своему разнообразному составу, по характеру отчужденія своего отъ гражданскихъ интересовъ христіанскаго общества, по отсутствію правилъ чести и долга, свойственныхъ корпораціямъ осѣдлымъ, запорожскіе казаки были именно такимъ гибдомъ, въ которое макиавеллевская и іезуитская политика могла класть свои змѣиные яйца. Змѣеныши, предназначенные отравить жизнь цѣлому народу, высиживались казаками весьма скоро и охранялись весьма усердно.

Такъ было и съ Ахіей, котораго нравственное зачатіе покрыто такою же неизвѣстностью, какъ и зачатіе высиженнаго казаками для Москвы самозванца. Когда это новое порожденіе темныхъ силъ появилось въ Малороссіи, днѣпровское казачество находилось въ періодѣ широкаго развитія своего губительнаго промысла. Пожива въ разоренной имъ православной Московіи растравила его еще больше, чѣмъ добычное гостеванье на Черномъ морѣ. Со временъ московской самозванщины число казакующихъ людей возросло ко временамъ Ахіи до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Этимъ людямъ, накопившимся

въ чужае товарищество большею частью путемъ дурнаго воспитанія, пьянаго разгула и мотовства, уличныхъ дракъ и всякаго рода преступленій, не было возврата къ мирнымъ занятіямъ. Волей и неволей они искали „казацкаго хлѣба“ тамъ, гдѣ государственное управленіе переходило въ безначаліе, гдѣ промыслы и торговля оставались беззащитными, гдѣ собственность и жизнь гражданина зависѣли отъ произвола вооруженнаго наѣздника. Такою страной была для казаковъ имперія Габсбурговъ. Эта несчастная имперія еще со временъ Рудольфа II представляла широкое поприще для добыванія казацкаго хлѣба. И преемникъ Рудольфа, императоръ Матеей, и преемникъ Матеея, императоръ Фердинандъ II, постоянно нуждались въ наемныхъ казакахъ; начатая же Фердинандомъ II въ 1618 году безконечная религіозная война дала въ его владѣніяхъ опустошительному казацкому элементу, такъ сказать, право гражданства среди безпомощныхъ сельскихъ общинъ и бюргерскихъ муниципій. Бѣдствія, испытанныя мирными жителями Австріи отъ казацкихъ разбоевъ, заставили ихъ подать императору коллективную просьбу, въ родѣ той, съ какою черноморское купечество по поводу казацкихъ набѣговъ обратилось къ султану въ 1616 году ¹⁾. Московія, Турція, Польша и Австрія поочередно давали казакамъ случаи зарабатывать ихъ добычный хлѣбъ. Мѣрой этихъ заработковъ, иначе—мѣрой умноженія казачества на счетъ одной или другой страны опредѣлялась государственная и общественная помощь каждой изъ нихъ. Въ эпоху слѣпаго фанатика папизма Фердинанда II, готоваго изъ преданности Риму превратить свою имперію въ безлюдную пустыню, Австрія для казаковъ была тѣмъ самымъ, чѣмъ была для нихъ Московія въ эпоху своихъ смуть, и казаки терзали Австрійскія владѣнія подъ тѣми самыми видами своими, подъ какими проторили широкіе татарскіе шляхи по беззащитнымъ областямъ православнаго царства. Впервыхъ, здѣсь были казаки лисовчики, называвшіеся такъ по имени шляхтича Лисовскаго, славнаго искусствомъ налетать на мирныя села и опустошать ихъ съ татарскою быстротою. Вовторыхъ, казаки днѣпровскіе, именовавшіеся въ послѣднее время казаками Сагайдачнаго, служили императору то отдѣльными дружинами, то въ составѣ казаковъ Лисовскаго, какъ отборные люди Запорожскаго войска. Далѣе, казаки донскіе, будучи участниками запорожскихъ набѣговъ съ незапамят-

¹⁾ Ист. Вост. Рус., II, 214. Просьба имперскихъ жителей напечатана въ *Theatrum Europaeum* подъ 1620 годомъ.

ныхъ времянь ¹⁾, находили вмѣстѣ съ днѣпровцами казацкій хлѣбъ и въ Нѣмецкой имперіи. Наконецъ, независимо отъ казаковъ наемныхъ, соотвѣтствовавшихъ польскимъ реестровикамъ, такъ-называемые охочіе казаки появлялись гайдамацкими купами, въ тысячу, въ двѣ, въ три, въ четыре тысячи человекъ, то въ одной, то въ другой изъ имперскихъ областей, смотря по ихъ беззащитности. Имѣя своими проводниками туземныхъ бѣглецовъ, казаки проникали всюду, гдѣ пахло поживою, грабили предмѣстья самой Вѣны, и не довольствуясь повсемѣстнымъ бѣгствомъ жителей изъ своихъ домовъ, выслѣживали ихъ въ болотахъ и заросляхъ для того, чтобы вырывать щипцами куски тѣла у своихъ жертвъ или прожигать беременнымъ женщинамъ пасквозъ животъ ²⁾. Эти „песлякашны“ злодѣйства въ коллективной жалобѣ имперцевъ приписываются безразлично всѣмъ казакамъ, которые, по словамъ документа, своимъ звѣрствомъ превосходили даже ужасныхъ Валлонцевъ, воспитавшихъ въ себѣ страсть къ пролитію человѣческой крови, служа то одному, то другому государю своимъ истребительнымъ ремесломъ. Какъ въ эпоху московскаго разоренія, такъ и въ моменты хаотическаго состоянія имперіи Фердинанда II, не было возможности знать ни принадлежности казаковъ къ той или другой бандѣ, ни численности самихъ бандъ. Мудрено было также отличить казаковъ служивыхъ отъ такъ-называемаго охотнаго казацкаго войска, и именно потому, что служилые сваливали

¹⁾ Въ 1626 году, со словъ запорожскаго полковника Шафрана записано въ Москвѣ: «А повелось де у нихъ то въ доискии казаки изстари, что межъ себя сходятца и живутъ вмѣстѣ въ однихъ куреняхъ» (Матер. для Ист. Возс. Руси, т. I, 230).

²⁾ Казацкая тиранія была необходимымъ условіемъ наѣзднической провессіи. Казаки не напрасно величались тѣмъ, что передъ ними дрожить весь свѣтъ, и даже въ украинскіе города вступали не иначе, какъ наводи страхъ на своихъ земляковъ. Бунтъ Желѣзняка и Гонты, по разказамъ очевидцевъ, характеризуетъ ихъ въ этомъ отношеніи. Гайдамаки, напримѣръ, въ Черкасахъ не позволяли даже смотрѣть на себя мирному жителю. «Такий бувъ народъ шаленый тми затязци, що оде іде по улиці та вбачить у дворі чоловіка, то выме пистолеть та й кричить: У хату, мурюю, ато запалю!» То чоловікъ схилитця та підъ повітку» (Зап. о Южн. Руси, I, 252). Слѣдующая сцена дневнаго грабежа, произведеннаго соратниками Желѣзняка въ домъ черкаскаго мѣщанина, показывааетъ наследственную казацкую практику запугивать мирныхъ жителей для облегченія себя дѣла. «Ажъ ось и йдутъ у хату два затязці, та одинъ на порозі зъ пистолета—бахъ! Памі митка такъ и затрусилась. А другий гайдымака каже: «О, иржиий сыну, злякавъ молодицю! А ну, кажуть, одчиняй, нѣне, комору»... (Тамъ же, 257).

свои грабежи на гайдацкія купы, а гайдамаки пользовались для своихъ переходовъ пребываніемъ въ Австріи казаковъ наемныхъ. Но вторгались ли казаки въ имперскія земли гайдацкимъ способомъ, или гнѣздились въ нихъ по праву своей службы, во всякомъ случаѣ они были настоящею отравою для мѣстной государственности и обществѣнности.

Нельзя сказать, чтобы правительство Фердинанда II не признавало страшнаго вреда, который терпѣли мирные жители отъ такихъ наемниковъ, какъ дикари Арденнскихъ лѣсовъ — Валлонцы и дикари днѣпровскихъ пустынь — запорожскіе казаки. Но въ наемныхъ варварахъ, безчувственныхъ къ человѣческимъ бѣдствіямъ, оно видѣло противоядіе распространявшемуся по Европѣ протестантизму. Излѣчить эту заразу католическаго міра было возможно, какъ это казалось, только огнемъ и желѣзомъ, и казаки были именно такимъ орудіемъ въ рукахъ энтузіастовъ истинной вѣры, въ какомъ нуждались религіозный фанатизмъ Фердинанда II. Конечно, при наймѣ казацкой орды, не принимались въ расчетъ бѣдствія мирныхъ жителей отъ волчьаго рысканья наемниковъ по беззащитнымъ убожищамъ земледѣлія, промысловъ, торговли, и не предвидѣлось, что эта орда привлечетъ по своимъ слѣдамъ хищниа орды казаковъ охочихъ. Не предвидѣлась также и невозможность уплачивать наемникамъ въ назначенные сроки жалованье. Но при тогдашнемъ, такъ — сказать хроническомъ разстройствѣ государственнаго хозяйства это случалось неизбежно; и служилые казаки, всякій разъ, когда не могли свалить свои разбои на казаковъ охочихъ, оправдывали себя недоплатою жалованья. Польша извѣстна намъ съ этой стороны ближе, а она была подобіемъ Австріи, быстро склонявшейся къ упадку со времепъ зловредныхъ для всей Европы подвиговъ Карла V. Въ Польшѣ жолнеры въ такіе моменты, когда казна находилась у нихъ въ неоплатномъ долгу, обыкновенно занимали по непріятельски цѣлмя области и неистовствовали въ нихъ до тѣхъ поръ, пока правительство не собирало столько денегъ, чтобы удовлетворить ихъ не выплаченнымъ жалованьемъ, или же — столько вооруженныхъ людей, чтобы ихъ разбить, разогнать, а предводителей разбоя переказнить публичными казнями. Такого сорта жолнеры, или лучше сказать, ихъ вожаки, проигравъ свою игру въ качествѣ короннаго войска, вступали обыкновенно въ казацкія купы, какъ бы онѣ ни назывались, какими бы именами онѣ ни гордились. противъ какой бы націи онѣ ни воевали, а не то — бѣжали къ мусульманамъ и нерѣдко дѣлались, въ качествѣ мурзъ и башей,

ужасомъ покинутого отечества. Такого сорта жолнеры наполняли казачкія купы лисовщиковъ, запорожцевъ, донцовъ, и имъ болѣе, нежели которой-либо изъ составныхъ частей казачества, надобно приписать общій характеръ этой разрушительной корпораціи. Христіаннѣйшій императоръ, получая отъ своихъ подданныхъ вопіющія прошенія, не зналъ, бывало, что дѣлать съ наемными людодѣдами по окончаніи одной кампаніи противъ еретиковъ до начала другой. Выпроводить ихъ за предѣлы имперіи было нельзя по той причинѣ, что на пустой имперской казнѣ числилась казацкая недоимка. Содержать ихъ, какъ постоянное войско, также было невозможно, потому что и самая война противъ богоненавистныхъ отрицателей палы пріостапавлялась вслѣдствіе истощенія денежныхъ ресурсовъ государства. Оставалось терпѣть казацкіе грабежи и разбои, совершавшіеся подъ предлогомъ взиманія съ жителей натурою того, чего казна была не въ состояніи платить деньгами.

Въ такомъ именно положеніи находился Фердинандъ II въ 1625 году. Его осаждали просьбами, недалекими отъ угрозъ, ротмистры казачковъ Лисовскаго, польскіе баниты, лишеныя чести за превышеніе всякой мѣры шляхетскаго своевольтва, между тѣмъ какъ ихъ банды повторыли надъ Моравіей такія дѣла, за которыя польскихъ жолнеровъ сажали на колъ и четвертовали. Въ то самое время, когда кровавый узелъ отношеній христіаннѣйшаго императора съ безчеловѣчнымъ казацкимъ скопищемъ затянулся, подобно узлу классическаго Гордія, появился уже не впервые при Вѣнскомъ дворѣ султанъ Ахія или Александръ Оттоманусъ и привезъ планъ поднятія Задунайской Славянищины и Греціи противъ Турокъ,—тотъ самый планъ, надъ которымъ работалъ въ пользу католиковъ Болгарскій патріархъ Аванасій. Появленію этого, давно ужъ извѣстнаго въ Европѣ, агитатора восточнаго вопроса обрадовались обѣ стороны, и въ особенности Фердинандъ II, которому представился весьма удобный случай освободиться отъ своихъ голодныхъ и необузданныхъ наемниковъ. Что касается до казачковъ Лисовскаго, то перспектива разоренія Турціи была для нихъ залогомъ будущности, которой угрожало возстановленіе въ имперіи Фердинанда нѣкотораго гражданскаго порядка. Для нихъ турецкій царевичъ Александръ Ахія былъ повтореніемъ Московскаго царевича Дмитрія. Они поняли другъ друга съ первыхъ словъ, и дѣло самозваннаго султанича сдѣлалось дѣломъ казацкимъ.

X.

Александръ Оттоманусъ отправился изъ Вѣны вмѣстѣ съ ротмистрами лисовчиковъ въ Моравію, для заключенія съ ними договора въ общемъ казацкомъ сборѣ. Но въ Моравіи между казаками, какъ это бывало у нихъ сплошь да рядомъ, сдѣлалась разнь. Такъ-называемые худшіе люди, соотвѣтствовавшіе украинскимъ казакамъ-нетягамъ, опасались идти съ Ахіей въ Болгарію и Сербію, чтобы не столкнуться на пути съ Татарами. Это, конечно, былъ только предлогъ къ несогласію съ людьми лучшими, съ которыми и здѣсь какъ въ Украинѣ, голота постоянно соперничала, называя ихъ вражьи дуками; но тѣмъ не менѣе нетяги-лисовчики уклонились отъ похода, оставили тайкомъ своихъ болѣе воинственныхъ товарищей и разбрелись по своимъ приставовищамъ. Только восемь тысячъ лучшихъ, хорошо вооруженныхъ лисовчиковъ пристали къ Ахіи. Но не они затруднялись вопросомъ: какъ пробраться на Балканскій полуостровъ? Надобно было миновать Венгрію, которую они опустошали отъ имени императора, а миновать Венгрію можно было не иначе, какъ обходямъ черезъ польскія владѣнія. Въ Польшу между тѣмъ запрещено было лисовчикамъ вступать подъ страхомъ казни. Здѣсь рыцари грабежа и разбоя были объявлены банитами; здѣсь каждый могъ убить лисовчика и овладѣть его имуществомъ безнаказанно.

Въ этомъ затруднительномъ положеніи помогло имъ то обстоятельство, что въ ихъ составѣ находились товарищи Запорожскаго войска. Одинъ изъ такихъ людей, принадлежавшихъ къ двумъ различнымъ вольницамъ, московскій эмигрантъ князь Иванъ Мосальскій, имѣлъ большія знакомства въ казацкой Украинѣ, куда судьба бросила его изъ-подъ Москвы послѣ разсѣянія тушинскаго скопища. Вмѣстѣ съ другими своими товарищами Запорожцами, Мосальскій заявилъ мысль, что Александръ Оттоманусъ, въ качествѣ православнаго царевича, можетъ рассчитывать на готовность Запорожскаго войска воевать съ Турками. „Хотя запорожцы и мужики, но они люди воинскіе, и нарядъ у нихъ есть, и за греческую вѣру стоятъ они крѣпко“. Такъ говорили аристократическіе представители Запорожья въ кругу шляхетныхъ ротмистровъ и привели свою рѣчь къ тому, что если только запорожскіе казаки, по найму турецкаго царевича, двинутся кошемъ въ походъ, тогда лисовчикамъ нечего будетъ бояться Польши: вмѣстѣ съ Запорожцами „пойдутъ они черезъ Польшу, не боясь никого“. Мысль эту одобрили всѣ лучшіе люди между ка-

заками Лисовскаго. Рѣшено было войти въ соглашеніе съ казаками Сагайдачнаго, именемъ котораго все еще продолжала называться днѣпровская вольница, и одно это рѣшеніе придало добычникамъ ту смѣлость, которая передъ всякимъ казацкимъ походомъ склоняла на ихъ сторону людей анархіи и приводила въ оцѣненіе людей порядка. Нѣсколько человекъ, не очень боявшихся баниціи, яко шляхтичи, принадлежавшіе къ обширной системѣ родства, значившей въ Польшѣ много, вызвались проводить Александра Оттомануса въ Кіевъ; другіе же отирались прямо на Запорожьѣ для расположенія товарищей днѣпровской вольницы въ пользу предпріятія.

Во главѣ первыхъ стоялъ нѣкто панъ Вонсовичъ. Въ сопровожденіи пятидесяти человекъ другихъ лисовчиковъ, онъ благополучно проѣхалъ къ Люблину, гдѣ у него былъ подгородный домъ. Тамъ странствующіе рыцари повторили среди сосѣдней шляхты исторію отцовъ своихъ съ царевичемъ Димитріемъ во имя царевича Александра. На пирушкахъ, затѣвасмыхъ веселымъ польскимъ обычаемъ въ честь дорогаго гостя, они указывали предпріимчивымъ людямъ новое поприще добычи, съ которою въ тотъ грубый вѣкъ соединялась и слава. Ахія былъ въ Польскомъ королевствѣ не впервые. Проходи школу придворныхъ интригъ въ Германіи, Франціи, Италиі, онъ познакомился съ Поляками, воспитывавшимися, для высшаго положенія въ обществѣ, обыкновенно за границею, и въ самомъ Краковѣ имѣлъ пріятелей, принадлежавшихъ къ вліятельнымъ членамъ польской аристократіи. Года два тому назадъ, онъ гостилъ въ древней столицѣ Польши, и какъ видно, уже съ того времени среди Поляковъ пущена была въ ходъ мысль о возмущеніи турецкихъ христіанъ во имя крещенаго султанича. Коронный маршалокъ Вольскій, лянцворунскій староста Жебридовскій и другіе знатные паны были не прочь заварить въ Турціи такую кашу, какую сошедшее со сцены поколѣніе расклебало пополамъ съ бѣдою въ Московіи. Даже королевичъ Владиславъ, съ которымъ Ахія познакомился при Вѣискомъ дворѣ, и приближенные къ Владиславу люди, которымъ самимъ суждено было, на верху своей знатности, сдѣлаться жертвами казацкихъ походовъ, были болѣе или менѣе расположены принять участіе въ затѣѣ новаго казацкаго царевича.

Нельзя не замѣтить родственности политическаго происхожденія между подставнымъ сыномъ Іоанна IV и подставнымъ сыномъ Магомета III. Извилистые пути, которыми лавировалъ Ахія по западной Европѣ, Польшѣ и Малороссіи, самую таинственностью своею наво-

дять на подозрѣніе, что дѣйствіями этого человека управляла Котерія, устроившая не менѣе таинственное появленіе и московскаго самозванца. Сквозь повѣствованіе самого Ахія о своихъ приключеніяхъ, оставшееся въ современныхъ письменахъ, виднѣется мѣстами общій широкій планъ дѣйствій, въ который самъ турецкій царевичъ входитъ какъ дѣятель второстепенный. Такими же второстепенными дѣятелями, подобными инструментамъ, нужнымъ на нѣкоторое время, явились и лисовчики, соединенные узами товарищества съ казаками днѣпровскими. Что касается собственно до днѣпровскаго казачества, то мужики-Запорожцы были всегда слѣпымъ орудіемъ пановъ-Запорожцевъ, такихъ, какимъ былъ въ настоящемъ случаѣ князь Мосальскій, лишь только эти паны раздобывали имъ на подъемъ денегъ и указывали въ перспективѣ похода неистощимую добычу. Перспективою повторенія надъ Турціей московскаго раззоренія вовлечены были въ католическую политику и тѣ казаки, которыхъ исторія знаетъ подъ именемъ Поляковъ, и тѣ, которымъ она до сихъ поръ приписываетъ защиту русскаго православія и русскои народности въ землѣ Владиміра Мономаха. Но дѣло тѣмъ не кончилось. Посредствомъ днѣпровскихъ казаковъ, какъ видно по всему, предполагалось втянуть въ турецкую войну всю Польшу, а посредствомъ донскихъ, находившихся въ тѣсномъ общеніи съ днѣпровскими, и самую Московію.

Въ эпоху царевича Александра Ахія, равно какъ и въ эпоху царевича Димитрія Ивановича, Польшу представляли люди, имѣвшіе общія шляхетскія права, но не имѣвшіе ничего общаго въ понятіяхъ о государственности. Какъ во время оно во главѣ честныхъ, мыслившихъ трезво людей стоялъ окатоличенный Русинъ Янъ Замоискій, такъ и теперь все честное и здравомыслящее группировалось вокругъ такого же Русина Конецпольскаго. Какъ двадцать лѣтъ назадъ, люди безъ правилъ и безъ общественныхъ заслугъ подымали все польское общество на войну, считавшуюся въ началѣ вѣроломствомъ, такъ, очевидно, рассчитывали и теперь дерзкимъ нарушеніемъ только что заключеннаго съ Турціей мира увлечь всю Польшу въ азартную игру, которая, можно сказать, не прерывалась въ политической жизни Поляковъ со временъ Болеславовыхъ. Между тѣмъ какъ Конецпольскіе, которыхъ въ польскомъ обществѣ было всегда мало, преслѣдовали цѣли государственной цѣлости и внутренняго благосостоянія, Вонсовичи, Вольскіе, Жебридовскіе, которыхъ въ немъ нарождалось безъ числа, дышали духомъ казачества, подобно Самуилу Зборовскому, и эти-то отчаянные згоисты служили пропагандѣ повторенія москов-

скою самозванщины на турецкой территоріи, будучи бессознательными орудіями людей, готовыхъ жертвовать цѣлыми народами и государствами для цѣлей католичества. Такимъ образомъ, помимо гражданъ своего отечества, занятыхъ приведеніемъ въ порядокъ общественныхъ и частныхъ дѣлъ своихъ, какіе-то злые духи, равнодушные къ благоденствію націй, возбуждали наѣздническія страсти на западѣ и на востокѣ Европы въ видахъ своей исключительной политики, политики ничѣмъ не ограниченнаго властвованія.

Если смотрѣть на турецкаго самозванца, какъ на воспроизведеніе московскаго, то его появленіе въ Кіевѣ и роль, которую онъ тамъ игралъ, нельзя считать импровизаціей самого пройдохи. Болгарскій патріархъ путешествовалъ въ Кіевѣ, за Пороги и обратно до города Острога не въ однопочку. Ему не суждено было вернуться въ невѣдомое для насъ гнѣздо римскихъ заговорщиковъ противъ христіанскаго міра; но спутники его, конечно, вернулись къ людямъ, съ которыми онъ выработалъ планъ овладѣнія Царьградомъ, или къ тѣмъ, отъ которыхъ получили ассигновку для найма Запорожцевъ. Всѣ данныя, необходимыя для Александра Ахіи въ Малороссіи, были, безъ сомнѣнія, собраны ими на мѣстѣ, и программа его поведенія въ Кіевѣ и за Порогами, вѣроятно, была начертана заблаговременно. Турецкою войной, какъ мы знаемъ, бредилъ московскій самозванецъ, сидя на престолѣ Ивана Грознаго; въ турецкую войну надобно было и теперь такъ или иначе впутать государство, надломленное недавно минувшими смутами. И вотъ московскій эмигрантъ, князь Мосальскій, человѣкъ православный, но связанный единствомъ личныхъ интересовъ съ католиками, приступилъ къ началу новаго акта политической игры, прерванной небольшимъ антрактомъ.

Въ октябрѣ 1624 года онъ появился съ своимъ турецкимъ султаничемъ въ столицѣ казацкой Украины — Кіевѣ. Казаки въ этомъ году нѣсколько разъ побывали на морѣ. Флотилія ихъ увеличилась до 150 челновъ, чего до сихъ поръ никогда не бывало. Они сражались однажды нѣсколько дней съ рядомъ противъ турецкихъ большихъ галеръ и малыхъ ушкановъ на Днѣпровомъ устьѣ, отбросили ихъ въ море и невозбранно проникли не только въ Босфоръ, но и въ Золотой Рогъ, гдѣ разграбили цареградское предмѣстье, называвшееся Новымъ Селомъ¹⁾. Успѣхи казацкаго гостеванья на морѣ благопріят-

¹⁾ Изъ письма Іова Ворецкаго къ Христофору Радивилу (Археогр. Сборн., VII, 82).

ствоваши видамъ Ахіи; но прежде чѣмъ войти съ казаками въ сношенія, надобно было заручиться благоволеніемъ Кіевского митрополита, который долженъ былъ помочь ему испросить у Московскаго царя денежное пособіе для войны съ невѣрными и расположить въ его пользу вождей Запорожскаго войска. Съ этою цѣлью князь Мосальскій побывалъ у Іова Борецкаго и тайно сообщилъ ему о необычайной судьбѣ турецкаго царевича, котораго мать, Гречанка Елена, будучи женою султана Магомета, исповѣдывала тайкомъ отъ него православную вѣру и вмѣстѣ съ своимъ отцомъ и малолѣтнимъ сыномъ Ахіей бѣжала изъ Малой Азіи въ Морею, а тамъ крестила султанича чрезъ Солунскаго митрополита и при его посредствѣ воспитала incognito въ правилахъ восточнаго вѣроисповѣданія.

Въ тѣ времена не только въ Греціи, но и въ самой Россіи обновилась память о пророчествѣ философа Леона, отца Константина Багрянороднаго, что во дни царя Михаила прійдетъ отъ сѣвера воинственный народъ и освободитъ Грековъ отъ ихъ завоевателей. На этомъ пророчествѣ, записанномъ въ книгѣ Патрасскаго епископа Меодія, люди мечтательные строили планы разрушенія Турецкой имперіи, а люди хитрые основывали надежду вовлечь Московію въ турецкую войну. Іовъ Борецкій, съ своими почитателями, принадлежалъ къ первымъ, Александръ Оттоманусъ съ своими соумышленниками—къ вторымъ. Изъ письменныхъ памятниковъ о его пребываніи въ Россіи намъ извѣстно, что пророчество о царѣ Михаилѣ носилъ онъ такъ-сказать за назухой и при удобномъ случаѣ казалъ его весьма кстати передъ Россійскими людьми. По всей вѣроятности, оно было пущено въ дѣло и передъ Кіевскимъ митрополитомъ, который не былъ чуждъ ни простодушной вѣры своего вѣка въ подобныя предсказанія, ни племенной мечтательности, выработавшейся на русскомъ югѣ особеннымъ теченіемъ общественной жизни. Въ тогдашней схоластически ученой средѣ Іовъ Борецкій былъ такой же простодушный монахъ, какъ и другіе монастырскіе добряки. Относительно практической оцѣнки людей и явленій онъ уступалъ многимъ, стоявшимъ ниже его по книжной образованности и энергій благочестія, въ томъ числѣ и такимъ политикамъ, какъ московскій эмигрантъ князь Мосальскій. Даже и послѣ разочарованія въ ученыхъ друзьяхъ своихъ, Смотрицкомъ и Саковичѣ, измѣнившихъ православію предательски, онъ все еще мѣрилъ человѣка кажущейся приверженности къ восточной церкви, не предполагая въ немъ двуличности. Бывалый и рѣчистый Мосальскій встрѣтилъ въ немъ глу-

бокое вниманіе къ своему повѣствованію о судьбѣ турецкаго царевича, чудесно уцѣлѣвшаго среди многочисленныхъ опасностей и по видимому, предопредѣленнаго свыше для спасенія православной церкви на Востокѣ.

Борецкій пожелалъ видѣть Александра Оттомануса, бесѣдовалъ съ нимъ по латыни, по эллипски, по гречески и призналъ въ этомъ проходимцѣ царственное происхождение по самой наружности его, въ которой многолѣтніе опыты жизни отразились, какъ ему казалось, глубокимъ смиреніемъ передъ таинственнымъ призваніемъ свыше. Александръ, проведя цѣлые годы безъ исповѣди и святаго причащенія, среди иновѣрныхъ народовъ, жаждалъ облегчить душу передъ столь достойнымъ исповѣдникомъ, какимъ былъ Кіевскій митрополитъ, и принять изъ его рукъ честное тѣло и честную кровь Христовы. Ничего не могло быть пріятнѣе для глубоко религіознаго Іова. Во время говѣнья incognito въ Михайловскомъ Золотоверхомъ монастырѣ и совершенія обрядовъ православной церкви, искусный въ лицедѣйствѣ Оттоманусъ продѣлалъ все, чѣмъ долженъ былъ удостоить своего исповѣдника въ царственномъ происхожденіи своемъ и въ христіанской рѣшимости пролить по крайней мѣрѣ кровь свою въ битвѣ съ невѣрными за святое православіе, если ему не суждено возстановить православную монархію на развалинахъ Оттоманской имперіи. Іовъ Борецкій заставилъ его произнести страшную, какъ судилъ онъ по себѣ, клятву передъ самымъ совершеніемъ св. таинства причащенія, и не сомнѣвался болѣе въ справедливости его повѣствованія о совершившемся надъ нимъ дивномъ промыслѣ Божиемъ. Борецкій вѣрилъ Александру Ахіѣ, что его мать бѣжала съ нимъ отъ своего мужа султана, боясь открытія исповѣдуемой ею въ тайнѣ христіанской вѣры. Онъ вѣрилъ, что вся католическая Европа съ радостью предоставила бы Александру Оттоманусу въ распоряженіе войска и флоты свои, еслибъ онъ только согласился на предложеніе папы — ввести латинскую вѣру въ возстановленную Греческую имперію. Онъ вѣрилъ, что Ахіа скитальческую жизнь со всѣми ея опасностями предпочелъ царскому сану, который могъ бы купить отступничествомъ. Въ ловкомъ самозванцѣ онъ видѣлъ христіанскаго героя, готоваго на мученичество, къ которому и самъ приготавливалъ сердца преданной православію паствы своей. Съ наивною радостью внималъ онъ красногубчивымъ разказамъ Ахіа о томъ, какъ убогія племена Задунайской Славянщины, ведущія независимую жизнь въ своихъ горахъ, провозгласили его своимъ царемъ, какъ онъ, на челѣ славянскихъ юнаковъ

и Грековъ, торжествовалъ надъ турецкимъ войскомъ цѣлые годы, какія массы смѣлаго и боеваго народа готовы встать на Турокъ, лишь только онъ появится среди нихъ съ казаками, и какія субсидіи обѣщаны ему Флорентинскимъ великимъ герцогомъ, на сестрѣ котораго онъ обѣщаль жениться по взятіи Царьграда, съ тѣмъ чтобъ она приняла православную вѣру. Все казалось возможнымъ для человѣка, который провелъ всю свою жизнь въ подвигахъ благочестія и созерцалъ миръ войны и политики съ монашеской точки зрѣнія. Борецкій принялъ Ахію на свое попеченіе, снабдилъ его рекомендательными письмами къ казацкимъ вождямъ и отправилъ съ опытнымъ проводникомъ въ низовья Днѣпра.

XI.

На Низу были уже приготовлены къ прибытію султана Ахію или Турецкаго царя, какъ начали величать Александра Оттомануса между собою казаки. Запорожскіе товарищи, промышлявшіе войною въ войскѣ лисовчиковъ, распустили благоприятную молву о немъ по всѣмъ городкамъ, гдѣ жили собственно такъ-называемые Московскими людьми Черкасы, подъ которыми разумѣлись, должно быть, люди осѣдлые и собственно такъ-называемые казаки или бездомные бурлаки. Самый крайній пунктъ тогдашней городской или заселенной Украины былъ приднѣпровскій городокъ Крыловъ. Въ этомъ городкѣ одинъ изъ казацкихъ вождей, по имени Чепракъ, принялъ странствующаго Турецкаго царя съ подобающею честью и пригласилъ для переговоровъ съ нимъ изъ Переяслава казацкихъ старшинъ Чечугу, Ксенжу, Бириляша. Запорожскіе казаки, находившіеся въ войскѣ лисовчиковъ, свидѣтельствовали въ казацкой радѣ, что видали Александра Оттомануса въ Нѣмецкой землѣ и знаютъ, что онъ дѣйствительно законный наслѣдникъ покойнаго султана Магомета. Такимъ образомъ турецкій самозванецъ очутился среди днѣпровскихъ казаковъ какъ бы дома. Безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій онъ признанъ былъ тѣмъ, за кого себя выдавалъ, и ему стали оказывать царскія почести.

Предложеніе идти съ нимъ въ его земли и воевать невѣрныхъ басурманъ казаки приняли съ радостью. Начался торгъ относительно жалованья. Запорожцы не могли не знать отъ своихъ товарищей-лисовчиковъ, что Ахію назначилъ лисовчикамъ по восьми ефимковъ жалованья въ мѣсяць, и однакожь согласились получать отъ него только по шести ефимковъ. Очевидно, они признавали себя низшею степенью казачества сравнительно съ казаками Лисовскаго, которые,

суда по князю Мосальскому, принимали въ свои куны только избранныхъ запорожскихъ товарищей.

Какъ разъ на ту пору, когда Ахін договаривался съ днѣпровскими казаками, появился за Порогами донской атаманъ Алексѣй, „молодецъ добръ“ (какъ сказано о немъ въ современной перепискѣ) съ тремя стами Донцовъ, только что вернувшихся изъ морскаго похода съ Запорожцами. Атаманъ Алексѣй и его казаки „дали слово свое на томъ“, чтобы служить Турецкому царю Александру „и били съ нимъ по рукамъ“. Оставалось только двинуть массу искателей боеваго счастья въ Задунайскую Славянщину. Закипѣла бы тогда работа ловли рыбы въ мутной водѣ. Днѣпровцы, подъ предводительствомъ Ахін, были бы за Дунаемъ представителями Польши, а Донцы—представителями Россіи. Ограженіе Османа II подъ Хотиномъ было разглашено польскими трубами по всей Европѣ, какъ „война, больше которой вѣкъ смертныхъ не видѣлъ, война, ужасающая числомъ войска и приготовленій, славная знаменитыми чудесами мужества, быстрыхъ дѣйствій и счастливаго окончанія, война, изумляющая вѣка и достойная того, чтобы въ отдаленнѣйшихъ концахъ земли, у самаго поздняго потомства, получала она мзду и заняла знаменитѣйшія перья“¹⁾. Только въ интимной перепискѣ сознавалась польская шляхта, что хлопья-казаки были розовымъ вѣнкомъ на головахъ хотинскихъ героев²⁾; но у запорожскихъ казаковъ были свои трубачи, которые, какъ очевидцы, распространяли казацкую славу „по всѣхъ украинцахъ“. Въ составъ запорожскаго войска были и Волохи, и Болгары, и сербскіе гайдуки, и греческіе майлоты. Они, по свойству вѣчно мѣнявшейся днѣпровской корпораціи, растеклись по всей Задунайской Славянщинѣ и своими эпическими преувеличеніями казацкихъ подвиговъ подъ Хотиномъ не уступали польско-латинской прессѣ. Появленіе чубатыхъ рыцарей среди подготовленныхъ латинцами къ возстанію Славянъ и Грековъ могло бы не только произвести множество революціонныхъ всплшекъ, но сдѣлаться началомъ и такихъ событій, какими ознаменовано смутное время Московскаго государства. Но появленіе вмѣстѣ съ „чупрунами Запорожцами“ донскихъ бородачей, этихъ лонгобардовъ приазовской Туреччины, значило бы въ Задунайской Славянщинѣ еще болѣе. Они разыграли бы роль московскаго знамени, выставленнаго среди раздраженныхъ турецкими

¹⁾ Изъ книги Якуба Собьскаго: *Commentarius Belli Chotinensis*.

²⁾ *Starozytnosci historyczne, przez Ambr. Grabowskiego, I, 107.*

грабежами христіанъ. Что касается до лисовчиковъ, представляющихся намъ дѣятелями колонизаціи и католичества въ кровавомъ спорѣ сѣверныхъ Славянъ между собою, то они большею частью были Люблинцы, Львовяне и другіе Русскіе люди, пристращавшіеся тогда вообще къ войнѣ больше коренныхъ Поляковъ, и заключали въ своемъ составѣ множество лютеранъ, кальвинистовъ, арианъ и такихъ спеціаллистовъ военнаго разбоя, которые по многу гѣтъ не ощущали потребности въ какомъ-либо общеніи съ духовными лицами, какъ служителями церкви и пропагаторами ея внушеній¹⁾; поэтому могли сражаться подъ какимъ угодно знаменемъ, и подобно Запорожцамъ, являться попеременно врагами то православныхъ, то католиковъ, то протестантовъ.

Все, по видимому, сладилось для вѣчной славы казацкаго имени и для гибели Турокъ. Запорожское войско обѣщало выступить въ походъ зимою, чтобы перейти черезъ рѣки, еще покрытыя льдомъ, а когда распутитъ, тогда казацкая флотилія съ остальными запорожскими молодцами приѣдетъ въ Болгарію Чернымъ моремъ и Дунаемъ. Но въ то время, когда злой геній Польши, изъ-подъ полы у Римскаго папы, поднималъ за Порогами губителей всякой культуры, погашая въ нихъ и послѣднюю искру здраваго смысла, покупаемаго на счетъ лепты св. Петра оковитю, — геній общественнаго благоденствія дѣлалъ послѣднія усилія спасти Рѣчь Посполитую отъ ея разбойнаго элемента, оградить миромъ юго-восточныя границы государства, превратить русскія окраины Польскаго королевства изъ неизмѣримыхъ пустынь въ нестоимую житницу Европы и вернуть шляхетскому народу то честное имя, которымъ онъ пользовался даже и въ Россіи до изобрѣтенія иезуитами московской самозванщины. Послѣдній благородной политики Яна Замойскаго и Станислава Жовковскаго, коронный гетманъ Конецпольскій, взялъ на себя задачу обращенія казачества изъ вредоносной въ полезную для государства силу, — задачу, выполнение которой спасло бы Рѣчь Посполитую отъ страшной руины, но которую было по силамъ выполнить только сосредоточенной въ царскомъ единовластїи Россіи. Во время казацкихъ сборовъ на Днѣпрѣ въ далекій путь подъ Балканы, въ Низовой Кошъ

¹⁾ Обращеніе подобнаго разновѣрія и совершеннаго забвенія о вѣрѣ представляло кварцное войско, квартировавшее въ Кіевѣ въ 1635 году (Матер. для Ист. Возс. Р., т. I, 155).

неожиданно прибылъ королевскій дворанинъ Пачековскій и объявилъ, что Польша заключила съ Турціей вѣчный миръ, что въ немъ въ скоромъ времени будетъ коронный гетманъ, и они бы готовились въ сборъ для составленія новой переписи, по которой казаковъ должно ыть, согласно закону, только шесть тысячъ, а остальныхъ они должны сами изъ казацкаго реестра выписать. „Если же вы“, говорилъ Пачековскій, — „пойдете полемъ и моремъ на Турецкаго султана или на Крымскаго хана, или не захотите сами выписываться, въ такомъ случаѣ коронному гетману повелѣно отъ короля всѣхъ васъ побить и полѣнить“.

Услышавъ такую угрозу, казаки сильно встревожились. Они давно ждали отъ Концепольскаго расправы за свои буйства въ королевскихъ городахъ и папскихъ имѣніяхъ и кары за походы на Черное море, за накликанье на Польшу турецкой войны, но никакъ не думали, что коронный гетманъ станетъ ихъ такъ строго и такъ рѣшительно реестровать. Увеличивая число свое всевозможными пришельцами подъ шумъ такихъ событій, какъ московская и турецкая войны, казаки считали своимъ неотъемлемымъ правомъ то, что было только попущеніемъ со стороны сбываемаго съ пути папскими и клерикальными фикціями правительства. Они сознавали свои заслуги передъ королемъ и Рѣчью Посполитою, и цѣня по казацки военные свои подвиги, забывали тотъ вредъ, который терпѣло отъ нихъ торговое, промышленное и земледѣльческое общество. Пошумѣвъ на своей радѣ въ видѣ совѣщанія, какъ имъ быть, казаки рѣшили было послать къ королю нѣсколько атамановъ съ просьбой—уважить ихъ войсковыя нужды, не посылать на нихъ короннаго войска, не вводить въ немъ правительственной регуляціи. Но Пачековскій сказалъ имъ напрямикъ, что это ни къ чему не послужитъ: королевскій универсалъ, полученный короннымъ гетманомъ, ни въ какомъ случаѣ отмѣненъ не будетъ.

Рѣшительный тонъ королевскаго посла смутилъ казаковъ окончательно. Зимній походъ не состоялся. Семейнымъ казакамъ было страшно оставить въ Украинѣ свои жилища, женъ и дѣтей безъ обороны. Но молодые, безсемейные люди, которыхъ въ казацкомъ войскѣ было всегда множество, и по имени которыхъ все днѣпровское казачество называлось запорожскими молодцами, не хотѣли звать никакихъ оглядокъ. Это были, такъ-сказать, студенты казачества; ихъ и называли въ современной перепискѣ *tirones*, въ смыслѣ учениковъ ратнаго дѣ-

ла ¹⁾. Они принадлежали часто къ панскимъ домамъ, но по духу оппозиціи грубому режиму тогдашней общественной и семейной жизни, братались на Запорожъ съ бездомными бурлаками и всесвѣтными бродягами, которымъ все было ни по чемъ, и которые, въ своей щербатой казацкой долѣ, утѣшали себя пословицею: „Чи вмрешъ, чи повиснешъ, разъ мати родила“. Не слушая никакихъ увѣщаній, эти двѣ части Запорожскаго войска, составлявшія въ немъ большинство, съ первою весеннею водою 1625 года пустились опять на море. Казаки „старые“, то-есть, давнишняго казацкаго происхожденія, люди сравнительно богатые и степенные, или какъ говорилось тогда, поважные, остались дома въ положеніи несчастной насѣдки, подъ которую были подсыпаны утиныя яйца. Но и эти больше показывали видъ, что встревожены своею молодостью и голотою. Въ тайнѣ они надѣялись, что своевольная часть войска привезетъ съ моря богатую добычу, и эта добыча дастъ Запорожскому войску возможность подняться на войну съ Поляками, какъ назывались у казаковъ владѣльцы вотчинныхъ имѣній и королевщинъ въ русскихъ провинціяхъ Польши, которымъ они не давали ни хозяйничать, ни обезпечить себя миромъ отъ турецко-татарскихъ вторженій.

Казаки, говоря о нихъ вообще, были всегда народъ, сравнительно съ панами и мѣщанами, убогій. Убожество, порожденное ихъ отчужденіемъ отъ людей такъ-называемыхъ статѣчныхъ, было постояннымъ возбужденіемъ ихъ дѣятельности; а безпріютность и беспорядочность ихъ быта не давали имъ возможности обезпечить себя на долго даже и такою поживою, какую находили они въ запасливой Московщинѣ. Ахія это зналъ и прежде всего постарался завѣсить имъ уши золотомъ, наговорить имъ о громадныхъ суммахъ, которыя будто бы Флорентинскій герцогъ прислалъ къ нему въ Краковъ, гдѣ онѣ хранятся у его пріятелей-пановъ до востребованія. Масса золота на храненіи у краковскихъ пановъ была то же самое, что кусокъ говядины на храненіи у голодныхъ собакъ. Такіе казаки, какъ Мосальскій, очень хорошо знали, состоя на службѣ у Фердинанда II, могъ ли его родственникъ, великій герцогъ Тосканскій, снабдить Ахію средствами для войны съ Турціею; но они имѣли въ виду грабежъ и скрывали отъ толпы безденежье Турецкаго царя. Имъ не впервые было предпринимать великія дѣла съ мизерными средствами. Они

¹⁾ Напримѣръ, въ одномъ изъ писемъ Іова Ворецкаго къ Христофору Радзивилу.

дѣйствовали по пословицѣ: „не на те казакъ пье, що е, а на те, що буде“. Ахія между тѣмъ вмѣсто Кракова, гдѣ всѣ паны сидѣли по уши въ долгахъ, какъ и самъ великій герцогъ Тосканскій, направилъ мысли свои на Москву, которая, въ противоположность Флоренціи, держалась правила: „не красна изба углами, красна пирогами“. Вернувшись въ городовую Украину и свидѣвшись въ Трахтомировскомъ монастырѣ съ Іовомъ Борецкимъ, онъ безъ труда склонилъ добродушнаго митрополита посодѣйствовать ему къ испрошенію у Московскаго царя помощи для войны съ Агарянами. Борецкій перевелъ съ греческаго составленную Ахіей записку и написалъ отъ себя письма къ царю и отцу его, Московскому патриарху Филарету Никитичу. Бумаги эти вмѣстѣ съ просительною грамотою самого „султана Ахія Оттомана, во святомъ крещеніи Александромъ нареченнаго“, были отправлены въ Москву съ Маркомъ Македоняниномъ да съ запорожскимъ казакомъ Иваномъ Мартыновичемъ, который, какъ видно, зналъ, какъ пройти безопасно до московскаго рубежа.

Но въ Москвѣ на Задунайскую Славянищину смотрѣли вовсе не съ той точки зрѣнія, съ какой выгодно было смотрѣть на нее съ береговъ Днѣпра, и самое спасеніе православныхъ жителей Турціи отъ власти невѣрныхъ представлялось тамъ иначе, чѣмъ въ стѣнахъ Трахтомировскаго монастыря. Увлеченіе блестящими мечтаніями, которымъ, очевидно, предался Іовъ Борецкій въ своемъ бѣдственномъ положеніи, было не свойственно московскому характеру. Только изъ уваженія къ Кіевскому митрополиту ходатайство его объ Александрѣ Ахія не было отклонено. На грамоту же его, представленную Маркомъ Македоняниномъ, бояре отвѣчали уклончиво и не удостоили ее отвѣтной царской грамоты, подъ тѣмъ предлогомъ, что она могла попасть въ руки польскихъ властей и повредить Александру въ его дѣлѣ. Допуская, однакожь, возможность переворота въ Турціи и не желая вооружить противъ Россіи днѣпровское казачество, московскіе дипломаты вручили посланцамъ Ахія на тысячу рублей соболей, лисицъ и золотыхъ бархатовъ.

Съ своей стороны Запорожское войско, предвидя бѣду отъ столкновения съ панскимъ правительствомъ, въ которомъ король и коронный гетманъ были только исполнительною властью, отправило, при посредствѣ того же Іова Борецкаго, посольство къ царю Михаилу Федоровичу, прося его взять всю Малороссію подъ свою крѣпкую руку, а они казаки готовы помогать ему въ этомъ дѣлѣ всѣми своими силами. Если жь этого сдѣлать нельзя, то умоляли, въ случаѣ

наступленія на нихъ „Поляковъ“, дозволить имъ перейти вмѣстѣ съ православными архіереями въ Московское государство. Это посольство было руководимо пріятелемъ Іова, епископомъ Исакіемъ Борисковичемъ, но имѣло успѣхъ не больше перваго. Государству Михаила Федоровича всего нужнѣе былъ отдыхъ отъ миновавшихъ войнъ, а принятіе казаковъ подъ царскую руку возобновило бы немедленно войну съ Польшею. Притомъ же казаки недавнимъ покаяніемъ своимъ передъ патриархомъ Теофаномъ не изгладили въ умахъ москвичей тѣхъ впечатлѣній, которыя оставили въ нихъ казацкія походы съ 1604 по 1618 годъ, и которыя слишкомъ краснорѣчиво оправдывали давнишнее понятіе московскихъ бояръ о необузданности и вѣроломствѣ чубатыхъ рыцарей. Все-таки и казацкому посольству, на всякій случай, данъ былъ отвѣтъ не отталкивающій. Заявленную ихъ речникомъ, епископомъ Исакіемъ, мысль о присоединеніи Малой Россіи къ Великой бояре въ принципѣ одобрили, но сказали, что она еще въ жителяхъ Малороссіи не достаточно утвердилась, и отложили дѣло на неопредѣленное время.

Такимъ образомъ царство, въ которое казаки еще недавно вторгались, помогая Польшѣ, отказалось отворить передъ ними ворота свои, когда Польша вздумала положить предѣлъ увеличенію казацкой силы на счетъ государственной. Напрасно казаки пытались уйдти подъ крѣпкую царскую руку отъ грозившаго имъ королевскаго меча. Надобно было встрѣтиться лицомъ къ лицу съ панами, которые долго собирались составить и наконецъ таки составили военную комиссію для разбора жалобъ, поступавшихъ къ правительству на казаковъ со всѣхъ сторонъ. Осѣдлыхъ казаковъ утѣшала еще надежда, что морской походъ принесетъ имъ средства для снабженія одеждою, съѣстными припасами, горѣлкой и оружіемъ украинской голоты, которая готова была идти—и хаживала—противъ панскихъ ополченій даже съ одними вѣями, если только было чѣмъ ее кормить и поить. Но въ этомъ году казакамъ не „пофортунило“, какъ въ прошломъ. Въ прошломъ году они проникли было въ Босфоръ, а изъ Босфора—въ Золотой Рогъ, мимо Ключа, мимо Черной Башни, мимо страшныхъ для всякаго другаго войска Стражницъ, въ Новое Село, и привезли домой богатую добычу ¹⁾. Теперь Турки разбили ихъ въ двухъ мѣстахъ, и вѣтромъ потопило 22 или 23 челна. Казацкіе тігопесъ вернулись въ Успеневъ день на Запорожьѣ, растерявъ по Черному

¹⁾ Археогр. Сб., VII, 82.

морю свои собственныя и взятыя на прокатъ байдаки или чайки, какъ называли они свои морскіе челны, погубивъ множество отважнаго народа, издержавшись попусту на „добычную дорогу“ и очутясь въ неоплатныхъ долгахъ у Армянъ и Жидовъ.

А между тѣмъ слухи о панскихъ сборахъ на военносудную комиссію приходили къ Запорожцамъ все въ болѣе и болѣе грозномъ видѣ. До сихъ поръ Запорожскіе казаки удерживали въ своихъ кошахъ и городкахъ именитаго гостя своего, въ надеждѣ запугать Конецпольскаго многочисленностью навербованной ими въ Украинѣ голоты. Теперь они должны были признаться передъ нимъ, что не ручаются въ казацкихъ жилищахъ за его безопасность. Они вручили ему проѣзжій листъ, заготовленный еще въ іюнѣ, когда безнадежность ихъ положенія смѣнялась надеждами, и отпустили въ Кіевъ, подъ охрану митрополита, самъ-пять.

Охранная грамота выдана была „вельможному его милости князю Александру, царю Турецкому“, отъ имени „Михайла Дорошенка (безъ всякаго титула) со всѣмъ войскомъ его королевской милости Запорожскимъ“. Въ ней атаманамъ и всѣмъ товарищамъ-казакамъ, гдѣ бы они ни проживали по городамъ и мѣстечкамъ, именемъ Запорожскаго войска, подъ лаской и сердитымъ караньемъ войсковымъ, повелѣвалось защищать его милость отъ всякаго насильства и самонадѣланной кривды со стороны польскихъ пановъ, и воздавать ему такую честь, какая подобаеть царскому сану. Грамота была подписана только войсковымъ писаремъ, съ приложеніемъ войсковой печати. Она, очевидно, представляла Запорожское войско въ томъ гегемоническомъ значеніи, коророе оно пыталось удержать за собою въ Украинѣ. Но вещи тамъ стояли иначе.

По выраженію современной переписки, Ахія прибѣжалъ къ митрополиту 17-го сентября. По его слѣдамъ гнались тревожныя для него вѣсти. Конецпольскій, пользуясь миромъ съ Турціей, энергически готовился къ борьбѣ съ Густавомъ-Адольфомъ, который, преобразовавъ шведскую армию въ пѣхотные полки, покорялъ въ сѣверо-западной Литвѣ городъ за городомъ и не взялъ Вильни только потому, что въ ней свирѣпствовало моровое повѣтріе. Въ 1625 году Конецпольскій собралъ такія силы изъ боевой шляхты, изъ панскихъ почтовъ и наемныхъ Нѣмцевъ, какихъ Поляки не могли выставить и подъ Хотиномъ въ 1621 году. Чтобъ обезпечить польскій юго-востокъ на время предстоящей кампаніи, необходимо было подавить казаковъ, этихъ чужездниковъ, которые если не терзали сосѣднихъ

народовъ, то вѣдались, какъ выражались паны, in vissega geirpubli-sae¹⁾. Для подавленія казаковъ двинуто было къ Днѣпру 30.000 войска, состоявшаго преимущественно изъ панскихъ надворныхъ хоругвей, и 3.000 нѣмецкой пѣхоты. Передъ Покровомъ Пресвятыя Богородицы коронный гетманъ былъ уже подъ Вѣлою Церковью. Расположась потомъ въ Каневѣ и Черкасахъ, жолнеры, какъ это записано Москвичами, — „побили многихъ казаковъ и разорили ихъ казацкія мѣста“. Отсюда приготовленное для похода на Шведовъ войско направилось внизъ по Днѣпру и стало „обозомъ“ въ десяти верстахъ ниже Крылова, разграбивъ и сжегши этотъ казацкій городокъ. Таковъ была и такова только и могла быть въ Польшѣ военносудная коммиссія. Свобода, преобладавшая въ этомъ оригинальномъ государствѣ надъ всѣми иными элементами гражданственной жизни, давала возможность каждому своевольному сборищу развиваться невозбранно до тѣхъ поръ, пока наконецъ оно дѣлалось для государства невыносимымъ. Тогда правительство собирало всѣ наличныя средства свои и сильнымъ ударомъ истребляло вкоренившееся отъ панской беззаботности зло. Такъ поступали Поляки со всѣми вредными конфедераціями своими; такъ поступали они и съ казаками.

Коронный гетманъ, окруженный представителями знатнѣйшихъ панскихъ домовъ, именно тѣми, которые владѣли родовыми имѣніями въ русскихъ провинціяхъ Польскаго государства, звалъ казаковъ передъ себя на Миновской судъ за все, что они сдѣлали противнаго интересамъ панской республики со смерти Сагайдачнаго. Другими словами: республика панская звала передъ своего диктатора республику казацкую. Или еще иначе: общество колонизаторовъ и сельскихъ хозяевъ „позывало“, съ оружіемъ въ рукахъ, общество воинственныхъ номадовъ и пиратовъ. Но всего вѣрнѣе опредѣлимъ характеръ военносудной польской коммисіи въ настоящемъ случаѣ, если скажемъ, что это была эконолическая травля волковъ посредствомъ голодныхъ, и какъ говорится по польски, заядлыхъ псовъ.

Передъ бѣгствомъ въ Кіевъ Ахія былъ свидѣтелемъ сильнаго колебанія между казаками, что имъ дѣлать, на что рѣшиться. Покориться велѣнію Польскаго короля, который, въ глазахъ казаковъ, былъ не что иное, какъ панскій попѣхачъ, это значило бы „топтать

¹⁾ Въ утробу Рѣчи Посполитой.

подъ ноги свою казацкую славу“, которую казаки „полемъ и моремъ у всего свѣта себѣ добыли“, и которою они дорожили такъ точно, какъ и воинственная шляхта—своею. Но биться съ Ляхами,—какъ съ ними биться? Бѣдность и недостатокъ въ предметахъ первой необходимости смѣняли въ казацкомъ обществѣ случайное изобиліе очень быстро. Теперь они были бѣдны, хотя не далѣе, какъ въ прошломъ году совершили три весьма удачные морскіе похода и вывезли изъ Золотого Рога богатую добычу. Но съ другой стороны, какъ не биться съ Ляхами, которые разорили уже многія казацкія жилища и для острастки низовыхъ буйтуровъ забрали въ ихъ верхнихъ городкахъ множество казацкихъ женъ и дѣтей? Если такъ-называемые старые казаки, люди сравнительно зажиточные и уживчивые, уступить коронному гетману въ возникшемъ спорѣ за свободу дѣйствій безъ боя, то по удаленіи Поляковъ и Ляховъ (такъ постоянно называются казацкіе враги въ современной московской перенискѣ), развѣ ихъ собственные дома и они сами останутся цѣлы, имѣя противъ себя громадное большинство казацкой голоты? Надобно биться (рѣшили между собою казацкіе дуки),—биться во чтò бы то ни стало,—биться хотя бы для того, чтобы коронное войско поуменило завзятости въ казацкой молодежи, въ этихъ студентахъ казачества, которые всему войску сообщали юношескую пылкость свою, въ этихъ „необачныхъ“ тігопез, которые, по словамъ одного изъ казацкихъ наблюдателей, печаливали всѣхъ „бачнѣйшихъ“¹⁾.

Отъ рѣшенія этого спора зависѣла теперь судьба Александра Оттомануса. Если восторжествуютъ казаки, панскія имѣнія будутъ ими ограблены, и казачество прійметъ размѣры громадные. Если же возьмутъ верхъ землевладѣльцы, тогда Запорожское войско войдетъ въ опредѣленные закономъ размѣры, и вербовка въ Украинѣ казакъ для похода въ Задунайскую Славяницу сдѣлается невозможною. Того мало,—самое пребываніе Ахія въ Кіевской землѣ будетъ рискованнымъ. Правительственныя власти знали уже, что казаки затѣяли обычную въ ихъ ремеслѣ самозванщину. Отъ Конецпольскаго получено въ Кіевѣ предписаніе сыскать Александра Ахію и доставить къ нему, а по дорогамъ, ведущимъ въ Молдавію и Германію, какъ было слышно, всюду разставлены имѣ рейтары, чтобъ изловить

¹⁾ Co wszystko (pisałъ Iowъ Ворецкій къ Христофору Радипилу о морскихъ походахъ 1624 года), za tą nieznoną swoją wolą, iako nas wszystkich bacznicyznychъ trapi...

казацкаго гостя. Дѣло въ томъ, что арестованіемъ Ахіа, кто бѣ онъ ни былъ, устранялось вторженіе казацкой вольницы въ турецкія владѣнія. Если же Ахіа въ самомъ дѣлѣ сынъ Магомета III и прямой наслѣдникъ Оттоманскаго престола, въ такомъ случаѣ имѣть его въ рукахъ—для Конецпольскаго значило много: Конецпольскій могъ бы тогда угрожать Туркамъ государственнымъ переворотомъ и требовать отъ нихъ какихъ угодно уступокъ. Все это хорошо понималъ Ахіа. Онъ вернулся въ Кіевъ также таинственно, какъ прибылъ сюда съ княземъ Мосальскимъ, и митрополитъ спряталъ его въ Золотоверхомъ монастырѣ архистратига Михаила подъ монашескою рясою. Борецкій видѣлъ въ царевичѣ Александрѣ представителя интересовъ православія на Востокѣ и считалъ долгомъ христіанина спасти его отъ рукъ латинцевъ.

XII.

Казакошляхетская война 1625 года была третьимъ междоусобіемъ Русской земли, подвластной Польскому государству. Подъ этимъ именемъ значится она и въ современной московской перепискѣ. Положеніе Іова Борецкаго, какъ предводителя православной оппозиціи папизму, искусно пропагандируемому королевскою партіей, было крайне затруднительно въ виду новаго казакошляхетскаго междоусобія, въ сравненіи съ которымъ два прежнія, при Косинскомъ и Наливайкѣ, казались только небольшими вспышками панскаго гнѣва и казацкой завзятости. Съ одной стороны, Борецкій былъ огорченъ увеличивавшимся съ каждымъ годомъ совращеніемъ русскаго дворянства въ католичество или же въ протестанство, и даже на тѣхъ пановъ, которые оставались еще въ православіи, смотрѣлъ съ негодованіемъ за ихъ безучастіе къ положенію возстановленной въ Кіевѣ митрополіи; но съ другой—не могъ онъ сочувствовать и той завзятости, съ которою казаки, друзья и родственники мѣщанъ, вступались иногда за неприкосновенность православныхъ церквей. Дѣйствуя въ этихъ случаяхъ обыкновенно спьяна и сопровождая свою грубую защиту православія грабежемъ и убійствами, казаки не приносили тѣснимою папистами церкви никакой пользы, и напротивъ, того давали королевской партіи предлогъ заподозривать русское духовенство въ кровавыхъ, несвойственныхъ ему агитаціяхъ. Въ этомъ отношеніи наступленіе польскаго войска на казаковъ сильно тревожило Борецкаго.

Имѣя передъ собою горизонтъ сравнительно широкій, не могъ онъ, подобно низшему духовенству, опасаться, что съ уменьшеніемъ

числа казаковъ „Поляки и Лахи стануть ломать христіанскую вѣру въ Кіевѣ“, то-есть, что монастыри и церкви отдадутъ они, по праву сильнаго, папистамъ. Борецкій зналъ, что паны-дизуниты и паны-диссиденты, какъ члены законодательной власти, не допустятъ королевскую партію до подобнаго самоуправства. Онъ зналъ и то, что коронное войско, предводимое Конецпольскимъ, исполняло только единогласное постановленіе земскихъ пословъ на сеймѣ. Онъ зналъ, что безъ панскихъ почтовъ коронное войско составляло лишь небольшой отрядъ войска и „могло называться скорѣе полкомъ, чѣмъ войскомъ“¹⁾; зналъ, что предводители панскихъ почтовъ принадлежали къ различнымъ противодѣйственнымъ вѣроисповѣданіямъ, и что самыя почты или надворныя панскія хоругви наберобавши почти исключительно въ русскихъ провинціяхъ Польши изъ людей православныхъ. Поэтому гласное народною молвою, подъ казацкимъ вліяніемъ, наступленіе короннаго войска на „христіанскую вѣру“, въ умѣ Борецкаго, дѣлалось еще невозможнѣе. Ему, сверхъ того, былъ извѣстенъ толерантный образъ мыслей Конецпольскаго, и притомъ Конецпольскій былъ первенствующимъ колонизаторомъ украинскихъ пустынь; а всѣ безъ исключенія колонизаторы пустынной Руси, въ закладываемыхъ ими осадахъ или слободахъ, прежде всего объявляли неприкосновенность православнаго исповѣданія, строили православныя церкви и старались расположить въ свою пользу приходскихъ священниковъ. На этомъ пунктѣ интересы украинскихъ землевладѣльцевъ, по большей части уже окатоличенныхъ, совпадали съ интересами православія. Паны были поставлены въ необходимость потакать мѣстному элементу въ его симпатіяхъ, склонностяхъ, обычаяхъ; и отсюда-то происходило развитіе въ Украинѣ свободныхъ отношеній низшихъ классовъ къ выснимъ, которыя поражали здѣсь заѣзжаго наблюдателя даже изъ такой мѣстности, какъ люблинская Холмщина.

Но зная, что предпринятый панами походъ на казаковъ отнюдь не угрожалъ цѣлости украинскихъ церквей и монастырей, зная, что онъ угомонитъ надолго казаковъ, не дававшихъ никому покоя въ Украинѣ, ни даже хозяйственнымъ чернецамъ,—Борецкій долженъ былъ помыслить съ горестью о панскомъ предпріятіи. Помимо „несноснаго своевольства“ необачной молодежи и голоты, казаки, въ цѣломъ своемъ, были въ глазахъ Борецкаго „преславнымъ войскомъ Запорожскимъ“, которое проливало кровь свою для спасенія рода хри-

¹⁾ Слова короннаго гетмана.

стіанскаго тому назадъ четыре года подъ Хотинѣмъ¹⁾. Наступившій по убіеніи Кунцевича, два года тому назадъ, терроръ со стороны фанатическихъ приверженцевъ королевской политики заставилъ его укрыться на нѣкоторое время „подъ крылѣ христіобоеаго воинства черкасскихъ молодцовъ“, какъ писалъ онъ въ прошломъ году къ Московскому царю²⁾. По памяти о Сагайдачномъ, котораго раскаянію онъ былъ обязанъ своимъ митрополичьимъ престоломъ, былъ онъ связанъ со многими приверженными къ Божію дому казацкими вождями. Не могъ онъ молиться о ниспосланіи побѣды тѣмъ, которые только что пали до нѣкотораго времени разсѣяннѣ волками-уніатами паству его, но сами отверглись вѣры отцовъ своихъ, если жъ и исповѣдывали еще ее устами, то сердцемъ далеко отстояли отъ нея. Такъ долженъ былъ чувствовать и мыслить Борецкій, который на Польскую державу смотрѣлъ не иначе, какъ на Божіе поущеніе надъ православными³⁾. Мысли его слишкомъ сильно были увлечены открывшеюся передъ нимъ перспективою грядущаго. Каковы бы ни были казаки по своимъ разбоямъ до появленія въ Кіевѣ Іерусалимскаго патріарха, но получивъ отъ него прощеніе въ слѣпѣмъ послѣдованіи иновѣрцамъ-Полякамъ, они искупили грѣхи свои головами и кровью на берегахъ Днѣстра. Господь раскаявшихся разбойниковъ благословилъ побѣдою надъ врагами христіанства, и нынѣ не онъ ли призываетъ ихъ къ новымъ очистительнымъ жертвамъ? Если казаки, избѣжавъ грозящей имъ вмѣстѣ съ царевичемъ Александромъ опасности, явятся за Дунаемъ воннами православія, если имъ суждено посадить поборника восточной церкви на престолѣ агарянскаго злочестія и безбожія,—развѣ не отпустятся имъ тогда всѣ грѣхи неразумія и слѣпоты ихъ, какъ отпущены были висѣвшему на крестѣ разбойнику? Не само ли Божественное Провидѣніе избрало отверженцевъ Русскихъ князей и пановъ, чтобы посрамить государственную мудрость надменныхъ и въ надменности своей совратившихся въ римскую и въ лютеранскую и въ кальвинскую и въ инныя ереси? Не повторится ли въ казакахъ и панахъ библейское сказаніе о Валаамовой ослицѣ, обличившей безуміе сѣдока своего? И не было ли варяжское

1) Совѣтованіе о Благочестіи.

2) Матер. для Ист. Вос. Р., т. I, 136.

3) «Понемѣ здѣ въ державѣ великаго короля Польскаго (писалъ Іовъ къ царю), государя Богомъ поущеннаго надъ нами, умножившейся злочестивой уніатской отъ апостатовъ церкви святого восточной ереси, иже поклонилась тому ему же никогда же отцы наши не покланялися», и т. д.

стремленіе древнихъ Русичей къ Царюграду прообразованіемъ христіанскаго похода потомковъ ихъ къ стѣнамъ агарянской столицы? Не есть ли царевичъ Александръ новый Олегъ или новый Святославъ Русичей православныхъ, и не наступило ли время исполненія пророчества премудраго отца Константина Вагрянороднаго?

Предаваясь религіознымъ помысламъ, подогрѣтымъ лѣтописными сказаніями, Борецкій хранилъ своего гостя, яко зѣнцу ока. Изъ-за него рисковалъ онъ самимъ собою, какъ человѣкъ, всегда готовый къ мученичеству за интересы православія. Съ своей стороны, облеченный въ одежду инока наслѣдникъ Цареградскаго престола умѣлъ держать себя съ такимъ тактомъ, что въ умѣ Кіевскаго митрополита не мелькнула и тѣнь сомнѣнія въ его царственномъ происхожденіи. Еще въ февралѣ писалъ онъ къ царю о султанѣ Ахіѣ, во святомъ крещеніи Александрѣ, что онъ, проведя пятьдесятъ дней въ совѣтованіи „съ благочестивымъ воинствомъ и ввземъ отъ нихъ обѣщаніе помощи, взыде въ Черкасы и пребываетъ во смиреніи глубоцѣ, чая весенняго пролѣтія, еже бы совокупити православную силу къ имени Христовѣ“. Глубокимъ смиреніемъ въ виду предстоящаго ему великаго подвига очаровалъ Ахіа набожнаго митрополита еще больше, чѣмъ своими разказами о томъ, какъ искушали его сперва Римскій папа съ своими кардиналами, а потомъ латинцы „кавалеріоны“, составившіе въ Ольмиуцѣ для похода въ Турцію громаднѣйшій капиталъ и предлагавшіе ему честь и богатство вмѣсто влачимои имъ ради святаго православія скитальческой жизни. Онъ безпрестанно повторялъ, что желаетъ по крайней мѣрѣ положить животъ свой за други своя, если ему не суждено сидѣть на престолѣ православныхъ императоровъ. О пребываніи своемъ въ Европѣ Ахіа говорилъ осторожно и совершенно умалчивалъ о близкихъ отношеніяхъ своихъ къ окатоличенному потомку Палеологовъ; напротивъ того, представлялъ его постояннымъ врагомъ, который обманомъ и прельщеніемъ подкапывается подъ его царскія права въ Задунайской Славянщинѣ. Такъ точно уклонялся онъ и отъ бесѣды о Болгарскомъ патріархѣ, котораго, безъ сомнѣнія, зналъ хорошо.

Между тѣмъ какъ уединенная келья Іова Борецкаго сдѣлалась виталищемъ лицемѣрія и политико-религіозныхъ мечтаній, Кіевъ наполнялся множествомъ пріѣзжаго народа. Ограбленные казаками Жиды, обиженные ими Армяне, шляхта, державшаяся вдали отъ казачества и потому раззоряемая своими казакующими, то-есть, промотавшимися собратьями, все это съѣхалось въ Кіевъ искать у членовъ военно-

судной комисіи вознагражденія за убытки и кары за убійства побои и другія обиды. Даже православные монастыри подавали на казаковъ жалобы за основанныя ими на монастырскихъ земляхъ хутора. Среди этого народа шныряли гетманскіе сыщики, развѣдывая, не въ Кіевѣ ли скрывается турецкій самозванецъ. На пріѣзжихъ Іовъ Борецкій не имѣлъ того вліянія, которому волею-неволею подчинялись мѣстные жители, зная приверженность къ нему Запорожскаго войска. Да и самое войско Запорожское потеряло теперь свое грозное значеніе съ прибытіемъ шляхетскихъ хоругвей и нѣмецкихъ ротъ, сопровождаемыхъ артиллеріей, какой не видали еще въ Кіевѣ. Митрополитъ сталъ чувствовать крайній рискъ, которому онъ подвергался, держа въ толпѣ послушниковъ челоуѣка, столь опаснаго для спокойствія Рѣчи Посполитой. Онъ отправилъ Ахію въ уединенную монастырскую слободку, подъ видомъ сборщика митрополичьихъ доходовъ съ крестьянъ, поселенныхъ на церковной землѣ. Слободка служила мѣстомъ воспитанія такъ-называемыхъ дѣтенышей или сиротъ, призрѣнныхъ милосердіемъ Іова и предназначенныхъ имъ для разныхъ духовныхъ должностей. Проживая среди этихъ дѣтенышей да темныхъ пахарей въ образѣ инока, искатель Цареградскаго престола со страхомъ и надеждою прислушивался къ вѣстямъ, которыя приходили съ низоваго Днѣпра, гдѣ на урочищѣ Медвѣжьи Лозы, у стараго городища Кременчука, рѣшался вопросъ о его царственности.

Онѣ были печальны, эти вѣсти. Чтò дѣлали казаки надъ шляхетскими имѣніями, то съ лихою выдѣлывала теперь шляхта надъ казачьими дворами. Вооруженная защита домашнихъ очаговъ и тѣхъ угодій, которыя казаки привыкли считать своими по праву свободного займа, поощряла еще больше жолнеровъ къ насиліямъ, оправдывая жестокости ихъ даже въ глазахъ умѣренныхъ и осторожныхъ предводителей. Наемные Нѣмцы не отставали отъ коронныхъ жолнеровъ и папскихъ затыжцевъ ¹⁾. Это были актеры безобразной драмы, которую мы называемъ Тридцатилѣтнею войною, и которая въ то время была въ самомъ разгарѣ. Служба на извѣстное число мѣсяцевъ подъ польскими знаменами была для нихъ только дивертисментомъ. Многіе изъ нихъ были свидѣтелями казацкихъ походовъ въ провинціяхъ Нѣмецкой имперіи. Хотя нѣмецкіе наемники не отличались и сами кроткимъ обращеніемъ съ мѣстными жителями, единоземцами

¹⁾ *Затяжи* говорилось тогда вмѣсто *навербовать*; отсюда *затыжцы*—навербованные. Иногда они называются въ современныхъ писемлахъ и *выбранцами*.

своими, но тѣмъ не менѣе считали теперь своимъ долгомъ отомстить варварамъ-казакамъ на ихъ родинѣ за злодѣйства, которыя они совершали вдоль всего австрійскаго Дуная. Вскорѣ въ уединенное убѣжище Турецкаго царя пришла вѣсть, что казаки жестоко побиты на Медвѣжьихъ Лозахъ и подчинились во всемъ волѣ побѣдителя. Осыпая казацкій таборъ картечью, допытывался, между прочимъ, у нихъ Конецпольскій и про „турецкаго господарчика“, какъ называли жолнеры Ахію. Но каждый самозванецъ былъ для казаковъ все равно, что курица, несущая золотыя яйца. Съ Ахіей содвинулись у нихъ слишкомъ блестящія надежды: онъ поведетъ ихъ въ самую глубь Туретчины, и Задунайскія земли, Черное море, цвѣтушіе берега Восфора возвратитъ имъ сторицею то, что потеряли они въ усобицѣ съ короннымъ войскомъ. На грозный вопросъ Конецпольскаго о господарчикѣ, казацкіе депутаты отвѣчали съ притворною простотой и искренностью: „Царикъ Ахія какъ пришелъ невѣдомо откуда, такъ и ушелъ невѣдомо куда. За Порогами таковъ обычай, что каждый можетъ прѣзжать и уѣзжать по своей волѣ“.

Вслѣдъ за печальными вѣстями о погромѣ казаковъ стали двигаться къ сѣверу отряды польскаго войска, направляясь къ Швеціи. Одинъ отрядъ прошелъ черезъ монастырскую слободку, и нѣкоторые жолнеры спрашивали у Александра Оттомануса, зачѣмъ онъ здѣсь? Александръ отвѣчалъ, что его прислалъ митрополитъ для сбора своихъ доходовъ, и жолнеры не догадались, что видятъ передъ собою того самаго господарчика, котораго такъ настойчиво домогались у казаковъ. Ахія пользовался подобными случаями, чтобы развѣдать о подробностяхъ шляхетскаго похода на казаковъ. Противъ 33.000 польскаго войска, казаковъ стояло до сорока тысячъ, но при всякой встрѣчѣ они обращались въ бѣгство, и наконецъ ихъ предводители, запертые въ тѣсномъ углу на Медвѣжьихъ Лозахъ съ своими „необачными“ и съ своими „гольтяцками“, выпросили пощаду, ваяясь въ ногахъ у побѣдителя. Всего тяжелѣе было для него узнать, что въ числѣ панскихъ почтовъ было много „платныхъ казаковъ“, которые сражались противъ своихъ братьевъ тѣмъ же порядкомъ, какъ ихъ отцы сражались противъ казаковъ Косинскаго вмѣстѣ съ драгунами и рейтарами князя Острожскаго. Раздѣленіе днѣпровскаго рыцарства на ся лишило Ахію и послѣдней надежды согласить его къ походу въ Турцію на переکورъ волѣ правительства. Преславное Запорожское войско превратилось въ толпу покорныхъ панскихъ слугъ. Казаки собственными руками сожгли свои челны, которые недавно наводили

ужась на турецкія флотиліи и красовались даже въ Золотомъ Рогѣ за грозною для Польши Черною Башнею, гдѣ около трехъ лѣтъ просидѣлъ узникомъ ихъ нынѣшній побѣдитель, Станиславъ Конецпольскій. Собственными руками вычеркнули казаки до сорока тысячъ своихъ сподвижниковъ изъ казацкаго реестра, и тотъ самый Михайло Дорошенко, который еще такъ недавно повелѣвалъ атаманамъ и всѣмъ товарищамъ-казакамъ, гдѣ бы они ни проживали по городамъ и мѣстечкамъ, защищать вельможнаго его милость князя Александра, царя Турецкаго, отъ всякаго насильства со стороны польскихъ пановъ,—этотъ самый Дорошенко, облеченный теперь властью старшаго, раздѣлжалъ по правой и лѣвой сторонѣ Днѣпра, повелѣвая всѣмъ выписчикамъ бросить военное ремесло, равнявшее ихъ съ господствующимъ классомъ, и взяться за торговлю, промыслы и земледѣліе, которые, по словамъ кобзарской думы, были казакамъ не честь и не подѣба.

Между тѣмъ поиски за господарчикомъ продолжались, и было кому искать его. Въ Украинѣ, для наблюденія за казаками, оставлена была Конецпольскимъ значительная часть войска, наготовленнаго для похода противъ Густава-Адольфа. Въ случаѣ, еслибы казаки не выписали изъ реестра всѣхъ мѣщанскихъ и другихъ гультаевъ, или вздумали „верстать добычную дорогу“, — надъ ихъ жилищами и семействами должна быть повторена огненная и кровавая экзекуція безъ всякой пощады. Очутясь въ положеніи крайне опасномъ, Ахія рвался въ Западную Европу; но по собраннымъ Ювомъ Борецкимъ свѣдѣніямъ, всѣ заставы были снабжены гетманскими фискалами. На турецкаго претендента вдоль южной и западной границы Кіевской земли устроены были родъ облавы, такъ что въ какомъ бы видѣ ни вздумалъ онъ пробраться къ своимъ, онъ сильно рисковалъ быть задержаннымъ. Тогда глухая молва, ходившая по Кіеву, что господарчикъ спрятанъ въ кельяхъ у митрополита, превратилась бы въ улику, и Борецкій долженъ былъ бы отвѣчать передъ королемъ и сенатомъ, какъ государственный злоумышленникъ. Ужъ и теперь носился слухъ, что онъ къ слѣдующему сейму будетъ вытребованъ въ Варшаву для допроса обо всемъ, къ чему онъ былъ прикосновенъ въ казацкихъ смутахъ.

Въ этой крайности Борецкій сталъ совѣтовать своему гостю отдаться подъ покровительство Московскаго царя и просить у него дозволенія переждать въ Московскомъ государствѣ до конца украинской усобицы. Ахія сперва ужасался этого шага. О Московскомъ царствѣ на-

слышался онъ отъ лисовчиковъ и другихъ иностранцевъ, что въѣхать въ него пожалуй легко, но выѣхать изъ него трудно. Да и вообще онъ былъ самаго невыгоднаго мнѣнія о московскихъ порядкахъ. Въ тѣ времена, да и гораздо прежде, можетъ быть, еще со временъ Іоанна III, въ Европѣ вкоренилось уже мнѣніе, которое въ 1659 году ученый Сербъ Крижаничъ приводитъ, какъ политическую ересь, распространенную Ляхами у всѣхъ европейскихъ народовъ,—что жить подъ русскимъ владычествомъ, значитъ жить въ ужаснѣйшей неволѣ, стѣсненіи и рабствѣ, которое горше турецкой тиранніи, горше фараоновой службы и египетской работы ¹⁾. Естественно, что питомецъ западной политики не могъ иначе думать о государствѣ, которое служило устоемъ всему восточному христіанству. Но Іовъ Борецкій, какъ человекъ, воспитанный въ духѣ смиренномудрія и христіанскаго самоотверженія для пользы общей, находилъ, что сравнительно съ другими государствами, Московское царство представляетъ успокоенное отъ волненія море. Московскаго царя называлъ онъ единственнымъ на всемъ свѣтѣ владыкой и блюстителемъ непорочнои вѣры Христовой, тогда какъ всѣ другіе государи хоть и называютъ себя христіанами, но далеко отъ истины отпали, сдѣлались горше океанскихъ Турокъ, гонителями православія, и напрасно было бѣ уповать на нихъ хри-

¹⁾ *Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс.*, 1877 г., кн. 3, смѣсь, стр. 115. Наме- нѣ извѣстный у насъ по русскому переводу наблюдатель древней Россіи, Флет- черъ, вывезъ изъ Москвы въ Англію такое заключеніе о правленіи при царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ: «Образъ правленія у нихъ весьма похожъ на турецкій, ко- торому они, по видимому, стараются подражать, сколько возможно по положенію своей страны и по мѣрѣ своихъ способностей въ дѣлахъ политическихъ. Прав- леніе у нихъ чисто тиранническое: всѣ его дѣйствія клонятся къ пользѣ и вы- годамъ одного царя, и сверхъ того, самымъ явнымъ и варварскимъ образомъ. Это видно изъ *orphismata* или тайнъ ихъ образа правленія, описанныхъ ниже, и угнетенія дворянства и простого народа, безъ всякаго притомъ соображенія ихъ различныхъ отношеній и степеней, равно какъ изъ податей и налоговъ, въ коихъ они не соблюдаютъ ни малѣйшей справедливости, не обращая никакого вниманія, какъ на высшее сословіе, такъ и на простолюдиновъ». Мы предста- вили этотъ судъ о Русскомъ царствѣ посла Елизаветы Англійской, какъ проти- воположность тому, что раскрываетъ намъ московская переписка по поводу по- явленія Ахія въ Малороссіи и въ Россіи. Никогда изданіе сочиненія Флет- чера въ русскомъ переводѣ (давно уже изготовленномъ въ Москвѣ знаменитымъ своимъ научнымъ подвижничествомъ О. М. Бодянскимъ) не было бы такъ кетати, какъ въ настоящее время, когда нарисованную имъ карикатуру русскихъ по- рядковъ продолжаютъ воспроизводить, съ тою же дипломатическою важностью, его соотечественники.

стіанамъ ¹⁾. Какъ самого царя, такъ и соцарствующаго ему отца его, Московскаго патріарха Филарета Никитича, Борецкій зналъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, зналъ ихъ искреннее, глубокое благочестіе, какъ людей, которые чувствовали на себѣ Божій персть, указавшій ихъ для умиротворенія и возстановленія Россіи. Борецкому хорошо была извѣстна ихъ милость ко всѣмъ гонимымъ и страдающимъ за православную вѣру, ихъ благоволеніе ко всѣмъ труждающимся на пользу церкви. Поэтому онъ совѣтовалъ Ахію ввѣриться имъ безъ малѣйшаго опасенія. Совершенною безопасностью его въ Московскомъ государствѣ бралъ онъ на свою душу и если не могъ удостовѣрить, что ему тамъ учинять помощь къ одолженію злочестивыхъ Агарянъ, то ручался за то, что онъ будетъ отпущенъ царемъ во свояси также, какъ и принять.

Видя совершенную невозможность пробраться изъ Кіевской земли въ Германію или хоть въ Молдавію, Александръ Оттоманусъ рѣшился доиграть до конца роль христіанской покорности судьбѣ своей, которая такъ нравилась въ немъ смиренномуудрому митрополиту. Теперь его свобода, жизнь, а можетъ быть, и успѣхъ его предпріятія зависѣли отъ того, чтобы не измѣнить себѣ за московскимъ рубежемъ ни въ словахъ, ни въ движеніяхъ. Съ новыми расчетами на удачу своего дѣла среди сѣверныхъ варваровъ Ахіа отдался теченію чуждой для него жизни.

Былъ у Іова Борецкаго въ числѣ такъ-называвшихся тогда бѣлыхъ поповъ надежный человекъ, отецъ Филиппъ. Борецкій выбралъ его изъ „простачковъ“ и воспиталъ при себѣ въ совершенной трезвости, которая въ тотъ вѣкъ даже между учеными монахами была

¹⁾ По Коричей книгѣ, эти мысли выразилъ Іерусалимскій патріархъ Теофанъ, во время пребыванія своего въ Москвѣ. Его ставленникъ Борецкій, естественно, думалъ съ нимъ одинаково. Вотъ подлинныя слова Коричей: «Видѣхъ на востоцѣ и на полудне отъ поганыхъ Агарянъ святымъ Божиимъ церквамъ запустѣніе и православнымъ христіаномъ святаго греческаго закона великое насиліе и погубленіе, и оутѣшенія ни откуда нѣсть, точію слухъ благочестиваго христіанскаго Русійскаго царя, яко же той единъ на вселеннѣй владыка и блюстителъ непорочныя вѣры Христовы. Прочіи же вси, аще и ѣзцы и именемъ христіане нарицахуся, но далече отъ истинны отпадоша, и горше окаянныхъ Турокъ въ православной вѣрѣ гонители быша, и никое же уюваніе тамо въ сущихъ странахъ. На иначе же во святомъ градѣ Іерусалимѣ — точію надеждою веселяхуся благочестивыхъ — — царей Русійскихъ — — яко на водахъ покойныхъ прохлаждаемп. — — Сподоби мя человеколюбивый Богъ достигнути царствующаго града Москвы и во приетанище невлаемо приити» (Изд. 1653 г., л. 26).

такую рѣдкостью, что въ интимной перепискѣ съ Христофоромъ Радвилломъ, Борецкій называлъ человека ученаго и трезваго *homo in mundo*, алмазомъ между камнями и золотомъ между металлами ¹⁾. Этотъ простачокъ ѣзжалъ у него и къ низовымъ казакамъ за сборомъ грошовыхъ подаваній, и въ Польшу для развѣдыванья, о чемъ совѣщались паны на сеймѣ, и въ Москву къ царю для испрошенія милости на церковное строеніе. Ему поручена была доставка царевича Александра въ Путивль. Кіевъ и Путивль были въ то время узлами торговаго тракта между Турціей, Крымомъ, Польшей и Московіей. Купцы чаще всего появлялись на этомъ трактѣ, меньше всего возбуждали подозрѣніе и въ нѣкоторомъ родѣ находились подъ покровительствомъ международнаго права. Отецъ Филиппъ преобразился въ купца и выѣхалъ съ Александромъ въ дорогу тайнымъ обычаемъ. Съ своей стороны Александръ перемѣнилъ монашескую рясу на польскій жупанъ и сдѣлалъ себѣ на головѣ хохоль, который былъ тогда отличительнымъ признакомъ Поляка ²⁾. Марко Македонянинъ и два Запорожца, составлявшіе его свиту, также были одѣты по польски. Двое митрополичьихъ слугъ, данныхъ въ провозатые отца Филиппу, носили обыкновенную въ южной Руси одежду. Обезпеченный такимъ образомъ, Турецкій царь благополучно прибылъ, 2-го декабря 1625 года, на Путивльскую заставу, къ Желѣзнымъ Кольцамъ, и по надлежащемъ опросѣ заставными головами, былъ пропущенъ на посадъ къ городу Путивлю подъ именемъ купецкаго человека Александра. На посадъ выѣхали къ нему пограничные путивльскіе воеводы, которыми тогда были Алексѣй Головинъ и Иванъ Есиповъ. Эти сановники разспросили пріѣзжихъ въ сѣзжей избѣ тайнымъ обычаемъ, безъ постороннихъ свидѣтелей, и узнавъ, что имѣютъ дѣло съ тѣмъ самымъ турскимъ царевичемъ Александромъ, котораго пословъ препровождали въ Москву тому назадъ около года, отправили къ царю ихъ распросныя рѣчи, прося государева указа, а по нынѣшнему—инструкціи, какъ поступить съ турскимъ царевичемъ.

¹⁾ Археогр. Сб., VII, 82.

²⁾ Чтобы сдѣлать хохоль, надобно было выстричь плотно, или по турецкой модѣ, выбрить голову вплоть до макушки, такъ чтобы оставшіеся на макушкѣ волосы казались шапочкой, надѣтою на голую голову. См. портретъ Станислава Конацпольскаго, приложенный при книгѣ: *Pamiętniki o Konięcpolskich, wydał Stan. Prsyelski. Lwow, 1842.*

XIII.

Самъ ли Ахія умудрился составить себѣ известное положеніе въ политическомъ мірѣ, или же какъ мы аналогически предполагаемъ, его создали и водили изъ края въ край тѣ люди, которыхъ слѣды заботливо спрятаны отъ потомства въ исторіи московскаго Лжедмитрія,—во всякомъ случаѣ интересно появленіе турецкаго самозванца въ томъ самомъ Путивлѣ, гдѣ память о самозванцѣ московскомъ была еще жива въ памяти людей, видавшихъ его собственными глазами. Самые воеводы путивльскіе, Головинъ и Есиповъ, могли быть участниками миновавшихъ событій самозванщины съ одной или съ другой стороны. Эти воеводы знали, что послы турецкаго царевича Александра были отпущены изъ Москвы честно, и потому обходились почтительно съ гостемъ своимъ, но тѣмъ не менѣе держали его вмѣстѣ съ его людьми, какъ говорилось тогда, въ великомъ береженьѣ, покакъсь прійдетъ изъ Москвы отвѣтъ на ихъ „отписку“.

Отписка пограничныхъ воеводъ о прибытіи въ Путивль наследника Царградскаго престола озаботила возобновителей Московскаго царства весьма серьезно. Этимъ обстоятельствомъ Россія относительно Турціи была теперь поставлена въ то самое положеніе, въ какомъ, двадцать лѣтъ назадъ, относительно ея самой стояла Польша. Русскіе были теперь „въ миру, въ дружбѣ и ссылкѣ“ съ Турецкимъ султаномъ такъ точно, какъ Поляки во время оно—съ Московскимъ царемъ. Сынъ Магомета III являлся теперь передъ ними такимъ соблазномъ къ нарушенію мира, какимъ тогда для Поляковъ былъ сынъ Іоанна IV. Разница была только въ томъ, что Поляки во имя Дмитрія вели тогда христіанъ на христіанъ и Русскихъ на Русскихъ, тогда какъ Москвитамъ предстояло теперь идти съ православнымъ воинствомъ для освобожденія православныхъ отъ агарянскаго ига и поражать враговъ св. креста. Разница была велика, и она усиливала вѣроятность, что московскіе политики, въ свою очередь, поступятъ съ обезпеченнымъ ими сосѣдомъ, какъ поступили съ Русскимъ царемъ во время—оно Поляки. Оправданіе государственной чести и народной совѣсти было у Русскихъ на лицо. То, что Поляки сдѣлали на переکورъ одному и другому чувству, отозвавшемуся устами лучшихъ членовъ панской республики, Русскіе, казалось бы, могли совершить доблестно, во славу своего царя и въ удовлетвореніе благой родной гордости своего народа. Но тутъ-то и выступило наружу ве-

ликое несходство внутренняго строенія, или какъ выражается наука, формациі двухъ половинъ Сѣверной Славяницы.

Члены Польской республики усвоили себѣ чувство патриотизма отъ того духовенства, которое для цѣлей своего конклава готово было жертвовать благоденствіемъ и даже существованіемъ цѣлыхъ народовъ ¹⁾. Члены Русской монархіи воспитали въ себѣ чувство народнаго самосохраненія при содѣйствіи духовенства, ограничивавшагося только христіанскими внушеніями полагать душу свою за други своя ²⁾. Отъ этого въ Польшѣ, наперекоръ оппозиціи лучшихъ людей, восторжествовало большинство тѣхъ, у которыхъ цѣль оправдывала средства, и которые личное обогащеніе и возвышеніе смѣшивали съ интересами общими: напротивъ того, у подавленныхъ царскимъ деспотизмомъ бояръ московскихъ и у хранителей народной совѣсти, которые давали свои отзывы по государственнымъ вопросамъ, по видимому, „безъ всякаго разсужденія, какъ бы затверженный урокъ“, ³⁾ далеко не такъ цинически выступаютъ на всенародное позорище придворныхъ партій, монастырскія факціи и разныя интриги эгоистовъ. Это были явленія исключительныя; въ общемъ теченіи русской жизни, при всей ея грубости, государственная честь и народная совѣсть покрывали козни и происки людей, желавшихъ торжествовать польскимъ обычаемъ надъ благотворною дѣятельностью лучшихъ представителей русскаго ума и чувства.

Что касается до царствованія перваго Романова, то со временъ

¹⁾ Вспомнимъ отвѣтъ Сигизмунда III депутату Виленскаго братства Древинскому, предсказывавшему гибель государства отъ религіозной нетерпимости. По взгляду воспитаннаго Римомъ Сигизмунда, лучше было погибнуть всему свѣту, нежели оставаться равнодушнымъ къ интересамъ католичества, и это мнѣніе находили чудовищнымъ весьма немногіе представители польской правительственной власти.

²⁾ Эту черту русскаго духовенства иноземные наблюдатели Московіи искажали въ своихъ запискахъ съ тѣмъ невѣжествомъ, которое заставляло Флетчера писать, будто бы у Русскихъ «нѣтъ ни исторіи, ни памятниковъ старины относительно происшествій, бывшихъ въ государствѣ по дѣламъ церковнымъ или общественнымъ». Роль патріарха и избраннаго духовенства на земскомъ соборѣ, противоположная тому, что дѣлалось на западѣ, представлена имъ кукольною комедіей. Онъ и не повѣрилъ бы, что въ осмѣянной имъ средѣ находится Гермогенъ и такіе люди, какъ Филаретъ Никитичъ, который изъ польскаго плѣна навозвращалъ въ Москву, чтобы ради него не дѣлали Полякамъ ни малѣйшей уступки.

³⁾ Слова Флетчера.

бѣгства нашихъ кievскихъ предковъ на Клязьму, никогда еще русскій умъ и русское чувство не были представляемы столь достойнымъ образомъ. Одно изъ убѣдительныхъ свидѣтельствъ нравственнаго здоровья тогдашняго правительства представляетъ намъ рѣшеніе государственнаго вопроса, возбужденнаго внезапнымъ появленіемъ въ Путивль турецкаго царевича. Когда вникнешь въ характеръ народнаго представительства, соединившагося вокругъ тогдашняго Русскаго царя, какъ вокругъ знамени, поднятаго противъ польскаго королевича Владислава, становится понятнымъ, какъ это представительство въ нисходящихъ поколѣніяхъ пережило тѣ разлагающія начала, которыми всегда сопровождаются попятія старыхъ цивилизацій объ уподобленіи себѣ цивилизацій новыхъ. Могучее и великое сравнительно близкаго къ намъ времени коренилось въ эпохѣ русскаго воскресенія, какъ подобало бы намъ звать эпоху царя Михаила Федоровича.

Бояре, собравшіеся, по царскому велѣнію, для обсужденія новаго для нихъ дѣла, прежде всего, какъ и слѣдовало, взглянули на него съ точки зрѣнія чисто политической, стали разсматривать его со стороны матеріальныхъ государственныхъ выгодъ. Принять Александра Ахія, кто бы онъ ни былъ, въ Московскомъ государствѣ, значило бы вооружить противъ себя Турецкаго султана, котораго предки издавна были, какъ и онъ самъ, „съ великими государями Московскими въ дружбѣ и въ ссылкѣ“. вмѣстѣ съ султаномъ поднимется на Россію и послушный ему Крымскій ханъ. Это была первая мысль, подвергнутая обсужденію московскаго государственнаго совѣта. Вторая мысль, заявленная вслѣдъ за нею какимъ-нибудь „опаснымъ“, какъ говорилось иногда, докладчикомъ въ родѣ думнаго дьяка, Ивана Курбатовича Грамотина, а можетъ быть, возбужденная и такимъ сметливымъ бояриномъ, какимъ, судя по комбинаціи казацкаго посольства съ пребываніемъ въ Москвѣ Теофана, является князь Борисъ Ивановичъ Черкасскій, забирала въ себя политическія обстоятельства пошире. Человѣкъ, называющій себя турецкимъ царевичемъ, находился мѣсяцевъ восемь или девять въ польскихъ владѣніяхъ. Онъ проживалъ у днѣпровскихъ казаковъ, а казаки—польскіе слуги, въ однихъ случаяхъ строптивые, въ другихъ угодливые. Хотя Поляки теперь и побили казаковъ, но „невѣдомо, какимъ умысломъ онъ убѣжалъ отъ нихъ“. Весьма возможно, что не кто другой, какъ Поляки же и подослали его, разумѣется, воспользовавшись монашескимъ простоудіемъ Іова Борецкаго, для замаскированія латинскаго дѣла передъ православными. Имъ лишь бы поссорить государя съ Турскимъ султаномъ: на

то они съ своимъ королемъ государю и всему Московскому государству не други; отъ нихъ надобно всего опасаться. Подославъ Ахію въ Путивль, Польскій король, чего добраго, тотчасъ пошлетъ къ султану гонца, объявляючи, что вотъ былъ у Запорожскихъ Черкасъ Турчанинъ, а называется царевичемъ магметъ-салтановымъ сыномъ, и онъ король, не желая быть съ Турскимъ салтаномъ въ нелюбь послалъ на него и на казаковъ рать свою, чтобъ его поймать, и казаковъ побилъ, и на море ходить имъ не велить; а самозванецъ де ушелъ въ Московское государство и нынѣ просить у государя помочи, и государь хочеть ему на Турскаго салтана помогать. Это какъ разъ подниметь Турокъ и Крымцевъ на войну съ Московскимъ государствомъ. Какъ быть въ такомъ случаѣ, если Александръ Ахія есть не что иное, какъ новое дѣтище польской зловредности?

Разсматривая дѣло съ этой стороны, нѣкоторые изъ членовъ Московскаго государственнаго совѣта естественно приходили къ заключенію, что всего проще пожертвовать подозрительною личностію для спокойствія государства, именно отправить называющаго себя Оттоманусомъ къ Турецкому султану и такимъ образомъ уничтожить предполагаемую въ этомъ дѣлѣ интригу злокозненныхъ латинцевъ. Людямъ, пострадавшимъ такъ много отъ ухищреній той темной силы, которая сказывалась во всей политикѣ Польши относительно Россіи, этимъ людямъ было свойственно впасть въ ту крайнюю подозрительность, которая такъ часто дѣлаеть вѣрную оцѣнку фактовъ невозможною. Но религіозность Москвы, заключающаяся, по видимому, только въ тупой обрядности, не позволяла ей отнестись къ личности Ахіи такъ механически *pro bono publico*, какъ это случалось безирестанно у народовъ, смѣнившихъ обрядное богослуженіе широкою проповѣдью ¹⁾.

¹⁾ Опять приходитъ намъ на мысль слова Флетчера, который долженъ занять почетное мѣсто въ ряду авторитетовъ, поучавшихъ верхушки просвѣщенной Россіи тому особеннаго рода варварству, которое ищетъ цѣнителей нашего былого у людей, меньше всего знакомыхъ съ истинною исторіей Россіи, до сихъ поръ еще погребенною во множествѣ невѣдомыхъ, не обнародованныхъ, пренебреженныхъ исторіографіей не осмысленныхъ критикою, или же позабытыхъ, памятниконъ. Вотъ отзывъ Флетчера о московскомъ духовенствѣ, скользящій по поверхности предмета: «Священники суть люди совершенно необразованные, что впрочемъ вовсе не удивительно, потому что сами поставляющіе ихъ епископы точно таковы же и не извлекаютъ никакой особенной пользы изъ какихъ бы то ни было свѣдѣній или изъ самаго Священнаго Писанія, кромѣ того, что читають и поють. Общая ихъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ отправлять литургію, совершать таинства по принятымъ у нихъ обрядамъ, хранить и украшать образа, наконецъ соблюдать все другіе обряды, принятыя ихъ церковію».

Всего лучше было бы (разсуждали царскіе бояре), принявъ Александра Ахію въ Московское государство, держать его подъ крѣпкою стражей и послать къ Турецкому салтану нарочна гонца, съ тѣмъ что вотъ былъ де въ литовской сторонѣ ихъ государства человекъ и называетъ себя турскаго Ахметъ-салтановымъ сыномъ, Александромъ Ахіей, и сказываетъ, что его лишили турецкаго престола неволей, и просилъ у Польскаго короля и у пановъ рады помочи, и Запорожскихъ Черкасъ подымалъ съ собою, чтобъ ему достигнуть турецкаго престола и быть въ Царѣгородѣ царемъ; и Польской де король и паны рода хотѣли ему въ томъ помочь учинить, и казаки запорожскіе хотѣли съ нимъ идти подъ Царѣгородъ, но межъ ними учинилась рознь; и тотъ человекъ пріѣхалъ къ государю бить челомъ, чтобъ государь велѣлъ учинить ему на Турскаго салтана помочь; но государь, памятуе прежнихъ государей Московскихъ съ Турскими салтанами дружбу и любовь и желая быть съ Мурадъ-салтаномъ въ дружбѣ и любви, тому вору не повѣрилъ, а хотеть его отдать Муратъ-салтану, а Муратъ бы салтанъ съ государемъ за то учинился въ вѣчномъ миру и въ докончанѣ, и Крымскому бѣ царю и калгѣ и всѣмъ Крымскимъ людямъ указъ учинилъ крѣпко, чтобъ они съ государемъ были въ дружбѣ и войною на Московское государство не ходили бы. Этимъ, конечно, можно бѣ упрочить миръ съ Турціей и Крымомъ (продолжали размышлять наши дипломаты XVII вѣка); но вѣдь миръ-то былъ бы купленъ дѣломъ нехристіанскимъ. Неизвѣстно еще, кто именно этотъ Александръ Ахія. Вѣсьма быть можетъ, что онъ такой же воръ, какъ и всѣ самозванцы: но что если онъ прямой Магметъ-салтановъ сынъ, крещенный въ христіанскую вѣру? Вѣдь праведные судьбы Божиіи никому недовѣдомы. Можетъ быть, Богъ избралъ его на то, чтобъ избавить Грековъ отъ турецкой неволи, и вотъ онъ былъ во многихъ государствахъ, и нигдѣ ему зла не учинили; напротивъ того, сказываетъ, что многіе христіанскіе государи хотятъ ему помогать; но лишь только обратился съ просьбой о такой же помощи къ царю, тутъ его и предали. Какъ бы такимъ поступкомъ не прогнѣвить Бога; какъ бы не огорчить Грековъ и всѣхъ, которые на него надѣются, и не причинить имъ послѣдняго разсоренья отъ Турскаго салтана; да и пограничные государи не упрекали бы Москвы, что она человека христіанина отдала въ азыческія руки.

Такова была мораль полудикой на взглядъ иностранныхъ наблюдателей націи. Политическіе интересы должны быть подчиняемы хри-

стіанскому ученію, котораго чистотою напрасно гордились такіе католики, какъ Посселинъ, и такіе протестанты, какъ Флетчеръ. По убѣжденію просторѣковатыхъ Москвичей, политика притворства, интриги, двоедушія и тѣмъ за временныя выгоды ведетъ къ вѣчной гибели. Истинно спасительною политикой признавалась ими политика правды. Положительно можно сказать, что ни объ англійскомъ самозванцѣ Варбекѣ, ни о московскомъ Лжедмитріѣ не рассуждали такъ въ свое время ни въ одномъ придворномъ кружкѣ на западѣ, какъ рассуждала теперь царская дума объ Александрѣ Ахіѣ. Къ этому надобно прибавить, что въ Англии и въ Испаніи большая часть пособниковъ Варбека, а въ Римѣ и Польшѣ большая часть покровителей Лжедмитрія были убѣждены въ ихъ самозванствѣ, и однакожь представители этихъ монархій предпочитали политическія выгоды истинѣ факта, о которой должна была имъ говорить воспитанная христіанствомъ совѣсть. Посмотримъ, какъ распорядилась на счетъ истины факта пренебрегаемая западною интеллигенціей Москва.

Послѣ многократно повторенныхъ совѣщаній царская дума постановила: прежде, чѣмъ прійти къ какимъ-либо заключеніямъ по возбужденнымъ вопросамъ, удостовѣриться: дѣйствительно ли называющійся Александромъ Ахіей человекъ, есть то лицо, за которое онъ выдаетъ себя. Для обследованія этого вопроса пограничный городъ Путивль признанъ былъ неудобнымъ. Хотя Головинъ и Есиповъ были не такіе люди, какъ прежніе путивльскіе воеводы, князь Иванъ Борятинскій да Никита Оладѣинъ, давшіеся въ обманъ посланцамъ Сагайдачнаго тому назадъ пять лѣтъ, но сѣверскіе казаки Московскаго государства и путивльскіе торговые люди находились въ постоянномъ общеніи съ украинопольскими людьми. Поляки, чего добраго, могли пронохать черезъ ихъ посредство, о пребываніи Ахіи за московскимъ рубежемъ и налгать въ Царѣгородѣ небывальщины. Москва также была неудобнымъ пунктомъ для содержанія турскаго царевича въ глубокомъ incognito. Посольскій дворъ въ Москвѣ, пожалуй, еще со временъ Ивана Грознаго приспособленъ былъ для государственныхъ надобностей такъ, что конюхи иноземныхъ пословъ не могли даже водить лошадей на водопой къ Москвѣ рѣкѣ¹⁾; но самый фактъ

¹⁾ Изданная въ 1843 году кн. Оболенскимъ и проф. Даниловичемъ «Книга посольская метрики великаго княжества Литовскаго» оставила позади себя такъ много, не заслуживавшаго въ ихъ время вниманія, что стоитъ ходить по слѣдамъ этихъ почтенныхъ жнецовъ на нивѣ русской исторической жизни и соби-

пробыванія сомнительнаго чловѣка въ Москвѣ противорѣчилъ бы политикѣ искренности, которой во всякомъ случаѣ намѣревалось держаться правительство царя Михаила Феодоровича и его отца, Московскаго патріарха. Притомъ же и достоинство московской царственности не дозволяло Богъ вѣсть кого принимать какъ именитаго гостя въ престольномъ градѣ Россійскаго государства. Было сообразнѣе съ цѣлью изслѣдованія правды и неопредѣленностью характера загадочной личности помѣстить его въ одномъ изъ городовъ Польскоѣй Украйны, какъ называлась тогда вся полоса тогдашней Россіи отъ слова поле, начиная отъ Тулы до литовскаго рубежа. Такимъ

рать оброченные ими колосыя. Напримѣръ, они не включили въ свое изданіе слѣдующей инструкціи Іоанну IV, данной приставѣ, встрѣтившимъ посольство Польскаго короля въ 1558 году, Андрею Щопотеву и Мисоѣду Власово:

«Береги того накрѣпко, чтобъ хъ посломъ на дворъ, опрѣчь приставовъ, дѣти боярскіе и боярскіе люди не ходили ниго никакимъ дѣломъ, и не говорилъ бы съ ними ниго ни о чемъ, и улицю бъ мимо пословъ дворовъ не ездилъ же ниго; а на Успенскомъ враге держати сторожа, чтобъ Успенскимъ врагомъ мимо пословъ дворъ не ездилъ же ниго... и одно конечно того береги накрепко, чтобъ дѣти боярскіе и боярскіе люди и торговые люди мимо пословъ дворъ не ходилъ ниго и на дворъ не входили, и не говорилъ бы съ пословыми людьми ниго. А которые дѣти боярскіе и конюхи и сторожи учнутъ съ Ондрѣемъ съ товарищы у пословъ вочевати и дневати, — и Ондрѣю съ товарищы тѣмъ всѣмъ приказати накрепко, чтобъ съ пословыми людьми не говорилъ ниго жъ; и береги того надъ ними накрепко, чтобъ они съ ними не говорили; а тѣхъ детей боярскихъ людей денщиковыхъ на дворъ на пословъ никакъ не пускати. — А лошади велѣти понти на послове хъ дворъ, а на реку понти не пускати. А нѣчто учнутъ говорить, что напередъ того лошади паввали на рекъ, а въ колодезяхъ вода дурна, и лошади не пьютъ, — і Ивану (Черемискину) и Ондрѣю и Мисоѣду говорити: Колодези добры, лутчи рѣчныя воды; а на передъ того паввали на рекъ, — и у водопои люди пословы въ здѣшнихъ людяхъ всегда бьютца и лошади теряютъ, и въ томъ посломъ бываетъ кручина великая; и государства приказные люди того для учинили во дворъ всякой довалъ, чтобъ бездѣльные ссоры въ людяхъ не было, а посломъ бы кручины не было; и вы понте на дворъ; а вода добра. А похотите понти на рекъ, и мы у васъ тое воли не отнимаемъ, и вы посылайте на реку, а мы съ вашими людьми учнемъ посылати на реку приставовъ, а безъ приставовъ бы не ѣздили. — И учнутъ понти на дворъ, — ино велми добро; а похотятъ понти на рекъ, — и отпускати ихъ на водопои всѣхъ вмѣсте, а посылати съ ними въ приставехъ детей боярскихъ добренскихъ по шти чловѣкъ, да дѣтей боярскихъ молодыхъ чловѣкъ по пятнатцати, и велѣти того береги накрепко, чтобъ съ пословыми людьми не говорилъ ниго. А пролубъ имъ велѣти учинити великую особную, да въ которую пору поятъ, — и хъ той пролуби не пропускати ниго, отсылати людей всѣхъ далече». (Гл. Арх. Мин. Ин. Д. Руконисъ посольскаго двора 1558—1560, № 5, л. 7—10.)

городомъ былъ лежавшій на перепутьѣ малолюдный Мценскъ на рѣкѣ Зушѣ. Какова была безопасность Польской Украины Московскаго государства послѣ многолѣтняго шлянѣ по ней иноземнаго сброду, видно изъ того, что приставъ, стрѣлецкій голова Данило Пузиковъ, которому повелѣно было проводить Ахію изъ Путивля во Мценскъ, нашелъ необходимымъ взять у путивльскихъ воеводъ 20 провожатыхъ, „для того, что отъ Путивля до Брянска и до Сѣвска дорога лежитъ у литовскаго рубежа“ такъ чтобъ ему „было съ иноземцы дорогою проѣхать здорово“, и только отъ Сѣвска до Мценска ѣхалъ онъ съ собственнымъ конвоемъ, состоявшимъ изъ десяти стрѣльцовъ. Хотя мы привыкли читать о плохомъ житіи служилыхъ московскихъ людей, однакожъ они содержались на счетъ казны щедрѣе, чѣмъ подобныя имъ люди гдѣ-либо въ современной Европѣ. Пузиковъ доносилъ въ Москву, что „питья изъ Путивля до Мценска взято у воеводъ съ кабака 4 ведра вина и 15 ведеръ меду; и медъ путивльскій до Мценска весь испелъ, а вина путивльскаго во Мценскѣ будетъ день на 5 или 6“. Подводъ подъ Александромъ и его людьми „по его запросу“ было 10 (хотя съ Ахіей были и свои лошади), „да кормовыхъ подъ питьемъ и подъ хлѣбнымъ и подъ мяснымъ запасомъ было 2 подводы“.

Во Мценскѣ, какъ во всѣхъ тогдашнихъ городахъ, находился острогъ, игравшій роль крѣпости, но это „тверженное мѣсто“ было обострожено такъ плохо, что и люди, и скотина ходили въ проломы, которыхъ не собралось еще задѣлать новое государственное хозяйство. Среди валяющагося отъ ветхости острога стояла такъ-называемая сѣзжая изба, состоявшая всего изъ одной комнаты. Въ ней были помещены турецкій царевичъ, бѣлый попъ Кіевскаго митрополита и пятеро ихъ провожатыхъ, всѣ вмѣстѣ: ¹⁾ такъ была проста и груба тогдашняя русская жизнь вдали отъ ея усовершенствованія, служившаго примѣромъ подражанія для всѣхъ, такъ-сказать, пригородовъ.

Хотя Мценскій замокъ меньше всего могъ служить ручательствомъ, что таинственный гость не будетъ имѣть сообщенія съ посторонними людьми, но за то сѣзжую избу сторожили присланные къ замку стрѣльцы съ величайшею бдительностью. Ни днемъ, ни ночью не спускали они глазъ не только съ иноземцевъ, но и съ ихъ лошадей и только дѣлали это такъ осторожно, что, казалось, будто шляются

¹⁾ «Самъ Александръ і попъ Филиппъ и люди ихъ спать всегда разбросався удоль», доносили царскіе люди изъ Мценска въ Москву, наказывавшую строго сторожить иноземцевъ.

по острогу безъ опредѣленной цѣли. Никому изъ Мценцевъ нельзя было ни перемолвиться словомъ съ пріѣзжими, ни передать имъ чтонибудь отъ нихъ.

XIV.

Пребываніе Ахіи во Мценскѣ представляетъ одинъ изъ множества случаевъ, доказывающихъ намъ горестную и вѣсть отрадную истину, что иное невѣжество лучше иного просвѣщенія. Здѣсь питомецъ католическихъ дворовъ, западныхъ политиковъ европейскаго рыцарства, достигшій сорокалѣтняго возраста въ совершенствованіи той трудной роли, которую выбралъ онъ себѣ на позорищѣ жизни, встрѣтился съ представителями того, что могла выработать русская жизнь безъ всякаго вмѣшательства школы, и можно сказать—безъ всякаго наслѣдія отъ той цивилизаціи, которая завѣщала Западу богатія свои развалины. Задачей цивилизованнаго пройдохи было обмануть грубыхъ варваровъ, задачей грубыхъ варваровъ было проникнуть въ сокровенныя души цивилизованнаго пройдохи. Москва чуяла, если не сознавала ясно, что западная политика направлена на ея народную самобытность, на ея свободу строить внутреннюю жизнь свою по собственному идеалу, который она выработала подъ вліяніемъ православія, и которымъ дорожила по инстинкту самосохраненія. На основаніи многолѣтняго опыта она предполагала возможность всяческихъ козней со стороны латинскаго и родственнаго латинцамъ Запада. Она естественно вооружалась всѣми средствами наслѣдственной недовѣрчивости своей. Но въ настоящемъ случаѣ способы, которыми она оборонялась, въ своихъ потемкахъ, отъ посягательствъ просвѣщенной политики, являются неожиданностью для тѣхъ, кто изучалъ русское былое сквозь медиумъ западной культуры, не предполагая въ ней нравственной несостоятельности—для тѣхъ, кто одностороннія заключенія иноземныхъ наблюдателей русскаго міра принималъ за историческія откровенія.

Лишь только Александръ Ахія прибылъ во Мценскъ, изъ Москвы были присланы къ нему два делегата царской думы: дворянинъ Дмитрій Васильевичъ Лодыгинъ да дьякъ Григорій Нечаевъ¹⁾. Они повели съ Александромъ Ахіей бесѣду вовсе не въ качествѣ царскихъ слѣдователей; напротивъ, ихъ вопросы имѣли характеръ дружескихъ разговоровъ между людьми, которыхъ дорожныя препятствія задержали на перепутьѣ въ маленькомъ городкѣ. По вѣшнему своему харак-

¹⁾ Отчество почтеннаго дьяка Нечаева нигдѣ въ перепискѣ не означено.

теру это были широкія разглагольствованія досужихъ путешественниковъ, коротающихъ свое время за кубкомъ меду и сытнымъ столомъ, по невозможности продолжать обычныя свои занятія. Невѣжество, постоянно приписываемое иностранцами тогдашнимъ Москвитчамъ, не помѣшало Лодыгину и Нечаеву быть начитанными не только въ Библии, но и въ лѣтописяхъ русскаго бытія съ древнѣйшихъ временъ. Они были хорошо знакомы и съ византійскими хронографами, и съ польскими хрониками. Они читывали и такія книги, какъ сочиненіе Патрасскаго епископа Меѳодія. Наконецъ, дьякъ Нечаевъ зналъ даже и греческій языкъ, что въ Москвѣ не было исключеніемъ, какъ это мы видѣли и изъ отзыва Іерусалимскаго патріарха Теофана. Бесѣды ихъ съ Ахіей были весьма искусно перемѣшаны съ предметами, далекими отъ того, что втайнѣ занимало обѣ стороны, очевидно— съ цѣлью усыпить осторожность испытуемой личности; но опытный въ своемъ дѣлѣ проходимецъ, платя имъ тою же монетою, взвѣшивалъ всѣ свои слова такъ строго, что царскіе слѣдователи, послѣ многочисленныхъ свиданій и по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ знакомства съ нимъ, остались все при тѣхъ же наблюденіяхъ, какія сдѣлали надъ нимъ въ первое время. „Въ словахъ опасенъ“, доносили они въ Москву. И однакожь, заводя рѣчь о томъ, что было уже нѣсколько разъ предметомъ ихъ любопытства, Лодыгинъ и Нечаевъ предлагали Александру Ахіѣ вопросы, изъ которыхъ видно, что они давно уже не вѣрили его царственности. Отъ времени до времени они возобновляли бесѣды и съ отцомъ Филиппомъ, котораго призывали къ себѣ всегда отдѣльно отъ Ахіи, и о которомъ Ахія отзывался съ пренебреженіемъ, какъ о человѣкѣ, неспособномъ понимать подобныя дѣла. Еще до пріѣзда во Мценскъ, на послѣднемъ стану, Ахія говорилъ приставу Пузикову, а приставъ тотчасъ отписалъ къ царю и его отцу патріарху: „Только де вы государи, уважете съ нимъ кому говорить (во Мценскѣ), и попу Филиппу въ тѣ поры тутъ не быть: попъ де не таковской человѣкъ. А иного де попъ не вѣдаетъ, и быти ему тутъ и вѣдать нельзя“. Простачокъ Іова Борецкаго, однакожь, смекалъ дѣломъ лучше своего „многопаучнаго“ архипастыри. Онъ подробно разказывалъ о томъ, какими способами удостовѣрилъ себя Кіевскій митрополитъ, что имѣетъ дѣло съ ревностнымъ приверженцемъ православной церкви; но когда Лодыгинъ и Нечаевъ потребовали его личнаго удостовѣренія на счетъ этого важнаго пункта, онъ отвѣчалъ: что по ево вѣдѣнію, кабы онъ въ крестьянскую вѣру имѣетъ

и ничево де онъ (попъ Филиппъ) повреженъ въ вѣрѣ (у Ахіи) не видитъ, а сердечное ево Богъ вѣсть".

Разпросныя рѣчи пристава Пузикова, Александра Ахіи и священника Филиппа тщательно записывались и отправлялись въ Москву. Какіе дѣлала изъ нихъ выводы царская дума, — неизвѣстно; но изъ ея вопросовъ, приходившихъ во Мценскъ, видно, что ее всего больше интересовала православность Ахіи. Лодыгинъ и Нечаевъ должны были подробно разпросить у Пузикова, какъ держалъ себя Ахіи относительно благочестія въ дорогѣ, каково у него крестное знаменіе, поклоняется ли онъ образамъ, и какой съ нимъ въ дорогѣ былъ образъ. Поведеніе гостя не вполне соответствовало религіозности пристава Пузикова. Онъ доносилъ: что „въ вѣрѣ его узнать нельзя; а какъ де приходилъ онъ (Пузиковъ) къ Александру въ Путивле, и у него де въ избѣ въ тѣ поры былъ образъ Пречистые Богородицы, писанъ черниломъ на бумажкѣ и прелепленъ къ стѣнѣ воскомъ. А въ дороге де по станомъ и тово образа не видать. Какъ де Александръ учеть садитца ѣсть, и попъ де говорить Отче нашъ передъ образомъ или передъ крестомъ, что гдѣ у крестьянъ вызбѣ есть,—и Александръ де, государи, перекрестясь не урядъ, но памахавъ рукою, куды лицомъ стоитъ, туды и поклонитца; иногда и хребтомъ къ образу стоять и въ шапкѣ, и онъ такъ и поклонитца, къ образу и не оборотясь".

Самыхъ слѣдователей Лодыгина и Нечаева неприятно поражалъ польскій хохолъ Александра Ахіи, не согласовавшійся въ ихъ понятіи съ наружностью православнаго человѣка. Отвѣчая на получаемыя изъ Москвы освѣдомленія о внѣшности турскаго царевича, они писали: что Александръ „напередъ тово голову простригъ и учпилъ хохолъ, какъ дѣлаютъ польскіе купцы. И мы ему къ слову выговорили: и сказываетца онъ нашия православныя христіанскіе вѣры, а учинился въ хохлѣ по ляшески, и въ крестьянскихъ обычаяхъ такъ не повелось. И Александръ говорилъ, что онъ называетца Полякомъ купецкимъ человѣкомъ, и онъ простригъ на головѣ такъ же, какъ польскіе купецкіе люди дѣлаютъ, чтобъ не признатно. Да и въ Турской де земли только брѣютца, а такъ же дѣлаютъ. А собою, государи, Александръ ростомъ средней и образомъ обышней, черноусъ, въ лицѣ шуловатъ, носъ плоскъ, продолговатъ; лѣтъ ему по больше сорока; а по разсмотрѣнью, государи, слышенъ и въ рѣчи остерегателенъ, и языки говорить, и грамоте наученъ многихъ земель. А

въ вѣре ево знать (нельзя) ¹⁾; а вѣруя во единого Бога Отца Вседержи(теля) говорилъ по достоинству, и образомъ поклоняетца, только крестница кабы не истово. А какъ съ нами, холопи вашими, говорить, и онъ на образъ Пречистые Богородицы взираеть часто умильнымъ обычаемъ. И прежь сево, и ныне, какъ объявлялъ намъ, для чево онъ въ Московское государство приѣхалъ, и онъ билъ челомъ вамъ, государемъ, вставъ, и взорѣвъ на образъ Пречистые Богородицы, прослезился и говорилъ все стои и сквозь слезъ. А иново, государи, нельзя разсмотреть: въ рѣчехъ опасенъ“.

Въ отвѣтъ на это, изъ Москвы присланы отъ патриарха Филарета Никитича для Александра Ахія четки и книга Капунникъ. Патриархъ писалъ, что Александръ Ахія, должно быть, „въ вѣрѣ правъ, да и Юву Борецкому, ставленнику патриарха Теофана, вѣритъ въ томъ, что онъ писалъ про Александра, мочно“. Но такъ была его заботливость о сохраненіи, такъ-сказать, православнаго цѣломудріи, что онъ тутъ же наказывалъ дворянину Лодыгину и Дмитрію Нечаеву: „А будетъ Александръ ꙗ люди (ево) учнутъ проситца къ церкви, і вы бѣ его къ церкви пускать позволили по ево прошенью по празникамъ и въ воскресные дни, а стоялъ бы онъ и люди ево въ трапезе, которая не освящена, для того, что онъ называется Полякомъ. А будетъ онъ учнетъ проситца въ церковь и ходить въ хохлѣ, і вы бѣ ему велѣли отговаривати, что ему въ церковь ходить въ хохлѣ нельзя, потому что онъ ныне учинилъ себѣ хохоль и называетца Полякомъ; а въ Россійскомъ государстве Поляковъ съ хохлы въ церковь не пускаютъ, потому что Поляки отъ православные вѣры отпали и приняли отъ папы многую ересь, и нашу истинную православную вѣру гонять“ ²⁾.

Какимъ языкомъ говорить Ахія, и умѣетъ ли русской или иной славянской грамотѣ, царскіе слѣдователи доносили уже въ Москву; но ихъ опять объ этомъ спрашивали. Они отвѣчали, что въ разговорахъ, на ихъ разпросы, Александръ сказалъ: „что онъ рускіе (грамоты) слова многіе знаетъ, а словенской (грамоте) не учился, потому что пробы(валъ во) многихъ государствахъ; а рускіе де грамоты по немно)гу честь маленько умѣетъ, примѣрива(ясь къ се)рбской

¹⁾ Авторъ въ приводимыхъ здѣсь выпискахъ изъ современной переписки означилъ скобками буквы, утраченныя по ветхости подлинника.

²⁾ Отпаденіе отъ православной вѣры указываетъ, что Поляками назывались рускіе подданные Польскаго короля. Коренные Поляки называются въ перепискѣ *Ляхами*.

и въ болгарской рѣчи, а иное и научилъ е(во) попъ Филиппъ, вѣрую во единого Бога, и Царю небесный, и иные стихи и псалмы по руски попъ Филиппъ ево выучилъ. І въ тѣ поры (прибавляетъ Нечаевъ) я холопъ твой Гришка, съ Александромъ говоря въ разговорехъ отъ книгъ, говорилъ Царю небесный и Отче нашъ, и вѣрую во единого Бога по гречески, и которое, государь, слово и я холопъ твой могу (sic) по гречески, а Александръ то жъ слово выговорить по руски все, не само чиста руская рѣчь, а не по польски и не по украински⁴.

Не смотря на это усердное изображеніе національности Ахія, изъ Москвы снова спрашивали: какимъ языкомъ говорить Ахія: „польскимъ ли, или по руски, или по украински, какъ говорятъ въ Литвѣ на Украинѣ, и какое на немъ платье, и умѣть ли русской или словенской грамоте?“ Лодыгинъ и Нечаевъ описали, что Александръ Ахія говорилъ съ ними „по польски, а иное кабы по сербски, а иные немногие слова и по руски впрямь, а не такъ, какъ говорятъ на Украинѣ, и не такъ, какъ говоритъ кievской попъ Филиппъ; а больши говорилъ по польски. А грамоте, государь, болгарской и сербской, сказывалъ не умѣть, (а) по руски умѣть ли, тово невѣдомо. А какъ я, холопъ твой (говорить отъ себя дьякъ Нечаевъ) на столѣ въ тетрять рѣчи (ево писалъ, и онъ слова многие знаетъ и называлъ впрямь по руски, какъ которое слово въ азбуке (написано). Да и самъ, государь, Александръ съ нами (холопи твоими) говорилъ, что онъ руски грамоты честь маленько умѣть, а слова де многие знаетъ потому, что де сербская грамота съ рускою во многихъ словахъ сходитца. Да и попъ Филиппъ намъ, холопомъ твоимъ, сказывалъ, что Александръ съ нимъ псалтырь чтеть по сербски съ руского обычая, и говорилъ де ему Филиппу, чтобъ онъ поучилъ ево Александра грамоте по руски. А платье, государь, Александръ носитъ все по польски, да и люди ево платье носятъ по польски жъ, і въ хохлахъ. І приставъ, государь, ево... сказываетъ намъ холопомъ твоимъ, что у него въ дороге, ѣдучи отъ Путивля, виделъ и ныне во Мценску видить въ житьѣ і въ ѣстве і во всякомъ чину по польскому обычаю все; а говоритъ де съ попомъ и съ людьми по польски; а которые де слова отъ попа Филиппа и отъ ево людей таптъ, і онъ съ людьми своими говоритъ по турски¹⁾; а попъ Филиппъ и люди ево по турски не знаютъ ничего“.

¹⁾ Эти люди были, не исключая и Серба Мирка Македонянина, запорожскіе казаки, следовательно, могли происходить отъ разныхъ націй.

Хотя въ Москвѣ и находили, что Александръ Ахіа, по видимому, въ вѣрѣ прякъ, но его польское воспитаніе было болѣе, чѣмъ очевидно. Вонсовичи, Вольскіе и Жебридовскіе, о которыхъ самъ онъ упоминалъ, могли скрывать у себя за спиной, какъ во время—оно Вишневецкіе и Мнишки, незримыхъ свѣту двигателей дѣйствій—не только подставного царевича, но и тройственной лиги лисовчиковъ, Запорожцевъ, Донцовъ. Ходатайство Запорожскаго войска о дозволеніи всѣмъ казакамъ перейти подъ вѣрную руку Московскаго царя совпало съ посольствомъ Ахіа въ Москву для испрошенія у царя пособія на войну съ Турецкимъ султаномъ. Но во мценскихъ бесѣдахъ затрогиваемый Ахіей вопросъ о казакахъ, какъ войнахъ св. креста, делегаты государственной думы оставляли безъ всякаго вниманія. Москвичи знали, изъ кого состояли кадры Запорожскаго войска, и дружба Ахіа даже съ великорусскими представителями казачества, въ лицѣ князя Мосальскаго и донскаго атамана Алексѣя, не ослабляла опасенія, что все его предпріятіе есть не что иное, какъ новая complicacia многовѣковой латипольской интриги. Лодыгинъ и Нечаевъ освѣдомлялись о казакахъ и у Ахіа, и у священника Филиппа весьма заботливо въ томъ самомъ смыслѣ, какъ и о Татарахъ, о Полякахъ, о Шведахъ. Связывать вопросъ о русскомъ православіи съ перемѣчивыми движеніями такъ еще недавно поладившаго съ Россіей Запорожскаго войска было бы съ ихъ стороны очень странно. Ахіа, очевидно, воображалъ Москву, какъ и вся Западная Европа, царствомъ набожныхъ мужичковъ. Очутясь въ немъ игрой непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, онъ думалъ снискать у Москвичей сочувствіе своему предпріятію посредствомъ красивыхъ словъ о православіи да умильнаго поглядыванья на образъ и готовыхъ у него всегда слезъ. Но чтó ему удалось въ Кіевѣ, до того было далеко въ Москвѣ. Кіевъ, родоначальникъ русскихъ городовъ, былъ дряхль и слабъ въ своемъ отособленіи. Москва, собирательница Русской земли, жила, какъ выражались тогда „бодроопаснымъ“ государственнымъ строительствомъ. Не мудрено было Кіеву, въ лицѣ простосердечнаго ипока Борецкаго, принимать казаковъ за христіанское воинство, а самозваннаго турецкаго царевича за орудіе Божьяго промысла. Кремлевскій горизонтъ былъ шире монастырскаго. Въ Москвѣ не могли просмотрѣть существо дѣла изъ-за той формы, въ которую оно облечено. Когда Ахіа, разувѣрившись въ своихъ предположеніяхъ, сталъ хлопотать о томъ, чтобъ его отпустили въ Задунайскую Славяницну черезъ Запорожье,—на его проектъ вести казаковъ къ устью Дуная отвѣчали многозна-

чительнымъ молчаніемъ. Виѣсто сочувствія къ движенію христіанскаго воинства на враговъ св. креста, Ахіа высказано было опасеніе, чтобъ онъ не попалъ въ руки польскихъ сыщиковъ и тѣмъ не навлекъ бѣды на Іова Борецкаго, къ которому паны рады писали уже, чтобъ онъ выдалъ скрывающагося у него возмутителя казаковъ. Само собою разумѣется, что этимъ путемъ Ахіа искалъ только выхода изъ-подъ ареста, о которомъ изъ Москвы было предписано, чтобъ онъ былъ Александру не въ примѣту, по которой былъ слишкомъ опутителенъ для такой перелетной птицы. Видя запертымъ для себя днѣпровскій путь, сталъ онъ просить, чтобъ его отпустили хоть на Донъ, откуда онъ могъ бы провести казацкую дружину черезъ Азовское и Черное моря къ дунайскимъ берегамъ Болгаріи. Но лисовички, Днѣпровцы и Донцы были способны разбиваться на сколько угодно купъ и собираться въ смѣшанныя купы, по общему свойству всякаго агрегата, зависящаго отъ свойства своихъ элементовъ. Эту истину строители московскаго единства сознавали по своей собственной природѣ и отвѣчали Александру Ахіа языкомъ дипломатическимъ: „Билъ онъ челомъ великому государю нашему, его царьскому величеству, чтобъ ево отпустить на Донъ а отголе на Дунай і въ Волохи і въ Болгары. И тово учинить, что ево на Донъ отпустить, не мочно, по тому что на Дону живутъ казаки, вольные люди, и государева повелѣнья мрло слушаютъ, і воровство отъ нихъ чинитца многос, и за то па нихъ бывастъ ево государьской гнѣвъ; а люди, они немпогіе; большіе воины имъ Турскому учинити нельзѣ“. Не стоитъ де изъ-за такихъ пустяковъ нарушать той дружбы и любви и ссылки, въ которой находится великій государь съ Турскимъ салтаномъ. „А съ Крымскимъ царемъ (продолжали делегаты) потому жъ ссылка и любовь, а недружбы межъ царьскаго величества і Турсково салтана посямѣста не бывало, и съ крымскимъ царемъ нелюбья нѣтъ, и дружба и любовь и ссылка межъ царьскаго величества и Крымсково царя ежелитъ. А какъ онъ Александръ былъ въ Польше и въ Литве, и ему было мошно черезъ Литву въ Волоскую землю і въ Болгары пройти, потому что тѣ земли съ Польскою землею сошлись; а ныне ужъ назадъ (че)резъ Польшу и Литву итти ему нельзя, потому что ево въ Києве (Поляки) сыскивали, а хотѣли поймать, і былъ (онъ у Києвскаго) митрополита въ въ хоронехъ і ходилъ въ (чернеческомъ) платьѣ и только ему итти назадъ въ Польшу, и ево) поймають и отошлютъ къ Турскому“ .

XV.

Чѣмъ больше хлопотали на Западѣ о томъ, чтобы сдѣлать Россію игралищемъ римской политики, тѣмъ недовѣрчивѣе ко всему приходившему съ Запада была Москва. Не такъ зорко слѣдила она за іезуитскими происками во времена Ивана Грознаго, какъ теперь, когда въ отпоръ Полякамъ избранъ былъ царь изъ среды ея боярства, и отецъ его, Филаретъ Никитичъ, поставилъ свой патріаршій престолъ рядомъ съ престоломъ царскимъ. Не помогли Александру Ахіи и два письма, полученныя имъ изъ Флоренціи во время пребыванія его въ Краковѣ въ 1617 и 1618 годахъ. Одно писалъ къ нему великій герцогъ Козма II, другое—мать герцога Кристина. Письма были отправлены для разсмотрѣнія въ Москву, тамъ переведены иноземнымъ аптекаремъ по нѣмецки, а съ нѣмецкаго по русски, и возвращены для врученія Ахіи. Опѣ состояли изъ учтивыхъ выраженій, какими обмѣниваются между собою царственныя особы, но на Москвичей, какъ видно, не произвели выгоднаго для Ахіи впечатлѣнія. Напротивъ того, съ первыхъ чиселъ декабря 1625 до конца февраля 1626 года его заставили ожидать царскаго рѣшенія на его просьбы сперва о покровительствѣ и помощи, а потомъ уже только о пропускѣ за московскій рубежъ. Даже чрезъ Великій Новгородъ считалось не безопаснымъ перешагнуть ему изъ Россіи въ Нѣмецкія земли, такъ какъ въ той сторонѣ шла у Поляковъ война со Шведами, и Ахіи могъ бы сдѣлаться въ рукахъ тѣхъ или другихъ орудіемъ политической интриги. Единственною дверью, въ которую можно было выпустить опаснаго гостя, найдены Архангельскій портъ, и по всей вѣроятности, потому, что иностранныя корабли приходили въ Архангельскъ только въ іюнь, а „исторговавшись“, отправлялись обратно въ августъ и сентябрь. Это обстоятельство давало возможность положить между предыдущею и послѣдующею дѣятельностью Ахіи на поприщѣ политическаго пройдошества значительный промежутокъ времени, который могъ бы разобщить его съ такими неустойчивыми людьми, какъ лясовички, Днѣпровцы и Донцы.

Между тѣмъ рѣшенъ былъ окончательно главный вопросъ относительно Задунайской Славянищины. По русской православной логикѣ, дѣла, основаннаго на подлогѣ, не могла освятить самая святая цѣль. Если царскіе совѣтники опасались, „чтобы тѣмъ Богомъ не прогнѣвить, что человѣка христіанина отдать въ поганскіе руки“, то могли ли

они ожидать отъ Бога помощи въ такомъ дѣлѣ, какъ самозванщина? Пускай бы даже и впрямь распадалась Оттоманская имперія, какъ это твердили Полякамъ папскіе нунціи послѣ гибели Османа II; пускай бы въ самомъ дѣлѣ недоставало только одного удара, чтобы положить конецъ господству мусульманъ надъ христіанами,—и въ такомъ случаѣ политическая ложь во имя Иисуса Христа ужаснула бы людей, которымъ православное царство возвращено за крѣпкое стоянье на пути, указанномъ Гермогеномъ. Вотъ почему о возможности или невозможности спасти православныхъ отъ агарянскаго ига не было даже и рѣчи въ государственномъ совѣтѣ Михаила Романова, руководимаго достойнымъ отцомъ своимъ. Предварительно надобно было удостовѣриться: самозванецъ ли Ахія, или же прямой Магметъ-сультановъ сынъ? прикидывается ли онъ православнымъ, или же точно въ вѣрѣ прямъ? Второй изъ этихъ вопросовъ рѣшался вѣстѣ съ первымъ, если только не предположить, что онъ вывезенъ изъ Турціи, какъ онъ разказывалъ, по шестому году и не увѣренъ, подобно московскому Лжедмитрію, въ томъ, что онъ — спасенный отъ гибели султаничъ. Этимъ только предположеніемъ возможно для насъ объяснить себѣ терпимость, съ которою Москвичи смотрѣли и на его польскій хохоль, и на то, что у него „въ житьѣ и въ ѣствѣ, и во всякомъ чину все по польскому обычаю“.

Что касается до его бѣгства съ матерью и ея отцомъ изъ Магнезии во время возшествія на престолъ султана Магомета III, то не могли они не видѣть, что это — повтореніе повѣсти о мнимомъ спасеніи изъ Углича царевича Дмитрія, распущенной при Борисѣ Годуновѣ между лукавыми искателями поживы и людьми легковѣрными. Увѣренность Московскаго правительства въ самозванствѣ Ахія явствуетъ ужъ изъ одного того, что до появленія своего въ Россіи онъ получилъ подарковъ на 1,000 рублей съ оговоркой, что „царское величество посылаетъ Олександру царевичю отъ своей царские любви, что у него великого государя лучилось, и Олександръ бы царевичъ принялъ то въ любовь“. Къ этому было прибавлено, что „великий государь и впередъ Олександру царевичю желаетъ всякого добра, чтобъ ему милосердый Богъ помощь послалъ достигнуть отца своего государства“. Когда же Ахія сдѣлался царскимъ гостемъ въ Путивль и во Мценскѣ, онъ, кромѣ четокъ и книги Канунника, не получилъ изъ Москвы никакого подарка, а отпускъ его самого вовсе не соответствовалъ отпуску его пословъ. Въ реляціи Лодыгина и Нечаева заключительная сцена изображена такъ:

„Да осврала въ 26 день Дмитрей и Григорей велѣли Александру Ахне быть къ себѣ одному, и говор(или ем)у, что онъ великому государю... и отцу его государеву... билъ челомъ... чтобъ пожаловали его Александра (велѣли) отпустить на Архангельской городъ, а отъ Ар(хангельск)ого города моремъ въ Немецкіе государства, і они о томъ писали къ царьскому величеству, и царьского величества указъ объ немъ... пришелъ; а велено ево Александра отпустить ізо Мценска къ Архангельскому городу и съ людьми его, а для чести и всякого береженья, чтобъ ему безчестье ни отъ кого не было, велено съ нимъ до Архангельского города ѣхать тому жъ приставу его Данилу Пузикову и кормъ и питье давать ему довольно, і онъ бы ѣхалъ въ путь свой безо всякого опасенія. А на платье (и) на всякой его расходъ, любу ему что понадобится кунить на себя и на людей его, прислано къ нему царьского величества и отца его государева... жалованья 150 рублевъ денегъ, і онъ бы то взялъ“.

При такомъ явномъ разочарованіи въ турскомъ царевичѣ и при столь крайней осторожности, чтобы царскіе недоброхоты какъ-нибудь не провѣдали о его пребываніи въ Московскомъ государствѣ, казалось бы, всего сподручнѣе было сѣвернымъ варварамъ упрятать самозванца тайкомъ отъ православныхъ и тѣмъ освободить себя отъ всякихъ случайностей турецкой самозванщины, которая столь сильно заинтересовала казачество. Вѣдь, по отзыву Флетчера, „образъ правленія у Русскихъ весьма похожъ на турецкій, которому они старались подражать, сколько возможно, по положенію своей страны и по мѣрѣ своихъ способностей въ политическихъ дѣлахъ“. Но то, что сплошь да рядомъ дѣлалось въ XVII столѣтіи у западныхъ католиковъ и протестантовъ pro bono publico, было несвойственно правительству „поповича“, какъ называли Поляки на своихъ сеймахъ сына Московскаго патріарха. Кіевскій митрополитъ, совѣтуя Александру Ахну искать спасенія у Московскаго царя, взялъ его безопасность на свою душу, и это ручательство не только спасло его отъ раздраженія, которое было бы такъ простительно въ народѣ, едва не погибшемъ отъ самозванщины, но защитило и отъ знаковъ явнаго презрѣнія.

Что касается до самого Іова Борецкаго, который дался въ обманъ пройдохѣ, и въ своемъ увлеченіи ревностью къ православію, свернулъ было съ пути апостольскаго на тотъ путь, которымъ шествовали къ своимъ цѣлямъ неразборчивые въ средствахъ католическіе прелаты,— то царскіе слѣдователи не высказали его наперснику, отцу Филиппу, даже и намекомъ, что имѣютъ дѣло не съ царевичемъ, а съ обман-

щникомъ. За нѣсколько дней до отпуска Ахіи въ Архангельскій городъ, священнику Филиппу было предложено ѣхать въ Москву, чтобы видѣть свѣтлыя царскія очи и получить обычную милостивую на церковное строеніе. Онъ даже и не зналъ, что стало въ Мценскѣ съ турецкимъ царевичемъ Борецкаго. Собственному разуму и совѣсти Киевскаго митрополита предоставлялось опредѣлить достоинство дѣйствій своихъ по отношенію къ поднятому Александромъ Ахіей вопросу. Въ интимныхъ сношеніяхъ между Московскимъ царемъ и Іовомъ Борецкимъ, продолжавшихся до смерти Іова, послѣдовавшей въ 1631 году, имя Ахіи не упомянуто ни разу. Если въ Москвѣ отцу Филиппу не свазали ничего объ отпускѣ Ахіи черезъ Архангельскій городъ, то добродѣтельный инокъ могъ безпоянаться о судьбѣ чело-вѣка, котораго безопасность онъ взялъ на свою душу. Но онъ могъ узнать изъ другихъ источниковъ, и даже отъ такихъ почитателей своихъ, какимъ былъ князь Мосальскій, что въ 1627 году Александръ Оттоманусъ появился снова на поприщѣ придворныхъ интригъ въ Западной Европѣ и подвизался на немъ безъ всякаго видимаго участія въ дѣлахъ Задупайской Славяницы. Слѣды его ничтожнаго существованія, по италянскимъ архивамъ, замѣтны до 1635 года; потомъ исчезаютъ. Къ чести московской проникательности прибавимъ, что только черезъ семь лѣтъ послѣ его пребыванія во Мценскѣ, бывшій другъ и покровитель Ахіи, великій герцогъ Тосканскій Козьма II Медичи, усомнился въ его царственномъ происхожденіи и поручилъ приближенному къ себѣ лицу изслѣдовать, дѣйствительно ли Александръ Ахіа—турецкій султаничъ, или же просто—обманщикъ.

II. Кулишъ.